

И. Вартанов.

Ассирийцы в Сибири: Воспоминания

В книге рассказывается о массовой депортации **ассирийцев** Советского Закавказья в 1949 году, об их жизни в **сибирской** ссылке (вТомской области). Это преступление сталинского режима до сих пор оставалось неизвестным широкой общественности. В книгу включены и главы, в которых речь идет о древней истории ассирийского народа, о его жизни в средние века, о геноциде в годы Первой мировой войны.

ПОЧЕМУ Я ПИШУ ПРО ЭТО

Я ассириец. Мой отец и моя мать — ассирийцы. Мои родители оказались в России в 1915 году, в числе других ассирийцев-христиан, которые бросили родные горы в Турции и бежали от резни, спасая свои жизни.

Турки истребляли ассирийский народ. Они выполняли приказ своего правительства. Нельзя было оставить ни одного ассирийца в живых. На ассирийцев охотились, как на зверей. Азарт был большой. Их резали на куски, сжигали на кострах, им разбивали головы о камни. Ассирийцы бежали кто куда. Их уцелело немного. Говорят, теперь они живут в США, Англии, Голландии, Австралии, Аргентине, Бразилии, Швеции, Греции, во Франции и Новой Зеландии. Мы не знаем, как у них идут дела, и они про нас ничего не знают.

Мы давно в Советском Союзе. Я родился в 1944 году. Мой отец стар, ему идет восьмой десяток лет. Мы из племени ботанае. Область Ботан находится где-то недалеко от озера Ван. Это родина наших прадедов. Отец тоскует по этой земле. Он говорит: «Сынок, единственное, что я хотел бы, пока еще жив, — это хоть один разочек взглянуть своими глазами на ту землю, на те горы, откуда мы бежали сюда; хотя бы с высоты полета самолета, сверху посмотреть на наши селения Рума, Борб, Швата — и сердце мое успокоилось бы, и умер бы я спокойно...»

Мне родители дали имя Элия (Илья), отца зовут Озар, Лазарь по-русски, и, если бы мы остались жить на родине предков, назывался бы я Элия Бар-Озар. «Бар» — по-ассирийски «сын». Фамилий же у жителей гор отродясь не бывало. Спасибо армянскому чиновнику в Эриванской губернии: он оформлял документы на ассирийских беженцев, которых спасал Красный Крест, и произвольно проставлял фамилии, чтобы людей пропустили в города России. Моему отцу досталась фамилия Вартанов. Вот ее я и ношу.

Мы католики. Отец говорит, что это самая правильная вера. Может быть... Но это не важно. А что важно? Отец говорит: «Надо запомнить все, что было в жизни ассирийцев. Вы грамотные, запишите на бумагу». Ну, все, что было, один человек никак не может записать, на это жизни не хватит. Откуда начинать и где закончить? Ассирийцы — великий народ. Великий и несчастный. Они, может быть, самый древний народ на свете, древнее евреев. Но это тоже теперь не важно. Прав отец. Каждое поколение ассирийцев, куда бы судьба ни забросила его, должно запечатлеть на бумаге те важные события, которые случились в его жизни. Без этого мы потеряем свою историю. Кто-то писал и еще напишет о резне ассирийцев в Турции и о нашем бегстве. Кому-то в Америке или другой далекой стране удалось обрести счастье, пусть и он напишет об этом. А я был свидетелем печальных

событий в жизни нашего народа, когда нас отправили в Сибирь, в ссылку. Годы сибирской ссылки потрясли наше сознание, отпечатались в памяти. Значит, и это часть нашей истории. Так забыть ее навсегда или помнить и рассказать другим? Отец кивает седой головой: «Запиши, сынок, запиши все, что знаешь...»

МИЛОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ ДЕТСТВО

Я всегда с горечью думаю, что у нас не было радостного детства. Оно прошло как бы мимо, словно человек, который куда-то торопился и совсем забыл приласкать, хотя бы на бегу, родное и близкое ему существо. Мы не слышали в детстве нежных колыбельных песен, увы! — ассирийские женщины не сохранили их, да к тому же наши матери, имея от 7 до 12 детей и одновременно работая в колхозе, зачастую от усталости засыпали быстрее нас. Мы, ассирийские дети 40-х годов, не имели никаких игрушек — их нам заменяли ржавые железные обручи от бочек, осколки разноцветного битого стекла, рогатки, из которых мы метко стреляли по птичкам, и тот разнообразный хлам, который бедные дети во всех странах с увлечением подбирают во дворе и на пустырях. Пределом моей мечты в детстве, помню, был волчок — сверкающий, ярко раскрашенный, с огромной скоростью крутящийся великолепный волчок! Но детство прошло, а эта игрушка так и застряла в памяти как несбывшаяся мечта.

В это время мы жили в Азербайджане, в большом селе Гринфельд, недалеко от крупной железнодорожной станции Акстафа. Название селу дали немцы (на их языке это означает, кажется, «зеленое поле» или «зеленый луг»), которые его основали. Это были зажиточные хозяева, потомки тех, кто приехал из Германии в Россию еще при Екатерине Великой. В Гринфельде жило, говорит мой отец, не меньше 2000 ассирийцев племени ботанае. Рядом было еще одно село с ассирийским населением — Алексеевка. Много ассирийцев жили в таких городах и их предместьях, как Кировабад, Казах, Ханлар, Шамхор, Евлах, Тауз и других. В Баку ассирийцев было гораздо меньше.

Наши отцы и матери были столь же бедны, сколь и невежественны. Но каждый день они обращались к Богу с молитвами, ибо стали католиками давно, еще в Турции, и даже знали, что главный их духовный центр находится в Ватикане, в Риме, по-ассирийски «Рума». Для моего отца священник католической церкви был высшим авторитетом. Когда возникали сложные житейские вопросы, отец ездил к священнику советоваться, и слово священника в этих случаях играло решающую роль. Например, у ассирийцев запрещены браки между двоюродными братьями и сестрами, вообще между близкими родственниками. Но нередко бывало так, что собирались жениться парень и девушка, родственники не очень близкие, но и не очень далекие. Чтобы решить такой запутанный вопрос, родители молодых часто обращались к моему отцу, который имел в их глазах авторитет, потому что читал книги Священного Писания, Евангелие на ассирийском языке. Но отец сам, в свою очередь, для окончательного решения вопроса обращался к священнику, и благословение священника или отказ его решали судьбу двух молодых людей. Венчание в церкви было обязательным, как и крещение новорожденных.

Меня крестили с большим опозданием, когда мне шел уже четвертый год, и я понимаю почему. Самая близкая к нам католическая церковь находилась в Грузии, в Тифлисе, примерно в 130 километрах по железной дороге от Акстафы. Ехать в такую даль колхознику-крестьянину, который постоянно занят работой и семейными делами, — не такое уж простое дело. А я был последний, 11-й ребенок в семье; четверо умерли, когда были еще младенцами. И в один прекрасный день 48-го года меня все-таки повезли крестить. Я уже хорошо бегал и разговаривал. Улицу в Тифлисе, где была церковь, мои родители называли «Киречная». Я думаю, на самом деле улицы с таким названием никогда не было в Тифлисе. Сейчас это улица Калинина. Кажется, название «Киречная» — от немецкого слова «Кирхе» («Кирше»), означающего «церковь». Немцы из нашего села тоже ездили в эту церковь. Рядом с католической церковью стоит большая православная церковь. Немцы, наверное, часто говорили «Кирше», «Кирше», а ассирийцы исказили это слово, да еще поняли его как название улицы, вот так и появилась улица «Киречная».

Мне, наверное, с малолетства суждено было иметь беспокойную судьбу. Вот и в тот день, когда меня крестили, со мной произошел необычный случай. После того как обряд крещения закончился, мои родители и вместе с ними крестные мать и отец пошли пешком по улице «Киречной», разговаривали, с любопытством оглядывались по сторонам — ведь не часто попадаешь в такой город! — и не обращали на меня никакого внимания. А я, пользуясь своей свободой, то забегал вперед, то отставал от взрослых и вдруг исчез с поверхности земли — провалился в канализационную яму, которая не была прикрыта крышкой. Оглянувшись, мои родители обнаружили, что меня нигде нет — лишь откуда-то снизу слышались мои вопли. Они страшно перепугались, и когда подбежали к открытому люку, то увидели такую картину: на дне ямы глубиной примерно в 2,5 метра, в которой с разных сторон торчат куски железной арматуры и другие острые предметы, стою я, без единой царапины, и изо всех сил плачу, надрываясь от крика. Меня вытащили. Я был весь перепачкан, но, к счастью, цел и невредим, и меня тут же крепко отшлепали по заднице. Несправедливо, конечно, но такова была первая реакция взрослых. Потом, много лет спустя, родители говорили мне, что только по счастливой случайности я не распорол себе живот об острые железные прутья, когда падал в яму, что это милость Божья была, не иначе.

В обычае у ассирийцев, как у всех народов Востока, иметь много детей, и чем больше среди них сыновей, тем лучше. Нас рожали прямо дома, без всякого понятия о санитарии и гигиене, и мы росли, как трава, в естественных условиях, не подвергаясь ничему такому, что называется «воспитанием». Нас, детей, кормили чем-то и одевали во что-то, это считалось вполне достаточным, чего еще надо? Моя мама за семерых детей была награждена медалью «Материнская слава» первой степени. Если женщина имела 9 детей или больше, то ее награждали медалью «Мать-героиня». Такие медали имели многие ассирийские женщины. Я не знаю, какую реальную пользу приносили эти награды и улучшалось ли благодаря им материальное положение семьи, но иметь медаль, хоть какую-нибудь, красивую, блестящую, считалось тогда делом почетным, а званием «мать-героиня» можно было особенно гордиться. «Героиня», родив очередного ребенка, через несколько дней уже выходила на колхозное поле — надо было работать, чтобы прокормить семью, заработка одного только отца не

хватало. Кенгуру носит своего детеныша в сумке на животе. Ассирийская мать носила ребенка типичным способом — на спине, привязывая его к себе большой шалью. Она не могла себе позволить оторваться от множества повседневных дел, и ребенок спал, мочился, голодал, заливался плачем, замолкал и снова засыпал — и все на спине у матери, выполняющей колхозные или домашние работы.

По закону бедности с ассирийскими детьми могли случиться и случались всякие несчастья. Ведь матерям некогда было углядеть за всеми малышами, которые ползали — перепачканные грязью, летом совсем голые — во дворе возле дома. На одного ребенка опрокинулся котел с кипящей водой, другого — покусали свиньи, которые паслись здесь же во дворе, и т.д., всех бед не перечислить. И меня не обошла эта участь. Когда я был совсем маленький, одна из моих сестер, школьница (у меня было 5 сестер), взяла меня на спину и таскала с собой, а дети постарше устроили возню, баловались, толкали друг друга, и в этой возне сестра упала спиной на землю, придавила меня и сломала мне ногу — нога повисла на одной только кожице, болтаясь, как тряпка. Я мог бы остаться калекой на всю жизнь. Ногу мне спас старый ассириец-костоправ Сепо Данилов, он ее прочно закрепил в деревянном каркасе, и кости срослись через какой-нибудь месяц. В то время дети часто умирали от болезней, которые сейчас легко поддаются лечению. Я рад, что в этих условиях — выжил.

Пытаюсь вспомнить, каким был отец в годы моего детства, — и не могу. Я редко видел его дома — дни и ночи он проводил в поле; отец работал поливщиком, т.е. поливал колхозные земли, виноградники и т.д. В Азербайджане везде применялось искусственное орошение. Мой отец 20 лет работал на земле, постоянно находился по колено в воде и, что совсем неудивительно, приобрел профессиональную болезнь — ревматизм суставов, который его мучил многие годы. Он был настоящим тружеником, всегда выполнял тяжелую физическую работу, но постоянно нуждался, к концу жизни не скопил ни гроша.

Жизнь нас, ассирийцев, не баловала. Детство было бедным, а редкие развлечения, выпадавшие на нашу долю, весьма примитивными. Но человек способен находить светлые моменты и в самом безрадостном существовании. Так, в моей памяти до сих пор живы два воспоминания из детства. Первое: мы — в нашем фруктовом садике, яркий солнечный день, лето; старшая сестра Мария, у которой я был любимцем, поднимает меня, пятилетнего, высоко-высоко над головой, так что я дотягиваюсь руками до ярко-красных созревающих вишен. У меня захватывает дух от такой высоты, я кричу от страха и смеюсь одновременно и цепкими пальцами хватаю красные вишенки, обрываю их вместе с листьями.

Второе воспоминание связано с поездкой отца в Тифлис. Тифлис в нашем представлении был сказочным городом, со всякими чудесами и волшебниками. Отец ездил туда обычно перед Рождеством, чтобы причаститься в католической церкви, а заодно купить необходимые для дома вещи. Мы, дети, бывали счастливы, когда отец запускал руку в мешок, с которым ездил в город, и вынимал оттуда конфеты и пряники. Вот и на этот раз отец, окруженный детьми, не спеша и торжественно развязывал мешок... Это была для нас самая сладостная минута, от предчувствия чуда все внутри замирало. Отец стал раздавать детям подарки. Мне впервые в жизни достались настоящие ботинки, новенькие, с

резким запахом кожи. Особенно меня восхитили шнурки — черные, с блестящими металлическими наконечниками на концах. Я забрался в укромное место — как щенок, который боится, что у него отнимут его драгоценную кость, — и без конца то зашнуровывал, то расшнуровывал свои ботинки. Когда же наступило время спать, я захотел, чтобы мои ботинки спали вместе со мной. Нельзя, сказали мне взрослые. Ну почему? Мне так не хочется с ними расставаться. Я долго, упорно плакал, настаивал на своем, и наконец, когда у всех истощилось терпение, меня крепко отшлепали по одному месту, но ботинки поставили перед моим носом: получай! Я мгновенно успокоился и, счастливый, заснул.

Больше светлых воспоминаний о детстве в моей памяти не сохранилось. Отец и сестры, которые были значительно старше меня, вспоминают: у нашей семьи был тогда фруктовый сад и дом — просторный, с большими окнами и красной черепичной крышей. Родители построили его после многих лет тяжелой работы в колхозе, когда они скопили немного денег. Дом потом у нас отняли, но как это произошло, я расскажу немного позже.

Через много-много лет, отслужив в Советской Армии три года, я вернулся в родные края и своими руками построил для постаревших родителей другой дом. Именно тогда я понял, что это такое — родной дом, дом, где каждый кирпич помнит прикосновение твоих рук. Все особенности такого дома ты знаешь, как свое лицо. Когда ты в отъезде и вдали от него долгое время — ты помнишь его в мельчайших деталях, а когда возвращаешься, едва только покажется издали знакомая крыша — от волнения чаще бьется сердце и замедляется шаг. Свой дом... Он дорог сердцу, и я думаю, никакая городская благоустроенная квартира не вызывает у человека таких теплых чувств, как родной очаг, жилище, построенное его собственными руками.

После Отечественной войны каждая ассирийская семья в нашем селе имела такой же дом с фруктовым садом, как у нас. Наконец-то ассирийцы, изведав после бегства от резни и погромов в Турции нелегкую судьбу беженцев в России, смогли вздохнуть легко и свободно. Было свое жилище. Была работа в колхозе, хотя и тяжелая, но постоянная. Был замечательный климат Кавказа с щедрым солнцем, с обилием винограда и фруктов. Казалось, что судьба, всегда такая жестокая и несправедливая к ассирийцам, теперь — впервые — им чуть-чуть улыбнулась...

ОНИ ПРИШЛИ ЗА НАМИ НОЧЬЮ...

Память. Она одна способна молниеносно пронзить пространство времени и перенести человека из одной эпохи его жизни в другую. Воспользуемся же этой ее особенностью? и будем перемещаться свободно сквозь толщи наслоившихся событий прошлого, очень далекого, далекого и совсем недавнего. Пусть это и нарушит строгую хронологическую последовательность в моем повествовании, но зато поможет сохранить органическую связь между рассказом и произвольными всплесками в душе. Читателя прошу понять это обстоятельство и не удивляться неожиданным «перескокам» во времени и пространстве. Они, должен признаться, оправданы только тем, что так устроена моя память. Прошу прощения, если это кому-либо покажется не слишком удобным для чтения.

Так получилось, что осенью 1974-го, сразу по окончании журфака МГИМО,

я поехал в Каир работать по контракту. Переводчик с арабского в аппарате экономического советника при посольстве СССР в Египте — так называлась моя должность.

В один из первых дней на какой-то каирской улице подошел ко мне коренастый, грузный мужчина с восточной внешностью. Протянул руку и сказал по-ассирийски: «Шламалух». Я остолбенел от неожиданности, но на приветствие ответил. И спросил: «Ат манивет?» (ассир. — «Ты кто такой?»). Мужчина улыбнулся: «Я только «шламалух» знаю. Я Тигран М.» (назовем его так). Он не стал скрывать от меня, что он — майор КГБ, работавший под «крышей» посольства СССР в Каире. Он выполнял здесь несложные функции: контроль за поведением командированных советских специалистов, довольно многочисленных, которые оказывали техническое содействие Египту. «Неужели не помнишь?» — «Нет, ничего не припоминаю, уж извини». — «Да наши дома в деревне рядом были, я с твоим старшим братом играл целыми днями, тебе лет пять было, нам по восемь. А когда вас всех, ассирийцев, увозили той ночью, я так плакал, так плакал, было страшно, и жалко вас... На днях просматриваю посольский список, среди новых переводчиков вижу фамилию Вартанов. У меня в голове что-то так и щелкнуло. Неужели, думаю, это из наших бывших соседей? Ведь вы с той ночи пропали для нас навсегда, ничего о вас не было известно...»

В ту страшную ночь в окно нашего дома громко постучали. И раньше, бывало, ветки близко растущих фруктовых деревьев под напором ветра с шорохом касались оконного стекла, мягко постукивали по нему созревшими плодами. Это был привычный стук, приятный. Но теперь стучали совсем по-другому — резко, требовательно.

Первой проснулась девятиклассница Марта, сестра. Изголовье ее кровати как раз было у окна. Она раздвинула шторы, всмотрелась в темноту и с испугом отпрянула назад.

— Мама, мама! Там — солдаты с ружьями!

По стеклу опять нетерпеливо забарабанили. Теперь было слышно, как стучат и в дверь дома. «Пришла беда — отворяй ворота», — как говорит русская пословица. Отец с керосиновой лампой в руке вышел во двор.

— Кто там?

— Свои, открывай...

Отец открыл. «Свои» вошли — офицер с пистолетом и два солдата, вооруженные винтовками с разомкнутыми штыками. Их сопровождал добрый знакомый нашей семьи, колхозный бухгалтер Зорин. Солдаты стали в дверях, офицер вошел в комнату. По его требованию включили электрический свет. Мы, младшие дети, еще спали, вспоминала потом мама.

— Всех разбудить и одеть, быстро! — приказал офицер. Полуодетые малыши и взрослые сели в ряд на длинной скамье, рукой прикрывая глаза от слепящего яркого света. Дети хныкали. Офицер достал из планшета какой-то список и, называя имена членов нашей семьи, отметил

присутствующих. Все были на месте.

— Собирайтесь, — сказал офицер. — На сборы вам дается двадцать минут. За вами сейчас заедет машина. Драгоценности и алкоголь с собой не брать. Все остальное — можно.

Что творилось в доме — Боже мой! Женщины рыдали и бестолково метались по комнате, пытаюсь собрать что-либо из вещей.

Умоляли колхозного бухгалтера — понятого:

— Зорин, скажи ты ему, это какая-то ошибка, они что-то перепутали, ты же нас знаешь, мы простые колхозники, всегда хорошо работали, есть благодарности, медали за добросовестный труд, мы ни в чем не виноваты, что от нас хотят, зачем нас гонят отсюда?!

Несчастный Зорин только отводил глаза и молчал. Что он мог сказать, что он мог сделать? Он, как член правления колхоза, обязан был своим присутствием подтвердить, что все происходит законно, с согласия и одобрения общественности.

Спрашивали офицера:

— Куда нас увозят? За что? Что с нами будут делать?

Но на все вопросы обезумевших от страха людей офицер лишь твердил:

— Ничего не знаю. Мы выполняем приказ. Лучше не теряйте времени. Торопитесь.

Дети захотели в уборную. Она была на улице.

— Нельзя! — приказал офицер. — Нельзя никому сейчас выходить.

— Что же делать?

— Вон ведро, возьмите и делайте, что вам надо...

Ну что ж, поставили ведро в угол комнаты и там по очереди делали, что надо...

Я был упрямый ребенок. Мне все это очень не понравилось, и я побежал к двери, чтобы выйти на улицу. У дверей стояли с винтовками двое здоровенных дядей. Один из них, расставив циркулем ноги, преградил мне дорогу. Тогда я попытался протиснуться в щель между огромным солдатским сапогом и косяком двери справа, но нога солдата передвинулась туда же. Я сделал маневр влево — нога сделала то же самое. Солдат, наверное, решил поиграть со мной, как кошка с мышкой. Я обозлился и предпринял последнюю отчаянную попытку — проскочить между широко расставленными ногами солдата. Здесь я попался в ловушку: ноги солдата быстро сомкнулись, и я оказался защемленным самым обидным образом. Я пронзительно закричал. Тогда добродушный солдат (почему-то мне кажется, что он был добродушным) оторвал меня от пола и, высоко держа на вытянутых руках, улыбаясь, донес до середины комнаты, а там опустил на пол.

Что может собрать в дорогу семья с семью детьми, если всех поднять на ноги ночью, к дверям приставить для караула вооруженных солдат и на сборы дать двадцать минут? Что брать с собой, что оставлять? Ноги отказывались служить, из рук все валялось, вспоминал много позже отец, да и кто в этом бедламе мог бы сохранить способность спокойно и разумно что-то делать? Как ни странно, дети в такой ситуации оказались практичнее взрослых: они тащили вилки, ложки, всякую посуду, одежду, свои школьные вещи и вообще все, что попадалось под руку. Минут примерно через пятнадцать в середине комнаты образовалась куча из самых разнообразных предметов: самовар, одеяла, абажур, керосиновая лампа, ведро с топленным маслом, мешок муки, чугунный котел, швейная машина, обувь, большой медный таз, восковые свечи, несколько батончиков хлеба, примус, подушки и т.д.

В это время с улицы донеслось урчание моторов.

— Все. Пора грузиться! — скомандовал офицер.

Моя мама и старшие сестры с плачем выносили вещи во двор. Отец был так растерян и ошеломлен, что просто стоял и смотрел. А у ворот нашего дома уже ждал огромный, военного типа американский грузовик, который назывался «студебеккер». С удивлением мы увидели, что в кузове грузовика сидят на груде вещей наши родственники, вся семья Даниловых: семеро сыновей, две дочери и сами старики, их родители. Очень быстро наши узлы были заброшены в кузов на их шмотки, а вслед за вещами и мы сами оказались там же. Мы думали, что взяли только нас, но оказалось, что это совсем не так. Все наше село ночью было оцеплено воинской частью. Из домов вытряхивали ассирийцев. Но каждая семья думала, что и эту темную ночь забирают ее одну, и это еще больше усиливало ужас. До нашего дома доносились душераздирающие вопли Терезы, дочери Хормузда, хотя они жили на другом конце села.

Когда же люди увидели, что их куда-то угоняют всех вместе, они испытали даже чувство облегчения; недаром народная мудрость гласит: «На миру и смерть красна». На каждые два ассирийских дома был подан один грузовик, и в его кузов забрасывали барахло — имущество крестьян. Приказ, запрещавший людям брать с собой драгоценности и алкоголь, был совсем не нужен: бриллиантов, рубинов и золотых слитков у бедных ассирийцев никогда и не было, а что касается виноградного вина и водки, то они хранились в подвале дома каждой ассирийской семьи, но какой же нормальный человек стал бы вспоминать о них, когда его вытаскивают из постели и увозят неизвестно куда, и, возможно, навсегда...

Ночная операция подходила к концу. Всюду у машин толпились кучки взрослых и детей. Ассирийские семьи, как правило, многодетные. Самые маленькие и еще неразумные, наверное, были в восторге, что сейчас они покатаются — впервые в жизни — на чудесных огромных автомобилях. Тут и там слышался женский плач. Люди переговаривались между собой, перекликались. Офицеры, нервничая, требовали прекратить эти громкие разговоры. Но ассирийцы продолжали лихорадочно перебрасываться словами. У одного мать оставалась — лежит в районной больнице и ничего не знает; у другого жена вот-вот должна родить — и что теперь с ней делать, непонятно; у этих сын где-то в отъезде, и теперь неизвестно, найдет ли он когда-нибудь свою семью... У каждого — свое. Уже сидят в

кузове грузовика, моя мама просила колхозного бухгалтера:

— Зорин, Зорин, открой сарай, пусти теленочка к корове, а то он голодный останется.

Вплоть до сегодняшнего дня помнит мой отец, что в тот вечер, закончив работу на колхозном поле, он оставил там на утро кувшин, полный воды. Кувшин был заботливо укрыт большими листьями лопуха, и вода, наверное, сохранила свою прохладу до следующего рабочего дня, который для угоняемых неизвестно куда ассирийцев так и не наступил. наконец офицеры расселись по кабинам, в кузов каждого грузовика сели два солдата, и машины, переполненные людьми, вытянувшись длинной цепочкой, выехали на автомагистраль.

Страшная была ночь. Выли собаки, посаженные на цепи, — они теряли своих хозяев. Мычали запертые в сараях коровы. Хлопали от ветра калитки и двери в опустевших домах.

Колонна военных грузовиков увозила ассирийцев в неизвестность. Это произошло ночью 13 июня 1949 года.

Очевидцы свидетельствуют

Когда нас вышвырнули из родных домов и куда-то повезли, мы еще не ведали того, что не только наше село, но и все другие населенные пункты в Азербайджане, где компактно проживали ассирийцы, были оцеплены той ночью спецчастями НКВД. Все происходило по единому сценарию. Это стало известно нам на «этапах большого пути», когда к длиннющим товарным составам продолжали прицеплять все новые и новые вагоны, переполненные ассирийскими семьями, и перегруженные «живым грузом» эшелоны один за другим медленно двинулись с юга в прямо противоположную сторону.

По всему Закавказью будто гигантской метлой прошлись, и сметали с этой земли на сей раз — нас. Словно ненужный хлам...

О том, как организованно совершили ночную облаву на ассирийцев в Грузии и Азербайджане и увезли их в ссылку, рассказали мне в Москве, в конце 70-х, свидетели этой драмы. Она происходила на их глазах.

Вспоминает Давид Сафаров

В том злосчастном году я, молодой офицер, военный летчик, приехал на короткий отдых к матери. А жили мы в Тбилиси, в районе Ваке. Среди наших соседей было много ассирийцев, все беженцы 1915 года из Турции. Было лето, прекрасное лето Грузии. В эти теплые ночи я спал во дворе, под открытым небом. И вот когда наступила та самая ночь — никогда ее не забуду, — меня разбудили какие-то неясные звуки. Мать очнулась от сна раньше меня. У них, матерей, сердце так устроено, что чувствуют они беду раньше всех других людей.

— Сынок, — прошептала она через раскрытое окно, — пойди, посмотри,

что там такое делается?..

И только стал я натягивать на ноги сапоги — к моей кушетке из темноты выходят пятеро: один в штатском, капитан, лейтенант и двое солдат с карабинами. Из НКВД — мгновенно пронеслось в сознании, — кто еще ночью с оружием может по домам ходить?..

— Ваши документы! — потребовал капитан.

— Мама! — попросил я. — Дай мои документы, они в ящике стола.

Мать, вся перепуганная, принесла бумаги. Я решительно ничего дурного не совершил, документы мои были в порядке, но неприятный холодок пополз по спине.

Капитан развернул мое офицерское удостоверение.

— А, товарищ — лейтенант Второй воздушной армии. Все в порядке, лейтенант, отдыхайте.

Капитан козырнул, возвращая документы, и эти пятеро повернули к соседскому дому в том же дворе. А там жила семья ассирийцев, Бит-Буновы: Мишаэль, жена его Назра и пятеро детей. Бедней и безобидней этой семьи в нашем квартале не было.

Мы с мамой в состоянии какого-то оцепенения наблюдали: вот солдаты подошли к двери, вот они прикладами карабинов стучат в дверь. На шум выскочил Мишаэль в кальсонах, из-за его плеча выглядывает жена его, полуодетая. Им направили в лицо фонарик.

— Фамилия?! — требует лейтенант. Возле него вплотную стоят эти двое солдат, а капитан и человек в штатском стоят в стороне. — Кто в доме сейчас? Сколько членов семьи? — Ответы лейтенант сверяет по какому-то списку. — Так, правильно, — говорит он. — А теперь, живо, собираться, и — на улицу, машины ждут. На сборы десять — пятнадцать минут. Быстро, быстро!

Не буду говорить, как выглядели в тот момент Мишаэль и Назра, это трудно передать словами. Минут через пятнадцать на улицу вывели сонных малышей, самый маленький на руках у матери, еще не ходил тогда. Среди детей — мой любимец, пятилетний озорник Тума. Обычно, когда я полеживал во дворе на кушетке в тени большого тутового дерева, Тума любил подкрадываться сзади и соломинкой щекотать меня за ухом. Я вскакивал, хватал его и, с громким рычанием разъяренного зверя, бодал мальчика, а он, заливаясь от смеха и визжа, пытался вырваться из моих рук. Такой был проказник! А сейчас он, бедняга, шел, спросонья тер кулачком глаза и жалобно хныкал. Да... И вот повели их со двора: Мишаэль в двух руках и Назра в одной руке (другой она прижимает к груди ребенка) несут большие узлы, связанные из простыней, в узлах всякий домашний скарб, и еще идут детишки, кто-то держится ручонкой за отцовские, а кто-то за мамины узлы...

Я говорю, что все происходившее я и моя мама наблюдали в состоянии полного оцепенения. В сознании не укладывалось, что это действительно

происходит, не во сне, а наяву. Но когда группа арестованных прошла мимо и уже вышла со двора, я, не отдавая себе отчета в том, что делаю, устремился за ними. Я подоспел к машине, когда взрослые уже залезали в кузов крытого брезентом грузовика, а детей солдаты сами брали на руки и подсаживали, чтобы ускорить погрузку. Боже мой, неужели все это не сон?! Вот Назра, вот Мишаэль, всего лишь несколько часов назад мы весело переговаривались со своих балконов... Теперь, завидев меня, умоляюще протягивают ко мне руки, кричат:

— Давид! Давид! Ты же нас знаешь, скажи им, пусть сначала разберутся, мы же ничего плохого никому не сделали, о Боже, Боже, что будет с нами, что будет с нами!

Нервы мои не выдержали, я бросился к капитану — он и тот, что был в штатском, курили под деревом.

— Товарищ капитан, что происходит, объясните, ведь это же люди!

Капитан швырнул окурок на землю, растер его кончиком сапога и сказал:

— Это... не люди, а вредители всякие...

Потом вдруг разозлился, рявкнул на меня:

— Ну-ка, кру-гом, и марш отсюда! Шэн вимахар (кто ты такой, по-грузински), чтобы расспрашивать!

Кровь во мне закипела, не помня себя, я крикнул:

— Вот ты и есть не человек, мать твою!..

Капитан схватился за кобуру, и моя рука тоже дернулась к пистолету (как офицер, я имел право ношения оружия вне расположения части). Я бы его застрелил, наверное, я был совершенно невменяемым в ту секунду. Но между нами успел встать человек в штатском, русский по лицу, и вежливо, тихо так говорит:

— Иди, товарищ, иди, не мешай, здесь все по закону делается, иди...

Что мне было делать?

Странно, что эта стычка с офицером НКВД осталась без неприятных последствий. Никто и никогда потом не беспокоил меня в связи со случившимся.

Утром, едва рассвело, мы поспешили на железнодорожный вокзал, так как по городу пронесся слух, что всех, кого забрали ночью, будут отправлять куда-то по железной дороге. Ну и картина предстала перед нашими глазами! Вся огромная вокзальная площадь была оцеплена солдатами, будто шла большая эвакуация, как во время войны. Один за другим к станции подъезжали грузовые автомобили, переполненные несчастными. Я видел среди них людей всех возрастов, от грудных младенцев на руках матерей до дряхлых стариков.

А на здании вокзала висел огромный транспарант, и можно было издали

прочитать — я и сейчас слово в слово помню его - «ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЗАКАВКАЗЬЯ - НА НЕОСВОЕННЫЕ ЗЕМЛИ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ!»

Вдоль солдатских заградительных цепей стояли сотни зевак и любопытных. Один грузин презрительно сказал:

— Правильно делают, что очищают Тбилиси от этого «нагави» (мусор, отбросы, по-грузински).

Но это была единственная злобная реплика, которую я услышал. Вся толпа очень сочувствовала людям в грузовиках. Женщины при виде детей на машинах, озирающихся по сторонам, слыша плач и причитания их матерей, сами не могли удержаться от слез. Приставали с расспросами к солдатам:

— Сынок, а сынок, за что же их так? Куда увозят-то?

Но солдаты стояли серьезные, в разговоры не вступали. В толпе говорили, что этой же ночью в городе похватили много курдов и греков, теперь их отправляют вместе с ассирийцами.

Трое суток от тбилисского вокзала отходили эшелоны товарных вагонов, переполненные «добровольными переселенцами».

А куда их увозили — не знал никто.

И вот что еще хочу сказать. Не считая детства, я в своей жизни по-настоящему плакал всего два раза: первый раз — это когда с фронта в нашу семью пришла похоронка на отца, и второй — когда эшелоны увозили наших ассирийцев. С тех пор и моей душе произошел какой-то надлом, какая-то трещинка, то ли, в ней образовалась... Я был военным летчиком, готовым в любую минуту пролить свою кровь за родину. Но вот та далекая ночь 1949 года что-то бесповоротно изменила во мне, разбудила меня не только в буквальном смысле слова...

Да, продолжал Давид свой рассказ, об ассирийцах, которых на наших глазах увезли в ссылку, мы долгое время ничего не знали, не знали даже, живы они или нет. Их судьба оставалась для нас тайной до осени 1956 года.

Шел я однажды вечером к себе домой и вижу, глазам своим не веря, что одновременно со мной во двор нашего дома входит... сама Назра! а вместе с ней Мишаэль, ее муж, и повзрослевшие дети, только теперь детей было четверо, одного ребенка не доставало. Назра не вошла, а ворвалась в наш общий, несколько не изменившийся за прошедшие семь лет дворик. Это был типичный для старого Тифлиса двор, со всех сторон окруженный двух- и трехэтажными домами с балкончиками, которые тесно лепились друг к другу, с одним выходом на улицу. Такой двор, если он к тому же имеет округлую форму, как наш, очень похож на арену, манеж цирка, а балконы подобны цирковым ярусам. И вот Назра ворвалась на эту арену, подперла руками бока и во всю силу легких закричала:

— Какая собака захватила мой дом, ну-ка выйди, я хочу поглядеть!

Надо сказать, что когда ассирийцев выслали из Грузии — а они в Тбилиси и других городах жили в собственных домах, — то их жилища бесплатно раздали грузинам, которые переселялись из горных районов в города и шли работать на заводы и фабрики.

На выкрики Назры на балкон вышел встревоженный толстый грузин с животом, свисающим на ремень брюк, и за ним его жена — новые «хозяйева». А во дворе уже собралась толпа зевак в ожидании необычного зрелища.

— Шэн винахар?! (Кто ты такая? — груз.) — выкрикнул грузин.

— Кто я такая?! Ах, шэни дэда ватирэ. (Приблизительно: мать твою! — груз.) Сейчас ты узнаешь, кто я такая. Эй, люди, люди! — завопила Назра. — Кто-нибудь, дайте мне нарра (топор — ассир.), тогда этот краснорожий паразит узнает во мне законную хозяйку этого дома!

Неизвестно откуда и как, но в ее руках действительно оказался какой-то ржавый топор.

— Ты что, сумасшедшая?! — завопила жена грузина, тогда как ее муж крикнул:

— Милицию позовем!

— А вот моя «милиция»! — торжествующе вскрикнула Назра, и, при молчаливом сочувствии собравшейся толпы, она вонзила топор в нижнюю подпорку деревянного балкона, на котором стояли грузины. Те — муж и жена — отскочили назад.

— Мишаэль! — прикрикнула Назра на своего мужа. — Что смотришь, ну-ка, бери палку, гони их из нашего дома!

Но тот стоял в нерешительности, тогда сама Назра с топором в руках пошла вперед... Короче говоря, она отвоевала у «противника» свой дом. Грузины побежали за милицией, но милиция почему-то не пришла. Это можно понять: дело тогда шло к разоблачению преступлений, которые совершили деятели сталинского режима против невинных людей, и местные власти старались потихоньку замять такие конфликты, как в случае с Назрой. Ей не предъявили никаких претензий.

Я помню, что мы, все жильцы нашего двора, вечером того же дня устроили торжественный ужин в честь этой ассирийской семьи, которая вернулась после семилетней ссылки. Тамада стола, поднимая тост, сказал:

— Дорогая Назра, ты сегодня доказала, что одна стоишь батальона солдат. Дай Бог, чтобы все ассирийские женщины были такими отважными, как ты!

И мы все с удовольствием выпили за здоровье этой действительно героической женщины, которая за какие-то полчаса восстановила поправную справедливость в отношении себя и своей семьи. И через много лет люди не забыли тот случай, и в шутку говорили о Назре, ставшей уже старой: «Назра одна стоит целого батальона солдат...»

От этой семьи Бит-Буновых мы и узнали, наконец, что ассирийцев отправили в Сибирь в вечную ссылку, в край болот, дикой тайги и страшных морозов. Там они, в исключительно суровых условиях, выполняли тяжелые работы под охраной коменданта этого полулагеря-полуколхоза и сержантов-надзирателей. Спасение к ассирийцам пришло после смерти Сталина, когда разоблачили и расстреляли шефа НКВД Л.П.Берию, Первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Багирова и их друзей, которые отправили на каторгу ни в чем не повинный ассирийский народ.

Не все ассирийцы смогли выжить в Сибири, в каждой семье кого-нибудь потеряли. Вот и ребенок Назры, самый маленький, которого она несла на руках в ту страшную ночь, когда их угоняли в ссылку, умер еще по дороге в Сибирь, в грязном товарном вагоне, где-то между Челябинском и Новосибирском.

Вспоминает Азиз Азизов

Я в июне 1949 года был в командировке в городе Мингечаур (Азербайджан), а моя семья проживала в Ханларе, недалеко от крупного города Кировабад. Был уже поздний вечер, когда за мной в рабочее общежитие пришли трое: лейтенант, рядовой солдат и еще один, в матросской форме. Лейтенант был с оружием.

— Вы арестованы, — сказал лейтенант, — следуйте с нами.

Я совсем недавно был демобилизован из Советской Армии, где проходил действительную воинскую службу. Никакой вины за собой я не знал. Но трое, и этот офицер с оружием — что все это значит? Я рабочий, трудовую дисциплину соблюдал и ничего плохого не сделал. Я сказал офицеру:

— Зачем такой усиленный отряд прислали за мной? Могли бы вызвать меня, куда надо, обыкновенной повесткой. Что они там думают, что я буду убегать? Ведь я никакого проступка не совершил, здесь какая-то ошибка, наверное?

Но офицер шел молча. Мои конвоиры лишь равнодушно выполняли то, что они должны были делать. И больше ничего.

Я уже год был женат. Мысль о жене и родителях, которых я оставил в Ханларе, мучительно тревожила меня. Я стал просить начальника конвоя:

— Разрешите мне хотя бы телеграмму домой послать, известить родных.

— Напрасно беспокоишься, — сказал лейтенант. — Твоей семьи наверняка уже нет там, где ты ее оставил...

— Как нет!!! — закричал я. В этот момент я едва не лишился разума.

— Очень просто, — сказал лейтенант. — Мы тебя должны доставить в Евлах (крупная узловая железнодорожная станция), там уже готовы эшелоны для высылки всяких вредителей, вроде тебя, там и ищи свою семью, они все там...

В Евлахе было настоящее вавилонское столпотворение. Среди бурлящего человеческого моря, в многотысячной массе людей, которых погружали в товарные вагоны, — как найдешь своих? Иголку в стоге сена легче найти, чем родного человека — в этом хаосе. Одни эшелоны, переполненные людьми, прибывали на станцию Евлах, другие отправлялись неведомо куда. Я со своей «личной» охраной прошел вдоль трех или четырех товарных составов, заглядывал в каждый вагон, пытаюсь различить в полумраке лица, громко выкрикивал имена моих родных, в надежде, что они отзовутся. Конвоиры терпеливо шли за мной по пятам, не мешали, не торопили, может быть, даже и сочувствовали. Да и кто, если только он не последняя сволочь, может остаться равнодушным к человеку, который в мирное время, ни в чем не виноватый, вдруг теряет молодую жену, отца, мать, братьев, сестер, всех близких, остается совсем один, да еще его под охраной увозят Бог знает куда...

Когда стало ясно, что в этом кошмарном скоплении людей я своих не найду, лейтенант решил сдать меня под ответственность начальника одного из эшелонов, все равно какого, который должен был в ближайшее время отправиться в путь. Так я оказался в вагоне, переполненном курдами. Курды... Ага, подумал я, значит, не только нас, ассирийцев, хватают... Курдов везли из Тбилиси. Это был не вагон, а сумасшедший дом на колесах. Женщины плакали и причитали, мужчины сидели на полу в состоянии какого-то тупого равнодушия или оцепенения, многочисленные дети хныкали, а те, которые постарше, были ужасно шумливы, баловались и устраивали возню. Я курдского языка не знал. Трос суток пребывания в этой компании до предела расстроили мои нервы. Я твердо решил бежать. Тем более что документы были при мне: и паспорт, и военный билет. А куда именно бежать — об этом я и не думал, просто бежать, и все.

С этой мыслью о бегстве я все время стоял у крошечного оконца в вагоне, которое было на уровне человеческого роста. И случилось, наконец, чудо: наш поезд остановился на станции Дербент, а напротив на соседнем пути остановился другой, тоже до отказа переполненный ссыльными. А чудом было то, что в вагоне напротив слышались голоса, страшно знакомые голоса!.. Свои! Родные! За какую-то долю секунды я выпрыгнул из вагона и перескочил в тот, что стоял напротив, и это произошло так быстро, что охрана, которая сопровождала каждый эшелон и находилась в голове и хвосте поезда, ничего не успела заметить. Так я нашел свою семью по дороге в сибирскую ссылку. Нас довели до далекого сибирского города Томска, больше месяца мы ехали, днем и ночью, ехали, ехали, и наконец в Томске нас выгрузили из вагонов. Там стали нас проверять по спискам. Тогда и обнаружилось, что я еду «не в своем эшелоне». Я рассказал начальникам все, как было. Один из них особенно расвирепел, стал кричать на меня: какое ты имел право самовольно уйти с эшелона, к которому тебя приписали! Кто тебе разрешил! Что за перебежки такие, я спрашиваю!

Я покорно твердил одно и то же: что хотите, делайте со мной, я не убегал, вот моя семья, вот я, я с ними хотел быть, как же я без них, а они без меня?

Начальники меня «простили».

Жену мою везли в сибирскую ссылку беременной. Мы ожидали своего

первого ребенка. Через несколько месяцев она умерла после родов в грязном и холодном родильном доме в райцентре. Причиной смерти были инфекция и заражение крови.

СЫНЫ МЕСОПОТАМИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Теперь о том, что происходило с нами.

Июньской ночью 1949 года большая колонна военных грузовиков, переполненных нами, ассирийцами, двигалась — теперь это было ясно всем — по направлению к крупной железнодорожной станции Акстафа.

Я, пятилетний, был среди них. Меня тоже отправляли в сибирскую ссылку. Сейчас я слушаю отца, смотрю на него, и в памяти вырисовывается картина той страшной ночи. Я вижу людей на грузовиках: они полуодеты, в бедной одежде со множеством заплат, вижу морщинистые темные лица стариков и старух, отцов и матерей с кучей маленьких детей. Их увозили Бог знает куда, в полную неизвестность. О чем они могли думать тогда, эти несчастные, оцепеневшие от свалившегося на них несчастья?

Лет 40 тому назад, до Первой мировой войны, эти люди жили в горах Турции, в течение многих и многих веков очень замкнуто, в изоляции от внешнего мира, и так называемая цивилизация их никак не касалась. Правда, ассирийцы стали христианами еще в первом веке и никогда не изменяли учению Христа. Может быть, они были самыми первыми христианами на земле. В древние века их называли сирийцами-христианами Востока. Их родина Месопотамия, теперь — Ирак, это совсем рядом с Палестиной, где ходил и проповедовал свое учение о любви к человеку Иисус Христос. Отец утверждает, что Иисус Христос говорил на нашем языке. Неужели это так? Ассирийцы говорят и пишут на древнем арамейском языке. Мы — ассирийцы, и мы же — сирийцы. Мы говорим на ассирийско-арамейском языке. Мы древний, очень древний народ. Древняя Ассирия и Вавилония — это наше прошлое, которым мы гордимся. Потом, рассказывает мой отец, когда никакого государства у нас уже не было, наш народ поверил в слово Иисуса Христа и пошел за ним. Но сирийцы-ассирийцы все переругались между собой, это проклятие от Бога, наверное, потому, что ассирийцы всегда в ссоре и вражде друг с другом, и наш христианский народ навсегда раскололся на разные группы. Для одних высшим авторитетом стал патриарх Несторий, и этих ассирийцев стали называть несторианами, другие стали на сторону епископа Иакова, их прозвали яковитами, а у некоторых даже свой собственный святой появился по имени Мар Марона, — те ушли в горы Ливана, и с тех пор их зовут маронитами. Это все один и тот же ассирийский народ, просто люди пошли разными путями в поисках истины.

Они все — еретики, говорит мой отец. Он сам — твердый католик. Только католическая вера — правильная, говорит отец. Мы ботанае, потому что наше племя жило в горной области, которая называется Ботан. Все ботанае — католики и подчиняются по своей вере Риму, Ватикану. Нас называют еще халдеями. Наша католическая вера самая строгая и сильная, говорит отец. По нашему закону, взял жену — значит, до самой смерти должен быть с ней, никакого развода наша вера не дает, даже когда жена или муж

становится калекой или болеет всю жизнь и не может фактически иметь супружеские отношения. Наш католический священник никогда не разрешит венчание второй раз, если один из супругов еще жив, никогда не будет крестить ребенка от незаконного брака. Сам священник ведет строгий образ жизни, никакого распутства, тайного женолюбия или пьянства у него не может быть. А в других верах, говорит отец, это бывает, они себе позволяют все, что хотят; нет, у них ненастоящая вера.

Так говорил мой отец, убежденный католик из племени ботанае. В Азербайджане после Второй мировой войны жило несколько тысяч ботанаев-католиков. В числе других ассирийцев они в 1949 году были все сосланы в Сибирь.

А теперь я расскажу, вследствие каких трагических событий ассирийцы оказались в пределах России. Раньше, до перехода в российское Закавказье, те ботанае, о которых я веду речь, жили в горах области Ботан, в трех больших селениях, которые назывались Рума, Борб и Швата (между прочим, Рума на нашем языке означает Рим). Это были такие труднодоступные места в горах, до которых даже турецкие сборщики налогов не могли добраться. Мужчины и женщины этих селений занимались крестьянским трудом, разводили скот, и жизнь их была первоначально простой: они пасли овец, доили коз, ночью, ложась спать, укрывались овечьими шкурами, а время определяли по солнцу и звездам.

Мой дед Пирто со своей семьей, в которой старшим сыном был Озар (Лазарь), мой будущий отец, жил в селении Рума. Дома ассирийцев были глинобитными, низкими, с плоскими крышами. Как же выглядел, так сказать, интерьер этих жилищ? Кроватей, конечно, не было, ассирийцы даже не знали, что это такое. Деревянные топчаны-тахты тоже отсутствовали в их обиходе. Все было гораздо примитивнее: на ночь на земляной пол настилали войлок, скатанный из овечьей шерсти, сверху накрывались тоже войлоком — вот и все. Столов и стульев также не существовало для горных ассирийцев. В середине хижины горел камин, который на нашем языке называется танура: это обычная яма круглой формы, вырытая в полу, стенки ее облицованы камнями, в ней разводят огонь. На огне тануры готовилась вся пища, здесь же пекли хлеб. Ночи в горах холодные, поэтому, ложась спать, каждый старался лечь поближе к тануре, где было потеплее. Танура обогревала жилище. Окон не было, свет в дом проникал через маленькое круглое отверстие в потолке, которое называлось кави. Это кави служило одновременно и дымоходом, через него выходил дым от огня, горящего в тануре.

Пища, которую употребляли мои предки, тоже была исключительно простой: лаваш (тонко раскатанные лепешки), выпекаемые на раскаленных стенках тануры; бушала (жидкое горячее блюдо из кислого молока, крупы и трав); хариса (блюдо из толченой пшеницы и курицы, разваренной до расщепления мяса на волокна); апрахи — нечто вроде современных голубцов; на праздник Рождества Христова обычно пекли кяда (пироги с густой начинкой из муки, поджаренной на масле и слегка подслащенной). Кебаб (баранье мясо, поджаренное на вертелах на костре) и харису обычно готовили к свадьбам — эти деликатесы не могли быть каждодневной пищей для полунищих горных ассирийцев. Они много употребляли в пищу репчатого лука и чеснока, а также пили кислое молоко маета.

Ассирийцы, говорит мой отец, жили обычно долго. Это можно понять; прекрасный, чистый горный воздух, родниковая вода и пусть скудная, но зато здоровая растительная пища способствовали долголетию. Старики рассказывают, что в их краях не знали болезней, люди умирали от старости.

Однако природные условия в краях, где жили мои предки, были суровыми. Летом горные ливни или град могли погубить все посевы, тогда осенью уже урожай не соберешь, и ассирийцев ждал голод. Особенно трудными были зимние месяцы, нередко очень холодные. В такое время случались обильные снегопады, и тогда жилища могли быть засыпаны снегом по самую крышу. Утром требовались большие усилия всех мужчин семьи, чтобы в толще снега прокопать проход и выбраться из хижины. Жизнь в деревне замирала. Только выходящие в воздухе тонкие струйки дыма говорили о том, что здесь живут люди. Связь, общение между соседними деревнями Рума, Борб и Швата прекращались. Подобно медведям, люди переживали это время в своих огромных берлогах.

Весна же и лето в горах были очень хороши; с возвращением тепла и солнца снова пробуждались к активной жизни люди и природа. Горцы ели сыр, завернутый в лаваш, пасли своих овец и благодарили Бога за его, пусть и не очень щедрые, дары. Ассирийцы, как я уже говорил, были расколоты между собой по причине разных вероисповеданий, но все они всегда оставались верными христианами. Религия играла огромную роль в их жизни. Из учения Иисуса Христа, из его моральных заповедей ассирийцы черпали утешение и моральные силы, которые нужны были им в их безрадостном (с нашей точки зрения) бытии. Они были отрезаны в горах от остального мира, стихийные бедствия или житейские несчастья то и дело обрушивались на их головы — у кого же могло искать защиты и спасения это пастушье племя, как не у всемогущего, всеильного Бога? Где бы еще нашел выход своим душевным переживаниям немногословный житель гор, как не в чистосердечной молитве, обращенной к Богу?

Замечательно то, что до наших горных селений, недоступных и недостижимых даже для турецкой администрации, смогли добраться в одиночку европейские и американские миссионеры. С начала XIX века они стали подлинными просветителями ассирийцев: устраивали начальные школы для четей, учили грамоте, напечатали на ассирийском языке Библию и другие религиозные книги, даже наладили издание ежемесячного журнала на ассирийском языке, а для этого привезли из своих стран первые в этих краях типографские печатные станки. Сегодня грамотные ассирийцы знают, что с этого и началось возрождение, а точнее, воскресение нашего языка и литературы, потому что в течение многих и многих веков письменный язык сирийцев-ассирийцев и их литература были почти мертвы и забыты. Так что миссионеры сделали великое дело. Они как раз и обратили в католичество племя ботамас, т.е. нас.

Ассирийцы-христиане жили в горах по правилам строгой морали. Нормы повседневного поведения не позволяли человеку жить, не трудясь, даром есть хлеб, а уж такие вещи, как пьянство или разврат, и вовсе не были знакомы моим предкам из племени ботанае. Конечно, эти люди вовсе не были ангелами. Они могли завидовать друг другу, оклеветать невинного человека, позариться на чужое добро и присвоить его, угнать со своей отарой не свою овцу, они могли быть и переломными, и злопамятными. Но

все же совместная жизнь и семья, в роде, в племени, когда каждый человек на виду, плюс христианская мораль, которую им внушали и проповедовали священники, держала членов общины в определенных рамках, заставляла уважать законы общежития. Чужая жена, например, была предметом строжайшего табу. Разводов не было, это запрещалось их католической верой. У ассирийцев в горах молодых людей женили в очень раннем возрасте, невесты часто едва достигали 12—13 лет. Дочери, выходя замуж, переходили в дом мужа, а сыновья, когда обзаводились своими семьями, оставались под одной крышей вместе с родителями. Сплочение мужчин под одной крышей диктовалось не только хозяйственно-экономическими соображениями, но и необходимостью самообороны в случае нападения какого-нибудь агрессивного хана или бека. В горах как в горах... Вообще-то мусульмане и христиане мирно уживались и в некоторых случаях не просто сосуществовали, но и дружили. Так было до Первой мировой войны, когда случились ужасные и непоправимые вещи...

Нередко бывало так, что 5 или 6 братьев, живя под родительской крышей каждый со своей семьей, имели 7—8 и более детей, так что в одном ассирийском доме проживало в среднем 40—50 человек. Ассирийский дом имел и другое название — «дым». Почему? Где вьется дым над крышей — там, значит, живут, там семья, там — дом. Где дом — там «дым», где «дым» — там дом. Все понятно. Иногда приходилось брать в расчет всех членов клана, т.е. большого семейства. Например, ассирийцы нашей страны знают, что, когда в 1829 году русское правительство разрешило некоторому числу ассирийцев переселиться в Закавказье, в договоре было указано 100 «дымов», а не семей в обычном понимании этого слова. Мои родственники старшего поколения, живущие сейчас в Грузии, еще помнят то время, когда в Турции, в горах они имели общую крышу над головой, один «дым». Вскоре после того, как они перебрались в Россию, родовые семьи распались, сломался весь уклад их жизни. В селении Рума у нас насчитывалось, говорит мой отец, до 70 «дымов».

Когда среди горцев-ассирийцев заключались брачные союзы, любовь, симпатия не принималась в расчет и не значила ничего, часто верх брали хозяйственно-экономические соображения. Разумеется, при прочих равных условиях родители предпочитали отдать свою дочь в дом, где больше овец и коз, где побогаче хозяйство. По такому же принципу выбирали невесту для сына. Иногда решающую роль для заключения брачного союза играли взаимные дружеские обещания, данные родителями друг другу еще при рождении детей. В некоторых случаях это приводило к драматическим событиям. Наши старики, например, помнят, как однажды, когда они еще все жили в горах, женили красивого парня на доброй, с хорошим характером, но совершенно невзрачной девушке-дурнушке. Парень категорически отказывался от женитьбы, но его отец, связанный не то обещанием, не то договором, был непреклонен. Как рассказывает мой отец, в конце концов, дело закончилось тем, что несчастного жениха привязали веревкой к стволу дерева, подвели к нему невесту, которая была в полубморочном от страха состоянии, и как-то по-своему совершили обряд бракосочетания, без участия священника. Парень поклялся никогда в жизни не прикасаться к своей уродливой жене, и с горя ушел высоко в горы, на дальние овечьи пастбища. Он пробыл там в одиночестве несколько месяцев, потом вернулся и тихо-мирно зажил со своей дурнушкой. Получилось по известной русской поговорке: стерпится

— слюбится — к сердцу прижмет... Супруги прожили вместе пятьдесят с лишком лет и произвели на свет одиннадцать детей. Я знал их обоих, ведь мы, ботанае в Закавказье, все друг друга знаем. Муж поневоле души не чаял в своей жене, очень любил ее и был совершенно безутешен, когда она умерла — не так давно — в нашем селе в Грузии.

По законам ассирийцев нельзя было послушаться воли отца. Обращение в христианство сделало моих соплеменников в какой-то степени богобоязненными, но, как показывает случай с насильно женатым парнем, и бытовой жестокости хватало в их среде. Их вера в Бога, я думаю, была примитивной, не облагороженной просветлением души. Ассирийцу, уличенному в плохом поступке, говорили: тебя Бог накажет. Он в ответ мог сказать: может быть, Бог об этом и не узнает... Чувства горцев были предельно просты, желания ограничены естественной средой обитания. Абсолютная власть главы семьи была, вероятно, тягостна, но вполне терпима, тем более что она держалась не только на принуждении, но и на силе авторитета и общинного сознания.

Я приведу маленький, но характерный пример. Когда мой отец был совсем молод и еще ничьим отцом не был, дедушка Пирто подозвал его однажды к себе и сказал: «Мой сын, никогда не кури и не пытайся этого делать. Сам я всю жизнь не расстаюсь с трубкой и хочу сказать тебе: курение причинило моим делам очень много вреда. Бывало, отправлялся я в путь, и, пройдя две горы, доставал трубку, чтобы закурить, и в этот момент обнаруживал, что забыл кресало дома, нет огня у меня... тогда приходилось возвращаться, так я терял полдня дороги. А в другой раз кресало было со мной, зато кремень забыт, или табак по дороге кончался, и так происходило много раз. Не повторяй моей ошибки, сын мой, не кури. Пусть вкус табака даже не коснется твоих губ».

Этих слов было вполне достаточно, чтобы мой отец за всю свою жизнь ни разу не притронулся к табаку. Запрет, наложенный дедом, действовал так сильно, что и на мне он отразился, как бы переданный по генетическим каналам, — я не курю, и никогда даже и не пытался этого делать.

Я уже говорил, что христианство, христианская религия были усвоены моими соплеменниками в грубой, примитивной форме, ибо наряду с этим в их жизни присутствовали и всякие дьяволы, духи — добрые и недобрые, ведьмы, оборотни и прочее. Иначе говоря, много суеверий имело хождение в их среде. А явления природы в некоторых своих формах и вовсе были недоступны пониманию невежественных горцев. До сих пор мой отец и другие старики помнят, как много-много лет назад в Турции в самый полдень солнце, стоявшее в зените, вдруг «закатилось» и наступила кромешная тьма. Перепуганные насмерть жители нашего селения Рума с воплями упали на колени и принялись горячо молить Бога о спасении. Они были уверены, что наступил конец света. Когда через полчаса солнечное затмение прошло и все стало как обычно, радость людей была безграничной.

Рассказывают также, и вполне серьезно, что однажды мой дядя Иосиф поймал ведьму или оборотня. Ассирийцы верили, что где-то рядом с ними, в их же жилищах, обитают оборотни-невидимки. Но духа, который жил в доме и которого по-ассирийски называли шидда, не боялись, так как считалось, что этот оборотень — безвредное существо. Знали даже способ,

как изловить его и приручить. Для этого надо было как-то ухитриться воткнуть в платье оборотня иглу или булавку, тогда шидда становился видимым для глаза и мог даже выполнять несложные поручения хозяина, простую работу по дому. Говорят, что именно так однажды и мой дядя Иосиф поймал и приручил шидду. Этот шидда оказался женщиной, страшной уродиной, но утверждают, что она целый год довольно хорошо выполняла разные домашние работы, стирала белье и подметала полы, а потом вдруг куда-то исчезла.

Первобытной обстановке, среде и образу жизни вполне соответствовал и уровень умственного развития горцев-ассирийцев. Об их наивности можно судить по притче, которую я часто слышал от отца. Вот она.

Жил в одном селении человек, и все в округе считали его мудрецом. Слух о нем дошел до дальнего села, где жил также всеми признанный умный человек. Этот последний, снедаемый любопытством, отправился в путь, чтобы на месте лично проверить, верны ли слухи о мудреце. Случилось так, что где-то на середине пути он встретился с тем умницей-«конкурентом» и, конечно, решил не упустить случая, испытать его ум. Так вот, поравнявшись на узкой тропинке, прежде чем разойтись, второй мудрец (назовем его так) спросил первого:

— Что самое вкусное на свете?

— Яйцо, — ответил мудрец № 1.

— А как? — последовал еще вопрос.

— Одним глотком, — был ответ.

Что ж, не глупо, признал про себя «экзаменатор», или мудрец № 2, но не стал спешить с окончательным выводом. Ровно через год он снова отправился в то далекое село, и при встрече с мудрецом № 1 с ходу задал ему странный вопрос:

— С чем?

— С солью, — сказал мудрец № 1.

Да, он заслужил славу умного человека, — сделал окончательный вывод второй мудрец. Во-первых, он верно рассуждает, во-вторых, после того, как прошел целый год, он все еще хорошо помнит начало нашего разговора.

По-ассирийски приведенный диалог звучит складно, он рифмованный; в вольном переводе на русский он, к сожалению, теряет свою прелесть. Но это не главное. Чтобы до конца понять смысл этого анекдота, надобно знать, что в жизни моих соплеменников яйцо было редкой вещью и считалось деликатесом — отсюда и отношение к этому продукту как к лакомству (мудрец должен понимать толк в «лакомствах»!). Из притчи ясно, что если человек уверенно разбирался в элементарных житейских вещах и к тому же обладал хорошей памятью, то этого было вполне достаточно, чтобы прослыть среди ассирийцев умным и даже мудрым.

Что могли эти люди знать об окружающем мире? Их жизнь была ограничена горами, они знали только о событиях, которые происходили внутри одного племени. Две-три близлежащие деревни и высокогорные летние пастбища — вот и все маршруты, по которым они ходили. Одни и те же лица, которые менялись лишь со сменой поколения в деревне, монотонный физический труд на протяжении всей жизни, полная подчиненность общинным или семейственным интересам, отсутствие всякой умственной деятельности — такова среда, которая формировала моих предков в горах Турции.

Остается загадкой, что они знали о самих себе? Понимали ли они хотя бы то, что являются жалкими потомками некогда великого и могучего народа ассирийцев и вавилонян, история которых нашла свое отражение даже на страницах Библии? Лишь отдельные грамотные люди, священники например, читали книги и кое-что знали о прошлом. Так и мой отец, умея читать по складам, прочитал Библию и другие религиозные книги, поэтому он знал больше других. А большинство горных ассирийцев мало что ведали о своем прошлом.

Поколения ассирийцев сменяли друг друга, не покидая тех мест, где испокон веков обитали их предки. Пережили они владычество Персидской империи, и Римской, и Византийской, смогли выжить во времена властителей Арабского халифата, в XIV веке их истребляли по приказу Тамерлана, затем они стали подданными Османской империи и дошли до начала XX века. Жизнь — неистребимая штука. Миновало 25 столетий с того времени, когда Ассирия была уничтожена и Ниневию, ее столицу, победители сровняли с землей.

Где-то там, в ученом мире, востоковеды-исследователи спорили и доказывали в своих работах, что ассирийцы не были уничтожены в ходе разрушения Ассирийской империи, что потомки одного из древнейших народов мира продолжают жить в местах их исторического расселения и т.д. и т. п. А они, дети гор и месопотамских равнин, первохристиане, далекие от цивилизованного мира, просто жили, нисколько не задумываясь над своим происхождением, просто были... ассирийцами.

Легендарная Ассирия с течением времени все более обрастала красочной историей и вызвала к себе растущий интерес ученых, тогда как реальные сирийцы-ассирийцы, забытые всеми, под именем «христиане Востока», действительно продолжали жить там же, где жили тысячелетиями. Они выпали из современной истории, но с потрясающей этнической цепкостью держались за свои обычаи, христианскую веру и родной язык, хотя их арамейская письменность и литература, когда-то прославленная великими Ефремом Сирийским (Мар Апрем по-ассирийски) и Бар-Эбрайя, уже много веков пребывала в полном забвении. Цивилизованный мир давно использовал паровые машины, ездил на поездах и автомобилях, летал на самолетах, но ассирийцы, рассеянные по горам и равнинам Ближнего Востока, никем не признаваемые, не соприкасались с благами технического прогресса.

С таким багажом они и встретили Первую мировую войну.

НА СЕВЕР! АССИРИЙЦЕВ ВЕЗУТ... В СИБИРЬ

Теперь, после этого небольшого исторического экскурса, вернемся к нашим ассирийцам, к событиям лета 1949 года.

Колонна военных грузовиков привезла нас на железнодорожную станцию Акстафа.

Здесь нас уже ожидал товарный состав, в нем было очень много вагонов. На станцию въезжали один за другим грузовые автомобили с людьми в кузовах. Это были ассирийские семьи из соседних, ближних и дальних колхозов. Грузовики разворачивались и задним ходом подъезжали к открытым дверям вагонов.

Из машин нас перегрузили в товарный поезд, по девять-десять семей в каждый вагон. На станции произошла смена караула. Тот солдат, который стоял в дверях нашего дома и преградил мне дорогу, когда я хотел выйти во двор, на свободу, теперь подошел к дверям вагона и совершенно серьезно сказал нам традиционные русские слова при прощании: «Счастливого пути!» Наверное, он пошутил? Или характер такой у него добрый?

Грузовики, с которых нас выгрузили в вагоны, разворачивались и уезжали. Операция заканчивалась. Только-только забрезжил рассвет.

Охранники поезда начали запирают вагоны, массивные двери с лязгом и грохотом закрывались. В вагоне сразу стало темно. Лишь вверху было крошечное окошечко без стекла, куда только голова могла пролезть; оно служило, наверное, больше для вентиляции, чем для света. Раньше в этих вагонах перевозили разные сыпучие вещества, скорее всего цемент, потому что какая-то противная серая пыль сразу осела у всех на бровях и ресницах, образовала кашицу на губах. Это вспоминает мой отец. Поезд медленно, очень медленно двигался. Наш вагон, как и другие вагоны, был переполнен людьми. Теснота была невообразимая. Люди сидели или полулежали, тесно прижатые друг к другу. Переговаривались. Самым важным был вопрос: куда нас везут? и что с нами будут делать? Некоторые говорили, что нас, может быть, погрузят на пароход, вывезут в открытое море и там всех утопят. Это было мнение стариков, которые пережили кровавую резню и погромы в Турции и ужасы Гражданской войны в 1918—1919 годов на Северном Кавказе. Они предчувствовали самое худшее. Другие высказывали предположение, что нас возвращают в Турцию, а там уж мусульмане сделают с нами, что захотят. Всякие догадки были, но никто не знал и не мог пока знать правду о нашем ближайшем будущем.

Вскоре у обитателей вагона возникла такая серьезная проблема, как отсутствие уборной, туалета. Маленьким детям можно было подставить кастрюли, которые были взяты с собой. А как быть взрослым? Через несколько часов поезд остановился — это была первая остановка, и по товарному составу прошел слух от вагона к вагону: сейчас будут кормить! Первая остановка и первая кормежка за казенный счет. Люди заволновались, началось движение, но охранники, перебегая от вагона к вагону, приказывали всем оставаться на местах. Они объяснили порядок: выходить из вагонов нельзя ни здесь, ни в любом другом остановочном пункте; от каждого вагона два человека идут за пищей в

первый вагон, где ее раздают, и приносят еду, если это можно назвать едой, оставшимся в вагоне. Представители от каждого вагона побежали вперед. Там, в голове поезда, были кухня и плацкартный вагон, в котором поочередно отдыхали охранники, и находился сам начальник эшелона. Его со всех сторон окружили люди. Их сейчас больше всего интересовала не пища, а вопрос с уборной.

— Уборная? — Начальник очень сильно удивился. — Вы же не на курорте находитесь, чтобы вам еще уборную устроили! Сообразите что-нибудь...

Начальник поезда был человек с большим опытом, он не ошибся, что люди, если они в отчаянном положении, сами что-то придумают и предпримут. Мужчины нашего вагона пробили в полу щель. Все стали делать туда... Этот угол занавесили простыней — вот и уборная готова! И во всех остальных вагонах устроились так же. Выбора не было, это был естественный выход из положения в неестественных условиях.

Наш бесконечно длинный эшелон медленно продвигался по территории Азербайджана. Он подолгу останавливался в районах, где жило много ассирийцев: в Таузе, Шамхоре, Кировабаде, Ханларе, Евлахе и другие места. Вагоны то и дело встряхивал мощный толчок, и тогда железный лязгающий звук проходил по всему составу — это к нему пристегивали все новые и новые вагоны, переполненные людьми нашей нации. Городок Казах, самый близкий к Акстафе, стал началом этой уникальной эстафеты. Как будто гигантская метла выметала всех ассирийцев из Закавказья, как мусор, который надо выбросить подальше. После того как миновали городок Евлах, наши доставщики пищи сосчитали количество вагонов — их было 45 или 50. Если бы вагоны были гружены цементом, то паровоз, наверное, просто не сдвинул бы с места такой перегруженный эшелон. Но люди легче цемента, и два паровоза, соединенные вместе один за другим, пыхтя и пуская черные клубы дыма, упорно тащили за собой живой груз. Несколько таких бесконечно длинных эшелонов увозили ассирийцев, но куда?! Этого не знал никто.

Поезда медленно двигались на юг, и в пункте, который назывался Алят, они подошли вплотную к самому побережью Каспийского моря. Люди заволновались: неужели старики были правы и их самые худшие предположения подтверждаются? В вагонах была паника. «Утопят!» — говорили одни. «В Турцию, под ножи турков высылают!» — говорили другие. Но все оказалось иначе. От Баку наши эшелоны повернули на 180° на север. Теперь мы останавливались только на товарных станциях, а пассажирские станции проходили без остановки. Мы проезжали города Дербент, Махачкалу, Гудермес, удаляясь от моря (не утопят!) и от границ Турции (не отдадут под турецкие ножи...).

Сложную траекторию движения наших эшелонов внимательно прослеживала по карте моя сестра Марта, которая в то лето перешла из 9-го класса в 10-й класс средней школы. После Гудермеса, когда Кавказ остался позади, а поезда продолжали движение на север, она, внимательно разглядывая направление железнодорожной магистрали на карте, задумчиво сказала:

— А знаете, нас, может быть, везут в Сибирь...

Сибирь. Это слово не произвело никакого впечатления на невежественных ассирийцев. Они о Сибири знали тогда не больше, чем знают о ней аборигены Австралии. Школьники — они хоть какое-то понятие имели о Сибири. Из учебников по истории они знали, что Сибирь — это край каторги и ссылки, где царский режим мучил, истязал и гноил борцов за народное счастье. Но царизм — он воспринимался сознанием как какая-то древняя история, отдаленная от наших дней 32 1 одами строительства самого справедливого, самого честного государства на земле. Вот почему — когда последние километры кавказской земли наматывались на паровозные колеса — край каторги и ссылки все еще не воспринимался сознанием как реальность. А между тем Сибирь, географически еще далекая от нас, уже вошла в наши ассирийские судьбы, вошла неотвратно и властно. Вот Марта: она красива, умна, талантлива (у меня сохранились прекрасно выполненные ее рукой топографические карты). Ей семнадцать с лишним сейчас. Восемнадцать лет ей не будет никогда... Первая же сибирская зима унесет ее в могилу. Вот Эльза, другая моя сестра. Ей шестнадцать лет. Сибирь убьет ее еще скорее, чем Марту. С нами едет мать моего отца, бабушка Кетонэ, еще бодрая и энергичная, с веселым характером. Она переживет обеих внучек, которые уже обречены на смерть, на один год, но тоже умрет раньше времени и будет погребена вслед за моими сестрами в сибирской мерзлой, вечно холодной земле. И в каждой другой ассирийской семье есть кто-то, кто едет сейчас с нами навстречу собственной смерти. Но пока никто ничего не знает. Незнание наперед собственной судьбы — это огромное благо, дарованное людям Богом.

Медленно, очень медленно ползли по рельсовым путям наши эшелоны. Часто и подолгу стояли в разных пунктах, потому что надо было пропускать вперед товарные составы с уг-лем, железной рудой, строительным лесом и т.д.; это были важные грузы, необходимые для промышленности страны, кто-то отвечал за своевременную их доставку. А в графике нашего движения опоздания быть не могло — Сибирь ждала нас терпеливо, и сколько бы мы ни задерживались в пути, каждый день мы становились к ней все ближе и ближе. Можно было не беспокоиться, в Сибирь не опоздаем, Сибирь огромна, всех нас вместит, и для множества других места хватит.

По-прежнему на время раздачи пищи наши поезда останавливались на товарных, погрузочно-разгрузочных сортировочных станциях. Еда, которую раздавали нам, была очень плохой, от нее много людей страдало расстройством желудка. А дети есть дети, они болели всеми детскими болезнями. Ни врачей, ни лекарств для нас, увы, предусмотрено не было. Как я теперь понимаю, нас тогда поставили в условия естественного выживания. В вагонах духота, отвратительные запахи от угла, где была наша «общественная» уборная, темнота. Недостаток сна, воздуха и света в течение нескольких недель превратил людей, запертых в вагонах, в подобие каких-то сомнамбул.

Есть ли где-нибудь конец железным дорогам СССР?! Измученным людям тогда казалось, что они будут трястись по этим рельсовым путям до самой своей смерти. Уже тридцать пять дней на колесах, а все еще едем,

едем, едем... В нашем вагоне то и дело слышатся дикие выкрики и хохот — это безумная Марьям. Ее тоже везут в сибирскую ссылку, с нами вместе. Нам, детям, было страшно от ее воплей. Этап за этапом остается позади: Куйбышев, Уфа, Челябинск, Курган, Петропавловск, Омск, станция Тайга...

Кажется, только на сороковой день довели нас наконец до Томска. Это уже Западная Сибирь. Выгрузили на территорию не то огромной тюрьмы, не то сортировочной станции. Приехали какие-то важные начальники, вытащили из папки какие-то бумаги, и ассирийцам наконец объявили причину их высылки: они, бывшие подданные Турции и Ирана, в Советской стране вели агентурно-подрывную деятельность и занимались шпионажем в пользу иностранных государств, выполняли заказы империалистических разведок, стали на преступный путь... они — враги трудового народа... и т.д. и т.п. «Преступления» ассирийцев подробно перечислялись в зачитываемом документе. За совершенные «преступления» мы подлежали, как было сформулировано, «спецпоселению». В дополнение к документу начальник от себя сказал удивительную речь, суть которой и даже отдельные слова ассирийцы запомнили на всю жизнь.

— Граждане спецпереселенцы! — обратился начальник к темной молчаливой массе людей. — О возвращении назад нечего думать. Вы присланы в бессрочную ссылку. Вы будете жить и работать под надзором комендатуры. За пределы территории колхоза уходить строго запрещается. Ежедневно каждый из вас должен являться в комендатуру и отмечаться в списках.

В заключение речи начальник призвал ассирийцев стать на путь исправления и честным трудом, примерным поведением «искупить свою вину перед родиной и народом». И люди, обалдевшие оттого, что им сказали, покорно и равнодушно поставили свои корявые подписи на обвинительных документах. «Вы должны подписать!» — сказали им, и они подписали.

В Томске закончилась для нас пытка железной дорогой, но сам путь на место ссылки еще продолжался. За Томском дорог не было, ни железных, ни асфальтированных. Мы находились как бы на границе между двумя материками: тот, что остался позади, населен людьми и приспособлен для жизни; а впереди — леса, болота, реки, огромные пространства, не обжитые человеком, короче говоря — Сибирь. Туда, в глубь Сибири, через многие сотни километров, нас и должны были доставить. Именно там должно было состояться искупление нашей «вины».

Где-то под Томском нас погрузили на баржи — речные суда. Вообще-то назвать судном то огромное тихоходное «корыто», на котором мы оказались, будет большим преувеличением. И вот караван из таких же барж, как наша, медленно поплыл по реке Томь, притоку большой сибирской реки Оби. Охрана наша теперь была чисто формальной — по одному конвоиру на каждую баржу, ведь здесь, в окружении бескрайней тайги и болот, разве только безумец мог решиться на бегство.

Томь — река неширокая: с ее берегов до бортов наших барж дотягивались гибкие ветви ив и других деревьев. С шорохом скользили ветви по борту, цеплялись за поручни палубы, ломались, издавая трескучие звуки. Почему-то наш путь по воде я помню гораздо лучше, чем путь по железным дорогам. Наверное, потому, что в вагонах нас держали взаперти, а на баржах мы ехали в открытую и было все видно. Я запомнил многие детали нашего речного пути. По барже гулять не разрешалось, но можно было пройти на ее конец, где была уборная, для отправления естественных надобностей.

Естественная надобность в неестественных условиях... То, что называлось «уборной», было обыкновенной круглой дырой, пропиленной в полу палубы и рассчитанной на команду баржи из 4—5 матросов. Эту дыру почему-то называют еще словом «очко». И в армии, когда я служил, так говорили: в уборной три «очка» или: пять «очков» — по числу мест. А там, на барже, у нас было одно «очко» на несколько сот человек, среди которых много детей. Приходилось стойко ждать своей очереди на «очко», иногда более часа. Но дети есть дети, они не хотели терпеть, хныкали и требовали от папы и мамы сейчас же отвести их в уборную. Хуже всех было тем, кто страдал расстройством желудка, а таких среди нас было немало. Помню, как плакала моя двенадцатилетняя племянница, когда не могла больше сдерживаться. Что было делать? Девочка ведь уже не маленькая. Тем не менее, ее пришлось посадить при всех на ведро, а она от стыда прятала лицо в коленях матери. Когда, наконец, подходила очередь, взрослые сопровождали детей до места по узкой и скользкой палубе. Но так же и взрослые сопровождали друг друга: мужчина — мужчину, женщина — женщину, чтобы собой загораживать от «публики», ведь все на виду...

А вши! Боже мой, как мучили людей вши! Этого никто не забудет. Эти твари завелись, еще когда нас везли по железным дорогам — больше месяца, без мытья, — и они расплодилось с невероятной быстротой. На баржах отвратительные насекомые стали общим достоянием всех ссыльных, они поистине праздновали победу над людьми. Вши в «три этажа» заполняли складки одежды, кишели в волосах, уже ползали по лицам. На пятый день движения по речному пути люди буквально стонали, ибо вши грызли их беспощадно. Моя бабушка Кетонэ вдруг впала в беспамятство, начала бредить. Отец догадался, что ее заели насекомые, взял ножницы, и, плюнув на понятия приличия и чести, остриг свою мать наголо, и сделал это вовремя, потому что насекомые уже так глубоко вгрызлись в кожу головы, что оттуда наружу торчали только их задние лапки или хвосты. Никогда не забуду, как отец, пустив в ход жесткую щетку, стал выскребать вшей из головы своей матери.

Это, наверное, произвело впечатление и на тех, кто нас вез. Караван барж был остановлен, всех ссыльных выпустили на берег и дали три часа на ликвидацию насекомых. Люди развели на зеленом берегу множество костров. Хорошо помню берег и эти костры. На кострах в больших котлах закипела вода. Мужчины, женщины, дети сбрасывали с себя верхнюю одежду, рубахи, брюки, платья — люди уже почти не стеснялись друг друга, — топили одежду в кипящей воде, варили вшей, уничтожали их. А у кого не было котла для разогревания воды, так просто трясли одежду над огнем и, грубовато шутя, приглашали друг

друга: «Эй, иди-ка сюда, посмотрим, кто больше накопил вшей и чьи — жирнее!» Люди рылись в волосах близких, словно обезьяны в зоопарке, которые сосредоточенно роются друг у друга в шерсти. После того как это бесподобное «генеральное» трехчасовое сражение с шестиногими врагами закончилось, наши баржи поплыли дальше.

Жить стало легче. Из реки Томь баржи вышли в широкую полноводную Обь. И по этой реке мы плыли несколько дней. Здесь случилось несчастье: один молодой парень хотел достать воды, опустил ведро на веревке за борт, но не рассчитал, палуба была скользкая, а ведро с водой тяжелое, и он упал за борт. Помню страшные вопли его матери, она хотела броситься к нему на помощь, люди ее держали, не пускали — толку не было бы от ее помощи, она бы тоже утонула, конечно. Сын ее скрылся под водой и больше не появился. А баржа шла своим ходом. Рыдала невестка — молодые поженились перед самой высылкой. Ужасно было горе этих двух женщин. Вспоминаю сам этот случай, и слушаю более подробный рассказ отца о нем, и никак не могу понять, почему матросы с баржи, которые, конечно, хорошо плавали, не смогли спасти несчастного парня.

А наши баржи шли и шли своим курсом. Доплыв до области, которая называлась Нарым, мы свернули в приток Оби, в речку под названием Чая. Да, мы плыли по реке Чая, которая с обеих сторон была стиснута непроходимой тайгой. Наш путь по рекам подходил, кажется, к концу. В каком-то месте Чая раздваивалась на две совсем уже маленькие речки: Парбиг и Бакчар. Вот здесь, у деревянной пристани, баржи и остановились. Дали команду: «Всем выгружаться!» Берег сразу усеялся людьми, множеством людей. Представляю, какой у нас был вид: изможденные, черноволосые люди в бедной одежде, даже не одежда, а какие-то лохмотья, дико озираются по сторонам... Где мы? Что дальше будет?

— Вот вы и приехали! — крикнул весело один из матросов. Этот парень, видно, был с юмором.

Да, вот мы и приехали...

И перед нами она — Сибирь, не на карте, не понаслышке, а в действительности просто Сибирь...

Но люди жили и здесь.

И вот мы видим: на берегу — множество телег, запряженных быками, и гораздо меньшее число — лошадьми. Они приехали за нами. Несколько мужчин подошли к ссыльным и сказали:

— Мы — уполномоченные районных центров и колхозов. Тех, кто имеет специальность, повезем в райцентры, специалисты нам нужны. Остальную рабочую силу распределим по колхозам. И давайте побыстрее разберемся, кого — куда.

И тут началось... Много лет спустя после этого печального дня я от разных ассирийцев слышал примерно такое:

— Нас разбирали, как живой товар...

Людей развели в разные группы, и наступил момент прощаться друг с другом. Надо было расставаться тем, кто многие годы в Турции и на Кавказе жили вместе. Ассирийцы, конечно, очень стойкий, упорный, выносливый народ, они способны перенести тяжелейшие испытания, но самое ужасное для них — это когда их разобщают, отделяют друг от друга. Особенно если они состоят в родстве. Да и вообще общинный образ жизни, привычка жить одним сплоченным племенем — характерная черта нашего народа. И вот когда племя начали разделять, люди ужасно разволновались, подняли гвалт и шум. Новые начальники — уполномоченные заботились о выполнении плана размещения рабочей силы, а родственники старались оставаться вместе. Люди цеплялись друг за друга и никак не хотели разъезжаться. Много времени понадобилось, чтобы наконец развести людей в разные стороны. Когда эта операция была закончена, ссыльных посадили на телеги, и караваны телег двинулись в путь, каждый — в своем направлении.

По безвестным сибирским дорогам увозили ассирийцев в места ссылки: в Асино, Парбиг, Колпашево, Подольск, Красный Бакчар, Сальниково, Победим, Макаровку, Воробьевку, Чемокаевку, Малиновку, Поротниково и др. Привожу только те названия, которые помню. Ассирийцы же Северного Кавказа были распределены в Верхнекетский район.

Вместе с нашей семьей многие односельчане — семьи Даниловых, Джеммо, Геваргизовых, Беньяминовых, Хамму, Беткаша, Хошаба, Бадаловых, Осиповых, Гильяна, Сарксивых и другие были распределены в деревню Поротниково Бакчарского района.

Нашу группу везли в колхоз, который назывался Поротниково. До него было километров пятьдесят или шестьдесят. Быки шли неторопливым шагом, колеса телег ритмично поскрипывали. Нас сильно встряхивало на неровностях и рытвинах дороги. Вообще-то это были уже не дороги, а просеки, т.е. проходы, прорубленные для передвижения сквозь лесные массивы, через сплошную тайгу. Автомобиль в этих краях еще не появлялся. Дикие места.

Возница на нашей телеге обернулся к нам и подбодрил:

— Ничего-ничего, не вешайте носа: говорят, еще много вашего брата турку сюда привезут, вы только первая партия...

Нас везли через леса; впереди и сзади, справа и слева — всюду лес. Не знаю, разговаривали люди на телегах или нет, я, тогда пятилетний мальчик, не смог запомнить такую деталь. Если бы происходящее не было связано со мной лично и с моими родственниками и неродственниками, я не смог бы, наверное, поверить рассказу другого человека и хотя бы представить в своем воображении эту картину: ассирийцы на телегах среди сибирской тайги... Ибо нет ничего более нелепого, более несовместимого и взаимоисключающего, чем эти вещи: ассирийцы и Сибирь. Один из древнейших народов мира, сыны Месопотамии, потомки ассири-вавилонян и сирийцев -христиан Востока, — и они вдруг в... Сибири?! Не может быть! Непредставимо! Да такое

только в сказке может случиться, по злему волшебству! Нет, это было, и не в сказке, и не по злой воле сказочного колдуна, а в нашей реальной жизни, в действительности это было. Вот они на телегах, наши старики: Сава, Хамму, Лазарь, Саргон, Нимрод, Ишу, Авраам, Гавриил, Нинус и другие.

Кругом тайга, тайга, тайга. Их везут на каторгу. И это не дурной сон, это — явь!

Говорят, психика человека устроена так, что в тяжелые, трагические моменты жизни перед его мысленным взором, в его памяти за какое-то мгновение воссоздастся все, что было в прошлом, все самое важное и дорогое. А в нашем случае не мгновения времени были даны людям, не месяцы и даже не годы — им была дана бессрочная, пожизненная ссылка. Их вытащили ночью из домов, они уже сорок или сорок пять дней в дороге, их и сейчас все еще куда-то везут. Нашим отцам и матерям, ассирийским старикам было о чем подумать. И времени было предостаточно. Но о чем они думали, что вспоминали? Возможно, память возвращала их к страшным событиям 1915 года, к кровавой резне и погромам в Турции, от которых они, ассирийцы-беженцы, бежали через Армению в Россию, спасая свои жизни...

АССИРИЙЦЫ В СИБИРИ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ

И вот теперь, тридцать пять лет спустя после кошмарного бегства из Турции, снова ассирийцы лишились родных очагов, снова они — жертвы несправедливости.

С диким любопытством глазели жители деревни Поротниково, когда на ее единственной улице появился караван телег, переполненных черноволосыми людьми восточной наружности. Вообще-то за многовековую историю Сибири всякий народ перебивал в этих краях, но впервые здесь оказались (с трудом вмещается в сознании, на грани фантастики, но факт!) потомки древних ассирийцев.

В деревне Поротниково нас выгрузили. Приехали. Жилья для нас не было никакого, но зато в селе имелись пустующие сарайчики и крытые деревянные сооружения, в которых хранили зерно после сбора урожая. Нам сказали — поселяйтесь пока здесь временно, а там видно будет. Стали поселяться. В сараях бегали осатаневшие, наверное, от голода крысы. Пришлось им уступить нам эту «жилплощадь». Но мерзкие твари были очень агрессивны. Помню, как моя сестра, расчищая место для размещения нашей семьи, взялась за край деревянного ящика, чтобы выбросить его, и вдруг в ее палец вцепилась крыса, да с такой силой, что сестра, выскочив с воплями из сарая, не сразу смогла освободиться от нее — серая хищница болталась на пальце, а затем, сорвавшись с него и описав в воздухе дугу, шлепнулась на землю и мгновенно скрылась, как призрак. Палец сестры был прокушен почти до кости, и хорошо еще, что потом не произошло заражения крови. Я вспоминаю этот далеко не забавный эпизод, потому что он в какой-то мере отражает ту обстановку, в которой нам предстояло жить. На дворе стоял август, было еще тепло. Зернохранилища укрывали нас от дождей. Грядущая сибирская зима не беспокоила людей, ведь ассирийцы не

имели о ней ни малейшего представления.

В первый же день нашего прибытия всех взрослых ссыльных собрали возле дома, который именовался «комендатура». Для ассирийцев это было и новое слово, и новое понятие, которое отныне стало неотъемлемой частью их сибирского бытия. Комендант Шапошников, которого ссыльные с первого дня стали называть «Красношапкой» из-за красного околышка его форменной фуражки, был здоровенный дядька в чине капитана. Багровый цвет его носа говорил о том, каким образом капитан заглушал тоску в этой медвежьей глухомани.

Комендант держал речь. Он изъяснялся простым солдатским языком, его легче было понять, чем томское начальство. Он сказал ассирийцам:

— Граждане спецпереселенцы! Вас выслали сюда как врагов народа и агентов Турции. О возвращении назад нечего думать. Выбросьте все это из головы. Здесь главное — чтобы была строгая дисциплина. Запомните хорошенько: ежедневно каждый взрослый, от шестнадцати лет и старше, должен явиться в комендатуру и отметиться. Второе — дальше пятнадцати километров никто не имеет права уходить без специального разрешения. И третье: без всяких пререканий, в любое время и погоду, надо выполнять все колхозные работы, какие вам укажут. За нарушения режима спецпоселения будете строго наказаны.

Затем Красношапка представил ссыльным двух своих помощников — Суткина и Швецова. Их должность называлась «надзиратель». В их задачу входило надзирать за людьми в пределах зоны, принимать меры наказания к нарушителям режима, одним словом, охранять нас. Они были вооружены, как и их начальник, пистолетами.

Работы в колхозе начинались на заре, в шесть часов утра и кончались поздним вечером. Утро начиналось с того, что бригады — их было четверо — верхом на конях объезжали свои участки деревни и назначали людям наряды на день. Я боялся появления бригадира. Не слезая с коня, он концом хлыста стучал в окошечко и орал: «Вартанов! (это моему отцу) — пойдешь на корчевку леса. Вартанова! (это моей матери) — в поле пойдешь, лен сушить».

Меня пугал не только этот окрик. Нас у матери было семеро — пять девочек и два мальчика (в основном у ассирийских женщин было по семеро детей, но иногда бывало и больше), но остаться с нами и не выйти на работу мама не имела права. Постоянно кто-нибудь из нас болел, и мать, истерзанная заботами (к болезням добавлялось частенько и отсутствие хлеба в доме, особенно в первые годы ссылки), кричала в ответ на задание бригадира: «Не пойду! Пусть провалится сквозь землю эта твоя работа! У меня ребенок болеет!» Бригадир в ответ орал громовым голосом: «Пойдешь! Попробуй не пойдешь, мать твою рас-так!» — и вслед за этим ругался отборнейшим русским магом. Я хорошо помню, что боялся этих окриков, и очень было обидно за маму, на которую кричал грубый мужик. Будь я взрослым и сильным, я бы обязательно поколотил его.

Мама на работу вынуждена была выходить при любых обстоятельствах.

Комендант Красношапка не шутил, когда предупредил о наказаниях в случае непослушания. Комендатуре были даны для этого все права и возможности. Кроме того, и правление колхоза, решения которого согласовывались с комендатурой, могло отказать и не дать продуктов недисциплинированному ссыльному, например не дать муки (а хлеб здесь нее пекли сами в печах), а у каждого была многодетная семья, и тогда положение становилось очень тяжелым. Так что все взрослые, от восемнадцати лет и старше, ранним утром уходили на колхозные работы, а заботы о младших переходили на старших детей в семье. Детство здесь заканчивалось досрочно. Ассирийцев физической работой не запугать, ибо труд всегда был их единственным занятием. Но уж слишком тяжелыми были здесь условия жизни. В первые дни ссыльные не готовили сами пищу, потому что у них не было продуктов. Колхоз давал нам еду уже в готовом виде, но не бесплатно, конечно, а с последующим вычетом стоимости питания из трудодней ссыльного. Кормили плохо. Нам раздавали какие-то жидкие супы, постные щи, которые заполняли желудок, но не насыщали. Хлеба отпускали по 300 граммов в день на каждого взрослого, на детей меньше. Сначала давали гороховый хлеб. Он запомнился нам надолго. От него пучило животы, а кишечник издавал столько разнообразных звуков, будто в нем сидел целый оркестр. Этот эффект был, может быть, не от хлеба, а вообще от всей недоброкачественной пищи. А потом стали нам выдавать овсяный хлеб, этот был получше, и хотя в нем попадалось много шелухи от зерен, но мы, дети, не оставляли ни крошки и от такого хлеба. Помню, постоянно хотелось есть. Противное ощущение голода не оставляло ни на минуту.

Местное население вначале отнеслось к нам настороженно и даже — враждебно. Они не пускали нас на поселение в пустующие постройки своих домов. Когда наступили холода, комендант заставил их уступить. Местные отказывались принимать ассирийцев в свои рабочие бригады — их заставила это сделать администрация зоны. Причины враждебного отношения местных к новоприбывшим стали понятны несколько позже. Одна из местных, Свиридова, так нам рассказывала:

— Нас предупредили, что сюда везут турков, преступников, и все они черные, с драчливым характером, чуть что — за ножи хватаются... Еще говорили нам, что это враги народа, шпионы, турецкие агенты. Конечно, мы перепугались, ведь таких людей сроду не видали в этих краях...

Преступники, турецкие агенты, враги народа... Естественно, что от ассирийцев, меченных таким клеймом, местные держались подальше. Но прошло совсем немного времени, и сибиряки прекрасно разобрались во всем. Они видели перед собой малограмотных людей, для которых физический труд был единственным средством к существованию. Они убедились в том, что ассирийцы работают как лошади, а трудолюбие очень ценилось в здешних краях. Кроме того, эти смуглые черноволосые люди вообще отличались живым веселым характером, любили шутки, были дружны между собой и вели себя компанейски! Нет, с этими людьми никак не вязались злодейские дела, которые им приписывали...

Увы, в Сибири нас неизменно называли турками. Это удивительное и весьма занимательное обстоятельство в истории нашей ссылки. В

официальном документе, который зачитали нам во дворе томской тюрьмы, нас обозначили как «подданных Турции и Ирана». И это после тридцатилетней жизни с советскими паспортами!! В сознании местных людей и властей это наше новое наименование закрепилось чрезвычайно просто — «турков» привезли... Ассирийцы не спорили. У них отняли их национальность. Это было последнее, что еще можно было отнять. Раз уж заслали в Сибирь, называй хоть туркой, — какое это имело значение в нашем положении? Так мы и провели все годы ссылки под именем турков, и уезжали потом из Сибири под этим же именем. Потерянный народ...

Местные люди, к которым нас поселили, не были коренными жителями. Здесь вообще, кажется, не было коренных жителей, ведь никто по своей охоте не приезжал в эти края. Большинство родом были с Кубани, все — труженики земли, имели крепкие зажиточные хозяйства в хуторах, а в Сибирь угодили в 20-х и 30-х годах, когда шли коллективизация и раскулачивание. В нашей деревне Поротниково отбывали ссылку и евреи Лиза Биндер и Иосиф Каплан. Лиза разносила почту, была деревенским почтальоном, и никто не знал, за какие грехи она оказалась здесь, а она сама на эту тему не разговаривала. А об Иосифе Каплане, который был колхозным бухгалтером, знали, что в Сибирь он попал за то, что однажды во время какого-то спора с коллегами-экономистами сгоряча сказал: «В нашем хозяйстве лошадь хвостом вперед запряжена, поэтому и топчемся на месте!» Поразительно, что еврей допустил такую неосторожность. На него, естественно, донесли, и неосторожные слова обошлись Иосифу Каплану многолетней ссылкой. Все считали, что ему повезло, потому что за такие высказывания в то время могли и вообще приговорить к высшей мере наказания как «внутреннего врага». А он остался живым.

Эти местные жители, проникшись к нам доверием, рассказывали следующее. «Вы приехали сюда, — говорили они, — как на курорт, на все готовенькое. А вот когда нас привезли, здесь вообще не было никакого человеческого жилья. Видели за деревней большие, как воронки от разрыва бомб, ямы? Они расположены в ряд, по одной линии. Так вот, это мы их вырыли, когда прибыли сюда, сверху бревнами накрыли — это называется «накат», оставили лазейку для входа и выхода, да так и жили в них первое время. А потом мы построили настоящие дома, вот эти, которые видите, из бревен, их называют здесь «срубы», потому что срублены топором. И нам давали в день на взрослого работающего человека по двести граммов очень плохой муки. Пекли хлеб сами, а чтобы увеличить хоть немного паек, добавляли в муку тертый сухой мох, и эту выпечку, которую и хлебом-то нельзя назвать, ели... Очень многие среди нас поумирали от разных болезней. Вам гораздо легче сейчас, чем нам тогда».

Может быть, мы и в самом деле жили в относительно комфортабельных условиях? Ведь мы получали на сто граммов хлеба больше, чем первые ссыльные, и нам не пришлось жить в земляных норах. Но Сибирь — и в 30-х годах, и в 50-х — как была, так и осталась местом испытания на жизненную стойкость, на выживание, и в этом смысле каждое новое поколение ссыльных боролось за свои жизни в равно жестоких

условиях.

Сибирское лето короткое. После нашего приезда (в первой половине августа) прошло не более месяца, а в воздухе уже запорхали белые мухи-снежинки. Ассирийцы не были подготовлены к сибирской зиме. Представьте себе, например, человека, отдыхающего в солнечном Сочи у Черного моря, который по злему волшебству вдруг оказался бы перенесенным — как он есть, в летней одежде — на Северный полюс в условия студеной зимы. Мы оказались именно в таком положении. Местные жалели нас и предупреждали — запасайтесь теплой одеждой и валенками, сколько можете, а то не переживете морозы. Но к первой зиме мы подготовиться не успели. Не было денег на покупку теплой одежды, не было в деревне и магазина готовой одежды. Шить самим было не из чего. А у кого и были деньги, так толку от них никакого, потому что магазины имелись в районном центре Бакчар в 30 километрах от нас, а туда ехать без специального разрешения ссыльные не могли. Коменданту спокойнее было, чтобы никто никуда не ездил. Он считал, что поездка в Бакчар — чрезвычайное событие, на это должна быть особо важная причина. Поэтому он всячески препятствовал поездкам туда.

Зима не просто наступила — она обрушилась на нас. Жестокие морозы заставили ассирийцев понять, наконец, что с сибирским климатом шутить нельзя. Тому, кто не видел их собственными глазами, трудно представить себе, как они, съжившись в комочек от жестокого холода, с посиневшими носами, с глазами, которые слезились от встречного ледяного ветра, без теплой одежды, выполняли различные колхозные работы. Не у всех были валенки, в тридцатиградусные (и больше) морозы некоторые все еще ходили в сапогах. Обморожения случались очень часто. Теряли чувствительность, деревенели и становились белыми (верный признак обморожения) то ухо, то щека, то нос. Неопытные кавказцы вначале бросались отогреваться с обмороженными частями тела в теплое помещение. Но как раз этого ни в коем случае нельзя было делать: обмороженное место начинало страшно болеть, а потом там облезала кожа. Местные жители научили ассирийцев сильно растирать снегом обмороженные участки тела. Это тоже болезненная процедура, но зато кожа начинала розоветь, кровообращение восстанавливалось, и обморожение устранялось.

Ассирийцам очень нравились распространенные в Сибири варежки из собачьих шкур, которые надежно защищали руки от холода. Но их возмущало, что не существует специальной защиты для носа, который больше всего страдал от мороза, а носы-то у ассирийцев не маленькие! Нос замерзал в первую очередь. И бывшие жители Кавказа нашли свое решение этой проблемы: они сделали шерстяные чехольчики (по аналогии с рукавицей их можно назвать «носовицей») и спрятали в них свои носы, оставив только отверстие, чтобы дышать, а держались «носовицы» с помощью тесемочек, завязываемых на затылке. Сибиряки (т.е. те, кого сослали сюда на 25 — 30 лет раньше нас) были изумлены этим новшеством и смеялись, глядя на ассирийцев, — такого им еще не приходилось видеть.

Как-то коменданту Красношапке, когда он обходил свой «гарнизон»,

попался на глаза мой отец, возивший на санях корм для коров. Комендант, глядя на жалкую, согнувшуюся от холода фигуру моего отца в легкой одежде, пальцем поманил его к себе. Когда отец приблизился, комендант взял его за полы верхней одежды, крепко встряхнул:

Так нельзя, пропадешь ты так, понял?! У тебя ветер под одеждой гуляет, воспаление легких будет — и помрешь. Надо ремнем сверху одежды затянуться, вот как я! — Капитан ткнул пальцем в свой кожаный офицерский ремень, который плотно обхватывал его добротный казенный полушубок.

— Ремен нет у мена (передаю с сохранением ошибок русскую речь моего отца), — робко отвечал отец.

— Нет ремен! — сердито передразнил комендант. — Нет ремня, тогда бери веревки, их в колхозе много, два-три раза себя обвяжи ими, да покрепче. Соображать надо!

Действительно, этого добра в колхозе было достаточно, и ассирийцы все как один подвязались поверх своих одежд веревками, спасаясь от холода. Я хорошо помню своего отца в каком-то ветхом зипуне, поверх которого вокруг талии была обмотана веревка.

Но не все выжили в первую зиму. У моей шестнадцатилетней сестры Эльзы не было никакого пальто. В самые сильные морозы она ходила в школу, а вместо пальто на ней была большая шаль, обвязанная крест-накрест и немного защищавшая поясницу, спину и грудь от холода. Одеваться так зимой было полным безумием. Очень скоро Эльза заболела тяжелой формой двустороннего воспаления легких. При полном отсутствии лекарств и врача это означало верную смерть. Надо было немедленно везти больную в районный центр Бакчар, в больницу. Несколько дней ушло на то, чтобы получить разрешение у коменданта. Потом два дня ждали, когда дадут сани и лошадей, которых в колхозе не хватало. Наконец сестру увезли. Но прошла всего одна неделя, и из больницы пришла телеграмма с требованием забрать больную домой. За ней поехали старшие сестры, Мария и Аня. В грязной палате, где лежала несчастная Эльза, был такой ужасный холод, что явственно заметны были клубы теплого пара, выдыхаемого изо рта, и коченели руки. Больницу едва-едва оттапливали. Эльза была в ужасном состоянии, она бредила. «Возьмите ее, мы ничем не можем помочь, она умирает», — сказали те, кто исполнял здесь должность врачей. Дома, не приходя в сознание, Эльза умерла. Был март 1950 года.

Прошел всего лишь месяц, и смерть еще раз постучалась в наш дом. На этот раз — за моей восемнадцатилетней сестрой Мартой. Она еще на Кавказе успела закончить девять классов средней школы, и все учителя говорили, что у нее большие способности. Марта училась блестяще, и ей очень хотелось продолжать свое образование, однако в нашем колхозе была только семилетняя школа, а чтобы учиться в 9-м и 10-м классе и получить аттестат зрелости, надо было ехать в Бакчар. Пошли к коменданту просить разрешения на это. Как я уже говорил, он был полновластным хозяином в своей зоне. Он сказал Марте: «Что, профессором захотела стать? Здесь это не нужно, здесь работать надо,

попятно?» И со школой было покончено. Вместо учебного класса Марта оказалась на колхозном элеваторе, где работала на молотилке. Молотилкой сибиряки называли машину для обмолота зерна. Во время работы па машина производила такой колоссальный грохот, что надо было изо всех сил кричать в ухо человеку, если ты хотел, чтобы тебя услышали. И пыль от работающих молотилок была такая, что без марлевых повязок можно было задохнуться. Работы здесь шли и в ночную смену. Во время одной такой рабочей ночи Марта очень устала, ей было холодно, она захотела пойти домой, чтобы хотя бы полчаса отдохнуть и согреться. Но именно в эту ночь возле работающих дежурил надзиратель Суткин, которого в народе звали «Сукин» из-за его сволочного характера, и он не разрешил Марте зайти домой. В какой-то момент усталая Марта не выдержала, присела или прилегла на холодном полу элеватора и, наверное, тогда-то ихватила смертельную болезнь.

Это случилось, кажется, в мае. И снова, как полтора месяца назад с Эльзой, поехали на санях в районную больницу. Вместе с Мартой в этих же санях везли на обследование сошедшую с ума молодую ассирийку по имени Мариам. Сверху хлестало мокрым снегом, сумасшедшая издавала дикие вопли. А Марта с простуженными легкими, вся в жару, лежала на руках у старшей сестры Марии, старавшейся укрыть больную одеялом от ветра. В таком состоянии ехали несколько часов. Напрасно только мучили Марту. Через две недели ее выписали из больницы как совершенно безнадежную. Марта, в отличие от Эльзы, в больнице в беспмятство не впадала и прекрасно понимала, почему ее выписывают. Да врачи и не скрывали, что ее отправляют домой умирать. Врачи обычно спешили выписать безнадежных больных, чтобы уменьшить число смертей в официальных отчетах. А раз в больничных отчетах фигурировало мало умерших пациентов, значит, показатели смертности были низкими.

Пережженными от простуды легкими Марта хрипела и кашляла. Жизнь в ней угасала. А вокруг, в начале июля, как раз цвело запоздалое сибирское лето. Это восемнадцатое лето Марты стало и ее последним летом. Марта до самой смерти сохраняла ясное сознание, и ее прощальные слова к нам, сгрудившимся вокруг ее кровати, были: «Как мне жаль вас всех... Что с вами будет?..» Шел 1950 год.

Да, в предсмертных словах Марты была истина. Мы оставались жить, но жить в наших условиях значило мучиться. Мы оплакивали умирающих, а умирающие, уходя из этой жизни, жалели нас.

Много лет спустя на последней странице Книги Псалмов, с которой мой отец никогда не расставался, я обнаружил записи на ассирийском языке. Сделаны они были крестьянской рукой, не привыкшей к письму, почерк коряв, чернила выцвели от времени. Вот содержание этих нескольких строк:

Эльза умерла 16 марта 1950 года

Марта родилась в 1932 году и умерла в июле 1950 года

Авраам умер в 1951 году

Кетонэ, моя мать, умерла 15 сентября 1952 года

В этом списке Авраам — наш близкий родственник, а Кетонэ — моя бабушка. Сибирский климат, страшные условия жизни и для них оказались губительными. Очередная смерть — очередная запись. Основательно и скупно, без лишних слов отмечал мой отец эти горестные даты. Умерла. Умерла. Умер. Умерла... Так писалась эта хроника смертей в нашей семье.

Когда я работал над своими воспоминаниями, мне на глаза случайно попала заметка из одной газеты. Вот маленький отрывок из нее:

«Когда-то название «Нарым» — этого затерянного в тайге поселения произносили с трепетом по всему государству Российскому. Центр печально знаменитого Нарымского края, тюрьмы без решеток площадью в 200 тысяч квадратных верст, Нарым по числу ссыльных занимал одно из первых мест в России. Сюда отправляли пугачевцев и декабристов, народовольцев и большевиков. Но даже этот губительный для людей болотистый край с лютыми морозами и гнусом не мог сломить дух борцов за народное счастье...»

ПОТОМКИ АШШУРБАНИПАЛА — СТРОИТЕЛИ СОЦИАЛИЗМА И ЕГО ЖЕРТВЫ

В том трагическом 1915 году ассирийские беженцы после ужасных мучений добрались наконец до Армении. Там их взял под свое покровительство Российский Красный Крест. Беженцам дали одежду и пищу, распределили на жительство в разные города России, но большая часть ассирийцев осела в Армении, Азербайджане, Грузии и на Северном Кавказе, там, где был теплый климат и фрукты, к которым ассирийцы привыкли у себя на родине. Беженцы жили и в таких городах, как Москва, Петербург, Киев, Свердловск (Екатеринбург), Пенза, Нижний Новгород, Курск, Тула, Смоленск, Ярославль, Харьков, Донецк, Луганск, Воронеж, Ростов-на-Дону, Винница, Львов, Екатеринодар (сейчас Краснодар), Армавир, Ставрополь, Майкоп, Новочеркасск, Владикавказ, Пятигорск, Грозный, Батуми, и других — больше сорока пяти городов. И до сегодняшнего дня ассирийцы живут в этих городах крупными или маленькими общинами.

При определении того, кому где жить, попечители из Красного Креста старались учесть племенные связи ассирийцев. Поэтому беженцев из деревень Рума, Борб и Швата (в Турции), которые составляли наше племя ботанае, поселили в Азербайджане, в сельской местности, в соседних селениях. Эти селения назывались Алексеевка (наверное, по имени какого-нибудь великого князя из царской семьи), Акстафа, Ханлар, Казах, Гринфельд. Итак, пережив ужасы бегства из Турции, наше маленькое племя опять было вместе, хотя недоставало многих семей («дымов»). Мы ничего не знали о судьбе этих семей — они были отсечены, отбиты от общей массы беженцев преследователями — турками — и остались в окружении. Может быть, ли несчастные погибли

в резне, а может, сумели прорваться и эмигрировать и другие страны.

Климат Азербайджана, жаркий летом и не слишком холодный зимой, с изобилием овощей и фруктов, вполне подходил моим соплеменникам. Здесь жить было дешевле, чем где-либо. Им теперь ничто не угрожало. Чего еще надо?

Бывшие горцы из селения Рума стали жить в Гринфельде. Название селу дали его основатели и тогдашние хозяева — немцы. Их предки, умелые ремесленники, приехали в эти края из родной Германии давным-давно, еще при Екатерине II. С течением времени многие из них занялись сельским хозяйством, которое при грамотном хозяйском подходе да еще на плодородной почве Кавказа давало хорошие прибыли. Гринфельдские немцы владели земельными участками от 5 до 25 гектаров, которые целиком были заняты под виноград. Немцы были отличные хозяева, культуру виноградарства они подняли на очень высокий уровень, говорит мой отец. Они изготавливали превосходные портвейны, коньяки, шампанское, изюм и эту продукцию отправляли на экспорт, часть продавали на местных рынках. В то время их винно-водочные погреба были знамениты на всю страну. К ассирийцам-беженцам немцы отнеслись сочувственно, дали им работу на своих виноградниках. Между хозяевами и батраками установились хорошие отношения, причин для серьезных конфликтов не было.

К тому времени (1916—1917 гг.), вспоминает мой отец, в Гринфельде, в других селениях и городах большую активность развили большевистские агитаторы. Они проникали всюду, к батракам на поле и в рабочие казармы при заводах и фабриках, приходили, званые и незваные, угощали папиросами, заводили разговоры о житье-бытье, шутили, вообще казались очень простыми, своими ребятами. В сельской местности они назначали тайные сходки, обещая рассказать что-то очень важное, касающееся самих батраков, и простые люди, заинтригованные, шли в назначенное время в назначенное место. В городе, выждав сумерки, они приходили в общежития к рабочим и, выставив у входа на улице свои караулы, начинали митинговать. Проворные в разговорах, языкастые агитаторы напористо спрашивали (отец мой тогда работал на заводе, он прекрасно помнит речи тех агитаторов): «На кого вы горб гнете? Для кого стараетесь?» Батраки и неграмотные рабочие были ошарашены. Рушился мир привычных представлений и понятий. А очередной агитатор, не давая им опомниться, продолжал: «Вы сами — понимаете, сами! — можете стать хозяевами. Вот эта земля будет ваша, этот завод будет вашим, все будет ваше. Разгоним к чертовой матери заводчиков, фабрикантов и помещиков-эксплуататоров, установим новый порядок, наш порядок!» И тут же ставили вопрос ребром: «Ну, кто за власть Советов — голосуем!» Конечно, все хотели владеть землей. Каждый не прочь был стать хозяином завода или фабрики, и все дружно голосовали за новый, советский порядок...

В тот период многие молодые ассирийские мужчины, в их числе и мой будущий отец, устроились работать на цементном заводе города Тауз в Азербайджане. Они получали до 30 рублей в месяц. Тогда 5 рублей стоил, например, мешок муки, из которой можно было целый месяц печь

хлеб.

Нынешние ассирийские старики, а тогда молодые рабочие Гаузского цементного завода еще не забыли тот день 1917 года, когда под оглушительное массовое «Ура!» воинственно настроенной толпы с фасада заводского здания был сброшен и разбит вдребезги портрет синеглазого красавца царя Николая II. В безумном восторге люди распевали песни, шли на митинги и демонстрации, несли в руках лозунги, твердо уверенные, что отныне царями стали они.

Следующий, 1918, год начался Гражданской войной и интервенцией. К Баку рвались турецкие войска. Свои интересы имели в этом регионе и англичане. Среди ассирийцев началась паника. Больше всего они боялись нашествия турок и их мести. Память о погромах и резне на родине была еще свежа.

Старейшины племени посовещались между собой и приняли решение бежать в более безопасные края. Они послали в Тифлис, где тогда находился Комитет по делам ассирийцев-меженцев, двух делегатов. В результате комитет прислал за ассирийцами старенький паровоз с несколькими вагонами.

Железная дорога в Тифлисе пролегла через узловую станцию Акстафа. Начальник поезда предупредил беженцев: в Акстафе предстоит пятиминутная остановка, а станция заполнена вооруженными протурецки настроенными азербайджанцами. Если они догадаются, кто едет в поезде, то не пропустят ассирийцев-беженцев, потому во время остановки всем молчать и ни в коем случае не открывать двери вагонов, чтобы из поезда не доносилось никаких звуков, которые могли бы привлечь внимание азербайджанцев.

Вот и Акстафа. Мой отец осторожно глянул через какую-то щель в вагоне — что здесь происходит? Станция напоминала растревоженный муравейник, всюду снуют туда-сюда вооруженные люди. Один приблизился к вагончикам, подозрительно стал их осматривать. Беженцы затаились. В этот момент один дурачок, который был с ними в вагоне, громко заорал: «В уборную хочу-у-у!» Вооруженный бандит услышал крик. Мой отец жестами показал ему: молчи, мол, деньги дадим. Тот догадался, тоже показывает: по 10 золотых с каждого.

Быстро собрали деньги, отдали. Вооруженный националист как будто бы отстал от них.

Поезду дали, наконец, зеленый свет, и он выехал со станции. Но тут заметили беженцы, что на подножке последнего вагона едет с ними тот самый бандит с винтовкой, который получил с них деньги. Впереди — последний пункт Циви Цкаро, контролируемый азербайджанскими националистами. Не было никаких сомнений насчет намерений этого бандита. Беженцев опять охватил страх. Что делать? Если бы эти несчастные ассирийцы не были такими запуганными, они догадались бы дать под задницу бандиту хорошего пинка, тот и полетел бы с подножки. Но никто не отважился на это. Вот до какой степени люди были забиты и

растеряны.

И точно, как только поезд въехал на станцию Циви Цкаро, азербайджанец закричал своим: «Эй! Сюда! Ко мне! Здесь в вагонах армяне прячутся!» Азербайджанские националисты-шовинисты тогда ненавидели армян. Поезд окружили со всех сторон, людей из вагонов вывели, их вещи были мгновенно захвачены мародерами. Напрасно начальник поезда, грузин, тыкал в лицо главарю этих бандитов документ, в котором было указано, что это — беженцы и они под защитой официальных властей. «Всех расстрелять!» — скомандовал главарь националистов.

Вагоны с ассирийскими беженцами отцепили от паровоза. Сам же паровоз не задерживали, он мог ехать дальше. Тогда начальник поезда, который отвечал за судьбу беженцев, пригрозил, что он пригонит из Тифлиса бронепоезд и разгромит к чертовой матери эту станцию. Такой оборот дела не устраивал азербайджанских националистов, но угроза подействовала не сразу. Когда паровоз доехал до ближайшего семафора, люди на станции залпом из нескольких винтовок стали его звать назад. Беженцам все-таки разрешили следовать дальше. Ассирийцы были спасены, хотя и ограблены до нитки.

В Тифлисе беженцев-ассирийцев разместили в пустовавшей казарме на улице Михайловской (сейчас эта улица Плеханова). Кто бы мог подумать, что они проведут под этой крышей только одну ночь! Дело в том, что на следующий день случилось нечто непредвиденное.

Наступило утро — обычное утро большого города. Но ассирийцы-то никогда ранее не были в городе. И вот перед их глазами — поразительная картина: с грохотом мчатся трамваи и фаэтоны; громко переговариваясь, спешат куда-то люди; где-то вдалеке раздается рев ослов; шум, гам, гвалт и грохот заполнил все пространство, и всюду — густой нескончаемый поток людей. Переполнены трамваи, и в их открытых дверях гроздьями висят пассажиры, куда-то торопятся женщины с корзинами в руках, что-то кричат мальчишки — разносчики газет. Всюду — люди, настоящее людское море, и все куда-то спешат, мчатся, убегают, а куда? — обалдевшие от всего этого ассирийцы совсем растерялись.

Всеобщую панику среди беженцев довел до предела Амран из села Швата. Он вбежал в казарму с улицы с криком: «Что вы сидите! Смотрите — все бегут из города! Надо и нам бежать отсюда!» Ассирийцы подхватили своих малых детишек (никакого багажа, вещей у них не было) и бросились бежать из Тифлиса, подальше от этого опасного места. Где-то за чертой города они наняли осетинов с их арбами, которые по Военно-Грузинской дороге (205 километров) довезли их до Владикавказа, небольшого спокойного городка.

А в Тифлисе, как оказалось, в тот день ничего особенного не происходило. Было самое обычное утро рабочего дня: народ спешил на работу, кухарки и домохозяйки — на рынок за продуктами, торговцы с грохотом открывали двери лавок, а разносчики газет пронзительными выкриками рекламировали свой товар, — словом, все были заняты

обычными делами. Но вчерашние беглецы из Турции вообразили, что видят картину всеобщего бегства, и сами бросились со всех ног удирать. Все сказанное можно было бы принять за вымысел, анекдот, но так было, и тот день до сих пор живо, со всеми мелкими подробностями, вспоминается нашим старикам.

Ассирийцы-беженцы, думая, что найдут спасение и безопасность во Владикавказе, попали, что называется, из огня да в полымя. Тогда за этот город (ключ к Военно-Грузинской дороге) ожесточенно дрались красные и белые, и он несколько раз переходил из рук в руки. Беженцы нашли себе убежище в пустом трехэтажном здании бывшего военного училища, а для безопасности догадались повесить над зданием флаг Красного Креста.

На улицах городка разрывались снаряды и гремели ружейные выстрелы вперемежку с трескотней пулеметов. Стекла в здании, где прятались беженцы, были разбиты осколками снарядов, которые долетали сюда. Днем ассирийцы тряслись от страха в своем малонадежном укрытии. Тоненько посвистывали пролетающие пули — стреляли уже совсем близко. Беженцы ложились ничком на пол в часы наиболее ожесточенной перестрелки. А когда наступали сумерки и относительное затишье, беженцы выходили на поиски пищи и воды. Никакой заботы Красного Креста в этом хаосе уже не существовало.

В часы ночного затишья командиры казачьих (белых) частей, которые пока что удерживали город в своих руках, заставляли мужчин-ассирийцев собирать трупы с улиц и вывозить их за город. Беженцы, работавшие по двое, попарно, раскачивали труп за руки и за ноги и швыряли в телегу, а нагруженные доверху телеги с трупами вывозили в поле, где убитых сбрасывали в огромные ямы и засыпали землей. Во Владикавказе в это время свирепствовала эпидемия тифа и холеры. Каждый день умирало по несколько человек. Смерть унесла много ассирийцев.

А дальше события развивались, по воспоминаниям отца, так. Казачьи полки не выдержали натиска красных, отступили. В город ворвались красноармейцы с винтовками без ремней, голодные и оборванные. Они вбежали в здание, где укрывались беженцы, и, не сообразуясь с действительностью, стали выпрашивать: «У кого есть лошади? Лошадей давай!»

А среди беженцев был один, по имени Ханно Авдишо, судьба у него была такая, что он обязательно попадал в разные истории, смешные и печальные. Во Владикавказе он подрабатывал тем, что вырезал деревянные ложки и продавал их. По-русски он понимал плохо. «Лошадь» и «лошка» (ложка) для него было одно и то же. Услышав требование красноармейцев, он выдвинулся вперед: «У меня есть». — «Много?» — обрадовались те. «Много, очень много!» — важно подтвердил Ханно Авдишо. «Давай их скорей сюда!» — торопили его красные. «Сейчас», — сказал Ханно. Он вышел и вскоре вернулся, неся на спине большой тяжелый мешок. Радуюсь возможности продать свой товар, Ханно Авдишо широким жестом вывалил к ногам нежданных

клиентов целую гору деревянных ложек со словами: «Бери лошка!»

Один взбешенный красноармеец закричал: «Ты, контра недобитая, издеваешься над нами?!» А командир отряда лаконично приказал: «Всыпать ему шомполов». И бедняге, который не умел отличить слово «лошадь» от «ложка», всыпали с тем усердием, с каким должно было карать врагов рабоче-крестьянской революции... И смех и грех, как говорится.

Ассирийцы не знали, как приспособиться к быстро меняющейся обстановке. Они продолжали выжидать в своем убежище. Был с ними священник отец Исаак, семидесяти лет. По вечерам он читал беженцам отрывки из Апокалипсиса — это вполне отражало тогдашнюю обстановку и настроение людей. Отец Исаак, как вспоминает мой отец, иногда откладывал в сторону Священное Писание и, окруженный беженцами, принимался по-своему толковать происходящие вокруг них события. Он говорил: «Эта власть — последняя на земле. Она завоюет всю землю и падет сама от себя. Лицом она овечка, нутром — волк. Молитесь Господу Иисусу Христу и положитесь на Него во всем, что бы с нами ни произошло».

Гражданская война закончилась. На Кавказе победила Советская власть. Три года — с 1918 по 1920-й — прожили во Владикавказе ассирийцы-беженцы, и среди них ассирийцы племени ботанае. Своих домов, конечно, не было; ассирийцы за небольшие деньги арендовали хижины у местного населения. А деньги зарабатывали разными путями: мужчины, например, за городом заготавливали вязанки дров и хвороста и продавали их в городе или разносили по улицам в кожаных мешках горную родниковую питьевую воду, которая здесь была предметом купли-продажи. Женщины-ассирийки скупали на базаре дешевую шерсть, прядли из нее нитки и продавали их, получая какой-то доход.

Всюду, как говорится, теплится жизнь. Именно к этому периоду относится знакомство друг с другом и женитьба моих родителей.

Хотя ассирийцы пережили во Владикавказе ужасы Гражданской войны, они все же считали его самым чудесным городом из всех, что видели. А до Владикавказа беженцы знали городок Дилижан в Армении, потом промышленный Тауз в Азербайджане, да еще шумный Тифлис, сыгравший такую злую шутку в их судьбе. Хотя Владикавказ им очень нравился, тем не менее, когда обстановка стала спокойней и можно уже было не бояться турок, мои соплеменники приняли решение вернуться в Азербайджан. Это шарахание людей из стороны в сторону напоминает перепархивание с места на место спугнутой стаи птиц. В конце концов ассирийское племя вновь оказалось там, откуда оно бросилось в бегство три года тому назад.

Мой отец рассказывал, что ассирийцы возвращались в Закавказье, имея на руках специальные пропуски от Красного Креста, а подписывал их Фрейдун Атурая. Этот человек, по рассказу отца, красивый и самый образованный среди ассирийцев, был их защитником. Его знали все. Он был не только врачом, но и лучшим поэтом ассирийцев. Народ распевал его стихи как свои песни. Особенно любили песню «Орел Тхуми», в

которой Фрейдун, создав яркий образ сильной свободной птицы, выразил тоску ассирийца, оторванного от родной земли. Потом, уже взрослым, я увидел фотографию Фрейдуна Атурая в форме военного врача. Мне на всю жизнь запомнилось его необычайно одухотворенное лицо. А погиб он не на фронте Первой мировой войны, где ему довелось служить военным врачом, но в самое мирное время, от рук комиссаров ВЧК. Фрейдуна расстреляли без суда и следствия, в одном из подвалов ВЧК. За что? — спрашивал я отца и других людей старшего поколения. Им завидовали, говорили мне, не любили за ум, за талант, за популярность, его оклеветали, предали. А отец сказал: Фрейдун не боялся ничего и не молчал; такие люди в то время долго не жили... Когда его расстреляли, ему было всего тридцать пять лет. Но остались песни Фрейдуна, они и сейчас любимы в народе.

За истекшее время в Гринфельде и Алексеевке внешне мало что изменилось, но умонастроение людей стало совсем иным. Земля по-прежнему была в руках немецких колонистов, и все так же использовался труд батраков, но хозяева уже не были хозяевами в полном смысле этого слова, а батраки не были прежними батраками. Порядок, на котором покоилось сосуществование людей, был разрушен. Теперь у батраков были так называемые рабочкомы (рабочие комиссии), которые следили за доходами хозяев земли и справедливой оплатой труда батраков. Землевладельцы жили надеждой, что все это временно и когда-нибудь закончится. Батраки, в свою очередь, верили, что у немцев отберут крупные участки земли, отдадут им, неимущим, в частное, единоличное владение и они сами станут хозяевами.

А произошло совсем другое. Кажется, в 1926 или 1927 году пришло указание из центра создавать всюду коллективные хозяйства, то есть колхозы. Да, тогда впервые прозвучало здесь слово «колхоз». И вот дошла очередь и до села Гринфельд, где жили наши ассирийцы-ботанае. Приехавшее начальство созвало жителей села на организационное собрание. Как вспоминают старики, в президиуме сидели секретарь райкома партии, районный прокурор и местный председатель сельсовета. Начальство выступило и ознакомило крестьян с положением о коллективизации хозяйств. Затем председатель сельсовета обратился к собравшимся с вопросом: «Кто хочет выступить?» Все молчали, и лишь один человек поднял руку — Ханно Авдишо, тот самый, который во Владикавказе отличился в истории с «лошкой» и «лошадью».

На почти голое тело Ханно, прикрытое каким-то нижним бельем, была наброшена кавалерийская шинель, с разрезом сзади до самого пояса; грудь распахнута, на шее висит большой нательный крест — так выглядел этот оратор. Ханно поднялся на сцену, где был президиум собрания. Одной ногой он отступил широко в сторону, туда же оттянул рукой край широченной шинели, так что открылось нижнее белье, и сказал: «Москва тащит нас сюда!» Потом Ханно сделал не менее эффектное «па» в противоположную сторону и, оттянув в том же направлении другой край шинели (опять под всеобщий хохот открылось нижнее белье), сказал: «А Баку тащит туда!» (В Баку тогда еще сильным было влияние меньшевиков и эсеров, которые предлагали в корне другую аграрную реформу.) «А я говорю, — продолжал этот бесподобный оратор, — пусть и Москва и Баку сами едят свое дерьмо! А

нас туда не загоняйте!» Гомерический хохот публики заглушил последние слова выступившего. «Что такое? Что он такое сказал?» — забеспокоился секретарь райкома, русский (Ханно говорил по-азербайджански). «Да это так, несерьезный человек, чушь всякую мелет...» — отделался от прямого ответа председатель сельсовета.

Потом, когда колхоз организовали, Ханно Авдншо не записался в него, остался единоличником и до самой смерти (умер он уже накануне войны) жил своим небольшим участком земли и побочными заработками. Упрямый был старик. Другие ассирийцы-ботанае, без особого воодушевления и понимания происходящего, все-таки вступили в колхоз, ибо ничего другого им не оставалось.

Когда организовывали колхоз, у бывших хозяев-немцев отобрали земли. Это стало началом их злосчастий. Не вступившие в колхоз и в то же время потерявшие точку опоры — свою землю, они оказались как бы вышвырнутыми из тогдашней жизни, вне закона.

По ночам к тому или иному немецкому дому подъезжала машина, и больше никто и никогда не видел арестованного, а утром по тому, в каком дворе рыдали и выли женщины, можно было узнать, кого посетили ночные визитеры на этот раз.

Жил в Гринфельде немец Люци Зиммер, коммунист, директор школы. На свою беду, он приходился родственником одному из бывших хозяев, которого уже арестовывали. Каким-то образом Зиммеру стало известно, что и над ним сгущаются тучи. В тот день, которым жители села не забудут никогда. Люци Зиммер явился в школу, как всегда аккуратный, спокойный, дал детям задание и, сказав, что у него побаливает голова и чтоб дети вели себя тихо, пошел домой якобы принять лекарство. Его ждали очень долго, но он все не приходил. В школе встревожились и послали за директором, благо дом его был недалеко. Когда на стук в дверь никто не отозвался, дети «глянули через окошко и увидели Зиммера, лежавшего на полу без движения. На крики детей прибежали взрослые, выломали дверь и вошли в дом. Их глазам предстала ужасная картина: на трех кроватях лежали три трупа — жены Зиммера, его дочери и сына. Отец застрелил их всех ночью из мелкокалиберной бесшумной винтовки, которую в народе называют «мелкашка». У них была мгновенная, легкая смерть. А утром, вернувшись из школы домой, он направил ствол винтовки на самого себя.

В доме нашли предсмертную записку Люци Зиммера, в которой он просил, чтобы их хоронили с хорошим духовым оркестром. Воля учителя была исполнена. Все население села, потрясенное до глубины души, присутствовало на похоронах.

Последний удар обрушился на гринфельдских немцев в 1940 году. К тому времени большинство из них уже работало в колхозе, как все другие. В село въехали грузовые автомобили, много автомобилей, немцев погрузили на них и увезли неизвестно куда. Только через много лет стало известно, что были они сосланы в безлюдные степи Казахстана, где их руками строились шахты и добывался уголь. В Гринфельд немцы никогда уже не вернулись. Я остановился так

подробно на истории гринфельдских немцев потому, что ассирийцы жили с ними бок о бок в течение двадцати лет и относились немцы и ассирийцы друг к другу, как добрые соседи. Одинаковое несчастье вошло в их судьбы: большинство немцев и ассирийцев были сосланы. И отправленные в совершенно разные края — одни в Казахстан, другие в Сибирь — немцы и ассирийцы, бывшие хозяева и бывшие батраки, пережив ссылку, встретятся вновь, и опять будут жить в добрососедстве, но уже в другом месте и при других обстоятельствах. Но об этом я расскажу позже.

При колхозном строе наше племя ботанае продолжало жить компактно, одной общиной. Как это ни удивительно, но свойства характера ассирийцев мало изменились. Если этот упрямый народ не изменился за многие века, то и прошедшие два десятилетия, несмотря на революцию, перевернувшую всю жизнь, и огромные внешние перемены, не смогли повлиять на него. Ассирийцы жили сплоченной общиной, и событие в отдельной семье воспринималось как общее дело, касающееся всех. События эти бывали и радостными, и горестными. В 1927 г. ассирийцы сообща переживали смерть священника Иакова, того самого, который первым ступил на мост через реку Мехни в ночь бегства из Турции и благословил других перейти, так же сообща горевали, когда в 1929 г. упал с огромного орехового дерева и разбился насмерть Нерсу, который вывел ассирийцев из Турции в 1915 г., человек, которому мои соплеменники обязаны своим спасением.

На новом месте и при совершенно ином государственно-политическом строе, в котором процветал воинствующий атеизм, ассирийцы в массе своей оставались глубоко верующими людьми. От Бога ассирийцы не отказались и тогда, когда разумнее было затаиться и не выдавать своей религиозности. Так было, например, в тридцатые годы, в разгар кампаний, которые проводились воинствующими безбожниками. Тогда в Гринфельде и Алексеевке, как и всюду, разносили по рабочим местам специальные анкеты с вопросами о вере — люди должны были сказать, «за» они или «против» Бога, религии. По результатам такого опроса новые власти собирались, наверно, специальным декретом «отменить» Бога, как не собравшего большинство голосов «избирателей». Атеисты со своими бумагами пришли и туда, где работали мой отец и его товарищ Слыва Динха. Разложили листы. «Где здесь против Бога?» — спросил Слыва, не умеющий ни читать, ни писать. «Вот здесь, слева», — показали ему. «А где за Бога?» — «Справа...» — был ответ. Тогда Слыва Динха размахисто перекрестился и без колебания поставил крестик в правой графе на строке, где было проставлено его имя. Мой отец мог немного писать и читать, и он поставил свою подпись «за Бога». Так поступило большинство ассирийцев в Гринфельде и Алексеевке.

Люди нашего племени ботанае сохраняли веру в Бога в условиях, исключительно неблагоприятных для этого. Вокруг на сотню километров были только мусульманские мечети. Тем не менее ни одна свадьба, а их было много, не состоялась без венчания молодых в церкви, и ни один ребенок из множества рождавшихся не остался без крещения. Для совершения этих обрядов и для других своих религиозных потребностей ассирийцы из Азербайджана ездили в столицу Грузии Тифлис (ныне Тбилиси). Там была ближайшая католическая церковь. В Тифлисе на

улице, которая сейчас называется улицей Калинина, стояла и стоит до сих пор большая католическая церковь, которую ассирийцы считали «своей», так как в ней служил священник-ассириец отец Стефанус, или Стефан.

Это был отважный священник. Однажды во время богослужения в церковь вошли два офицера из внутренних войск, в полной экипировке, с портупеями через плечо... Увидев их, прихожане, молившиеся там, обмерли от страха за отца Стефана, уверенные, что эти двое пришли его забрать. Однако офицеры зашли внутрь храма просто из любопытства и, не соизволив снять фуражек, стали с любопытством разглядывать иконы и фрески, как если бы находились в музее. Тогда отец Стефан спустился с кафедры, встал между двумя офицерами и, взяв их под руки, вывел вон из церкви со словами, которые ясно слышали все прихожане: «У вас свои дела, у нас — свои, оставьте нас в покое!» И такая духовная сила исходила от священника, этого маленького, убеленного сединами человека, что сконфуженные офицеры молча удалились из храма. После этого случая все боялись за отца Стефана, однако тогда обошлось без последствий; отец Стефан умер в 1953 году, когда мы были в сибирской ссылке.

Случай с отцом Стефаном — один из немногих, закончившихся счастливо. В конце 30-х и в 40-х годах ассирийские священники подвергались жестоким репрессиям. В 1940 г., например, был арестован без всяких причин отец Михаил (Бет Саргис), и с тех пор о нем больше никто не слышал. Среди ассирийцев, бежавших в Россию из Турции, было много священников, но в России ассирийцы не имели права строить свои храмы для богослужений, а после революции наши священники не могли получить разрешения властей на совершение богослужений со своей паствой, а также им нельзя было исполнять религиозные требы, то есть крестить детей, венчать молодых, отпевать умерших. Те ассирийские священники, которые не были арестованы, затаились, уstraшенные, поэтому вот уже несколько десятилетий ассирийцы не имеют богослужений на родном языке. Сейчас фактически нет в нашей стране ни одного ассирийца-священника. В 1957-м умер отец Аарон (Осипов), это был, кажется, последний ассирийский священник. Говорят, что он два раза ездил в Москву и там, в одном из православных храмов, по официальному разрешению русского патриарха Алексия совершил два или три богослужения вместе с верующими ассирийцами. Но это исключительный случай.

Я уже говорил, что ассирийцы в условиях совершенно новой жизни остались верны своим многовековым национальным обычаям и традициям, а если кто-то под влиянием инородного окружения и пытался скопировать несвойственный нам стиль поведения, то это становилось курьезом и в лучшем случае вызывало откровенные насмешки других. А жизнь тем временем быстро менялась, и молодые ассирийцы уже запросто ездили в города Баку, Ереван, Тбилиси и другие места. Родись в горах Турции, за нею жизнь они не повидали бы никакого, даже близлежащего города. Другое дело Россия. И так, бывая в разъездах, ассирийская молодежь не могла полностью избежать влияния окружающего мира. Например, молодой ассириец по имени Мелько, увидев, как горожане, мужчина с женщиной, прогуливаются под руку

друг с другом, решил блеснуть модными манерами перед своими сородичами. Появление на улице нашего скромного села Гринфельд Мелько, атлетически крепкого мужчины, под руку с девушкой вызвало глубокое изумление у всех ассирийцев. Это был настоящий фурор. Ханно Авдишо, о котором выше уже говорилось, под знойно-любопытными взглядами ротозеев приблизился к этой экзотической парочке, чубуком своей курительной трубки чувствительно стукнул Мелько по лбу (в то время в силу патриархальных устоев нашего народа все старшие имели как бы само собой разумеющееся право поучать, воспитывать младших, независимо от наличия или отсутствия родственных связей между ними) и громко сказал:

— Эй, парень, да ты никак ослеп, раз тебя ведет под руку эта девушка-поводырь?!

Такова была реакция ассирийцев старшего поколения на новшества даже столь невинного характера.

Однако, хотели этого ассирийцы или нет, реальная жизнь диктовала свои условия. Так, после утверждения Советской власти на Кавказе началась сплошная паспортизация ассирийцев, и на каждого беженца надо было заводить паспорт, удостоверение личности. Чиновники, которые занимались этим, натолкнулись на серьезные трудности. Дело было в том, что недавние беглецы из Турции не могли знать своих имен с такой исчерпывающей полнотой и точностью, какую требовали от них бюрократы. Конечно, имя собственное было у каждого беженца, но в Турции наряду с этим именем у людей были всевозможные прозвища, клички, и зачастую прозвище было таким метким, что оно закреплялось за человеком и вытесняло, заменяло имя собственное. А фамилий как таковых у ассирийцев и вовсе не было.

Кое-как, с большими искажениями записав имена или прозвища, которые для непривычного слуха чиновников звучали как древнекитайские, перешли к сочинению фамилий. Шаблон здесь был такой: к имени главы семейства добавляли окончание, характерное для русских фамилий. Так были образованы фамилии: от Авдишо — Авдышев, от Слыва — Сливоев, от Йосип — Осипов, от Мирза — Мирзосв, от Хавшиба — Хошабов, от Бриндар — Бриндаров, от Варда — Варданов, от Беньямин — Беньяминов, от Ушана — Ушанов, от Юханнан — Юханаев, от Даниель — Данилов и т.д. и т.п. Если паспорта оформлял грузин-чиновник, и дело происходило в Грузии, то фамилии сочинялись на грузинский лад, а в Армении — на армянский лад.

Однако многие ассирийцы смогли отстоять свои подлинные имена, и в их паспорта вписали фамилии, которые вполне сохраняют ассирийскую форму и звучание: Бет-Каша, Мар-Юханна, Бет-Варда, Бахтишо Бар-Динха и др. Некоторым ассирийцам удалось избежать паспортизации, и они, так и не став гражданами СССР, в 20-е и 30-е годы жили с видом на жительство, а в 1936 — 1939 гг. благополучно покинули Россию и уехали, кто в Иран, а кто — в Америку. Тогда это еще было можно. Интересно то, что некоторые ассирийцы, живущие в России, до сих пор умудряются сохранять свои иранские паспорта и на всякий случай не принимают российского гражданства; они имеют вид на жительство. Они

пользуются многими правами гражданина России, но кое в чем ограничены: например, не имеют права участвовать в выборах депутатов в органы власти, не могут купить билет на самолет, так как для этого надо предъявить кассиру паспорт гражданина России, и т.д.

Изрядно же пришлось попотеть чиновникам, чтобы подчинить своей системе ассирийских беженцев! Не легче, чем с фамилиями, обстояло дело с определением возраста людей. Ведь точно год своего рождения ни один беженец назвать не мог. На вопрос чиновника о возрасте ассириец долго и обстоятельно рассказывал, что, например, по словам матери, он родился в тот самый год, когда у хромого Шимуна двухлетний бычок сорвался в пропасть, а еще в том году были сильные ливни, которые погубили все посевы зерновых, из-за чего пришлось занять у соседей два мешка пшеницы, а еще в том году... но обалдевший от таких подробностей чиновник прекращал этот чистосердечный рассказ, оценивающе вглядывался в лицо — и записывал в документы тот год рождения, который, на его взгляд, соответствовал опрашиваемому. Таким образом, у старшего поколения ассирийцев России условными являются не только фамилии, но и даты их рождения.

А семейно-брачные отношения ассирийцев, которые требовалось теперь привести в соответствие с советскими порядками! В Турции наши предки, разумеется, никогда не имели дело с документом, который называется «Свидетельство о браке» и торжественно вручается поженившимся молодым людям в государственном бюро загса (Запись актов гражданского состояния). Этот документ, наверно, действительно необходим в современном обществе для страхования имущественных и иных интересов как мужа, так и жены. Что касается девушек, которых большинство мужчин не прочь при возможности соблазнить, а потом, получив свое, бесчестно бросить, нередко с ребенком, так для них предварительное закрепление своих отношений с мужчиной в бюро загса весьма разумно, особенно в России, и является хоть какой-то гарантией от вероломства. Ассирийцы же в Турции были не настолько «цивилизованны», чтобы не верить друг другу без документа. Молодые люди, жители гор, венчались в церкви, потом муж и жена жили в духе согласия и верности друг другу столько, сколько лет жизни на земле отпускал им Господь Бог. И отсутствие бумажки загса нисколько не мешало им иметь более десяти детей, которые, подрастая, продолжали путь своих родителей.

Теперь все это в глазах чиновников было вопиющим беспорядком, и после того как беженцам из Турции выдали паспорта, им предписали в кратчайший срок посетить учреждения загса и «оформить свои отношения». Этот «кратчайший срок» растянулся для некоторых людей на... 50 и более лет. Мои родители, например, прожив почти полвека вместе и нажив кучу детей, не имели документа, подтверждающего их супружество, до самого последнего времени. Несколько лет назад я в очередной раз приехал из Москвы домой на летние каникулы и полушутя-полусерьезно предложил отцу и матери сходить в загс и «оформить отношения» Мои старики, не лишённые чувства юмора, согласились и пошли со мной. «Бракосочетание» состоялось, а практическим его результатом было то, что органы милиции выдали отцу и матери новенькие паспорта, в которых красовались штампы,

удостоверяющие их супружеские отношения. Это «грандиозное» событие мы весело отметили дома распитием бутылки шампанского.

Вот с такими особенностями складывалось бытие ассирийских беженцев в новой стране и в новое время. Когда 22 июня 1941 г. началась война с фашистской Германией, ассирийцев, как и других граждан Советского Союза, призвали на фронт. Очень много ассирийцев было в рядах Красной Армии. Они храбро сражались с врагом, совершали настоящие воинские подвиги. Мы можем гордиться тем, что, хотя наша народность в СССР малочисленна, два ассирийца во время войны за совершенные подвиги получили высшее звание — Герой Советского Союза. Их имена известны — это Ладос Давыдов и Сергей Сархошев. Несколько ассирийцев стали генералами, многие награждены боевыми орденами и медалями. А сколько ассирийцев погибли... Из нашего племени ботанаев воевали на разных фронтах и не вернулись с полей сражений Зару, Нисан, Авраам, Нику. Иосип, Гпваргис, Раис и многие другие. Участвовали в войне и несколько раз были ранены двое моих дядей: Арам и Бархо. В какой-то газете или в каком-то журнале, не помню точно, я читал, что несколько тысяч ассирийцев ушли на фронт из Армении, Азербайджана и Грузии. Живыми возвращались единицы. Мы можем гордиться и тем, что на оккупированной территории немцы не смогли завербовать в свои ряды в качестве полицая или охранника концлагеря ни одного ассирийца. За все годы войны ни единого предателя не было среди ассирийцев Советского Союза. Они сохранили верность стране, в которой жили.

Моему отцу не пришлось воевать. В 1941 году ему было 46 лет, к тому же в семье было семеро детей. Однако в военные годы отец работал для фронта на заводе в Баку, и работал он хорошо, за что и был награжден медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны». На лицевой стороне этой медали рельефно отчеканен портрет Сталина, а на обратной стороне — гордые слова: «Наше дело правое — мы победим». Медаль бережно хранилась в нашей семье.

После войны, хотя было трудно и мы нередко голодали, жизнь постепенно возвращалась в нормальное русло. Пожалуй, впервые после многих-многих лет ассирийцы вздохнули облегченно. Дети подрастали, работы в колхозе было много, работа была тяжелая, но и заработки пошли неплохие. Не голодали. Ассирийцы построили себе просторные каменные дома, разбили замечательные фруктовые сады. Жизнь казалась безоблачной, и верилось, что ничего страшного уже не случится. Так ассирийцы дожили до июня 1949 года.

Но страшное — случилось...

СИБИРЬ. ГОДЫ ССЫЛКИ

Да, страшное все-таки случилось: летом 1949 года и потом, в 1950 году, массы ассирийцев Закавказья и Северного Кавказа были высланы, без всяких объяснений, в Сибирь и в другие отдаленные, чрезвычайно суровые по климату районы нашей огромной страны.

Как могло совершиться это преступление против целого народа? Можно

по ошибке посадить в тюрьму невинного человека, это бывает. Но чтобы тысячи людей одновременно были осуждены без суда и следствия! Такое понять невозможно. Дикий, жестокий произвол, словно судьбу народа вершил безумный правитель.

То, что произошло с нашим народом, не было случайностью, ошибкой. Это мы узнали потом. Жители Сибири, сами сосланные в эти края в годы коллективизации и раскулачивания, рассказывали: «Той весной (в 1949 году) нам приказали сажать картофель на гораздо большей площади, чем в прошлые годы. Мы, конечно, спросили тогда у начальства: зачем так много? Нам сказали, что сюда привезут новых людей. Чтобы картошки хватило на всех, надо использовать дополнительные площади, из расчета приблизительно две сотки картофельной посадки на душу».

Вот удивительная вещь, над которой стоит призадуматься! Значит, когда в далеком кавказском селе ассирийские крестьяне Лазарь, Сава, Слива, Ишо, Саргис, Сепо, Даниел, Бархо, Маругел, Гиваргис и другие вместе со своими женами, взяв лопаты, мотыги, серпы, грабли, отправлялись на колхозные полевые работы и трудились до седьмого пота, там, в Сибири, уже заготавливались пайки картошки на этих людей? Значит, кто-то «наверху» уже запланировал это преступление против ассирийцев? Но для чего ссылка? Зачем — ссылка? Какова цель? Кто ответит, наконец, на эти мучительные вопросы?

Ассирийцы, сосланные в Сибирь, в массе своей были либо вовсе неграмотные, либо малограмотные и невежественные люди, за исключением молодежи, которая при Советской власти училась в школах. Но, оказавшись на сибирской каторге, даже эти темные малообразованные люди сообразили, что надо «бить во все колокола» (хотя надежды быть услышанными не было) и умолять Москву исправить эту чудовищную несправедливость. В Москву почему-то верили, и верили при всех обстоятельствах. Это тоже загадка. Ссылные ассирийцы свои прошения о помиловании, свои мольбы к властям — разобраться в их деле и освободить от этой каторги — составляли в трех экземплярах. Один экземпляр направляли «дорогому товарищу Сталину», второй — в Президиум Верховного Совета СССР, а третий — в газету «Правда». До «дорогого товарища» Сталина вопли ассирийцев, конечно, не доходили. «Правда» не отвечала, ей было некогда, потому что она была очень занята защитой прав негров в Америке и проблемой эксплуатации рабочего класса в капиталистических странах. Что касается Президиума, то от него некоторым ассирийцам пришла лаконичная отписка: «Ваша жалоба передана на рассмотрение в Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР». Если человек был выслан из Грузии, то жалоба передавалась на «рассмотрение» в Президиум Верховного Совета Грузинской ССР. Таким образом, нельзя сказать, что ассирийцы, высланные в Сибирь, были лишены всех гражданских прав. Ведь их жалобы «рассматривали». Более того, даже отвечали на их прошения. Из Грузии и Азербайджана Советская власть отвечала однотипно, кратко и категорически: «В ответ на Ваше заявление сообщаем, что в отношении Вас нарушение закона не имело места. Ссылка и спецпоселение произведены на законном основании». Законное основание. Спецпоселение... Наши мучения в Сибири назывались одним словом: спецпоселение. Обычное слово, даже

скучное, канцелярское. И кто бы мог подумать, кто мог вообразить, что одно серое канцелярское слово может сломать и исковеркать судьбы тысячам и тысячам людей...

О, эти сибирские годы! Жизнь, смысл которой свелся к биологическому выживанию... Низвести человека, гордое существо, обладающее разумом, волей, мечтой, врожденной любовью к свободе, — к такому примитивному, животному уровню: что может быть преступнее с точки зрения нравственности? И за что такой удар обрушился на ни в чем не повинных ассирийцев?!

Безысходное отчаяние овладевало душами этих несчастных людей всякий раз, когда в ответ на свои прошения и мольбы они получали бюрократическую отписку. Неужели всеми на свете забыты? Неужели так и должны пропадать в этой Сибири? И казалось, никто в большом мире не знает о их беде и никто нигде не сострадает их плачевной судьбе.

Но нет, знали о наших страданиях, помнили нас и оплакивали нашу судьбу милосердные люди, соплеменники наши. Очень немногим ассирийцам посчастливилось не попасть в списки для ссылки в Сибирь, и они остались на Кавказе, продолжая жить и работать на своих местах. Ночной организованный захват наших домов и ссылка в Сибирь целого народа глубоко потрясли их души, обычно весьма скупые на проявление чувств. Вот среди этих ассирийцев и сложилась небольшая драматическая поэма, в которой очень наивно, но с искренней болью и почти документально точно рассказывалось о постигшем нас несчастье. Это настоящее народное произведение, конкретного автора у него нет. Известно только, что помог записать эту поэму в письменной форме (а сначала она пересказывалась среди ассирийского народа устно) священник отец Стефан, тот, что служил в католической церкви в Тифлисе. Привожу полный текст этого горестного народного повествования в переводе на русский язык.

ИСТОРИЯ ССЫЛКИ АССИРИЙЦЕВ В СИБИРЬ

В год тысяча девятьсот сорок девятый

Товарищ Сталин, судья,

Произвел среди ассирийцев землетрясение.

Тринадцатого июня это началось,

Большое совещание в районе состоялось,

И послали машины к воротам ассирийцев.

У ворот каждого дома машина стала,

В каждой семье записали имена.

Рано утром в путь отправили.
Всех ассирийцев собрали на станции,
Вокруг них жестокие караулы стали
И никого близко к ним не допускали.
В три часа ночи в вагоны загнали,
Их эшелон в сторону Баку направился,
И остановился опять на станции Гянджа*.
Так же всех ассирийцев Шамхора и Ханлара собрали,
И их тоже, как всех других, в вагоны загнали,
С рассветом их эшелон тронулся в путь.
Много дней по дорогам их везли.
Ни одного слова от них не дошло,
Наконец, от Разго пришло известие.
Прошло еще около полмесяца.
Из города Куйбышева письмо пришло:
Их эшелон в сторону Сибири движется.
Еще полтора месяца прошло,
Письмо от Шиво до нас дошло:
Наш народ в районе Бакчар** поселили.
Такое несчастье пало па наши головы...
Как птицы вы от нас упорхнули:
Мы оглянулись — уже нет вас рядом!
Осталось нас несколько семей.
Никакого утешения не было нам.
Стали мы совсем потерянными.

* Гянджа — город в Азербайджане, в советское время переименован в Кировабад.

** Бакчар — район Нарымского края. В самом сердце Сибири, где

ассирийцы отбывали ссылку.
И сколько нас ломов оставалось.
Каждым лень мы думали:
Вот теперь утром наш черед придет...
Дни проходили за днями,
Никто нас не потревожил.
Вот так мы остались в наших домах.
Это дело по воле Господа произошло:
Вас увезли туда, в ту сторону,
А мы остались, чтобы поддержать вас.
Каждый день письмо от вас приносила почта.
Собирались мы вместе и читали,
А после все сидели и плакали.
Никогда не уходили вы из нашей памяти,
Каждую ночь видели вас в своих снах,
А утром просыпались — мы одни, вас нет.
Но не отчаивайтесь, братья и сестры,
Господь Бог всегда будет с вами,
А мы, сколько б ни жили, вас не забудем.
Вышли мы раз на улицу,
И видим — Фарха, наша дурочка, под деревом стоит
И плачет: все ушли, говорит, осталась я одна.
Плачет: что мне теперь делать.
Вот все ушли, а я осталась совсем одна,
Когда-нибудь меня убьют на улице.
Не плачь, Фарха, пойдём-ка к нам домой,
Мы о тебе будем заботиться, как о своих детях.
Куда бы мы ни пошли — возьмем и тебя с собой.

Да славится вечно имя Господа!
Когда нас видели в селе или городе,
Все люди застывали в изумлении:
Вот уже сколько лет ассирийцы здесь жили,
И никто от них зла не видел.
Так за что же все это с ними сотворили?!
Много лет мы здесь жили в мире,
Днями и ночами мы работали,
И прославились больше всех других народов.
Да прославится имя Господа Бога нашего,
Имя Его вечно да пребудет в наших душах,
И куда бы ни пошли мы — Его благодать
Всегда будет с нами.

Читая сейчас это бесхитрое повествование о горькой судьбе ассирийцев, трудно представить себе, какое огромное впечатление оно производило на людей в те годы, когда им казалось, что они забыты всеми на свете и пропадают в неизвестности. До них дошли слова приветия и сочувствия, которые были восприняты как живительный бальзам, как маленький лучик надежды. Это послание милосердия запало в души ассирийцев, некоторые из них знали его наизусть и пели на какую-то свою собственную мелодию. Даже сейчас, спустя более 20 лет после ссылки, можно найти ассирийцев, которые прочитают наизусть или спойт эту поэму. А когда ее пели тогда, в Сибири, голоса людей дрожали от горя и на глазах наворачивались слезы.

Сказать просто, что мы, ассирийцы, провели годы ссылки в Сибири, нельзя — это звучит очень неопределенно. Требуются кое-какие географические уточнения. Ведь что такое Сибирь? Это гигантские пространства лесов, болот, рек. Наши так называемые спецпоселения, а проще выражаясь, зоны, в которых трудовая повинность была организована в форме колхозных работ, находились в Нарыме. Нарым — обширный по территории район в нескольких сотнях километров северо-восточнее города Томска. Вот какую справку об этом крае дает Большая Советская Энциклопедия: «Нарымская ссылка, политическая ссылка в царской России, на севере Томской губернии в Нарымском крае.

..Нарымскую ссылку отбывали декабристы, участники Польского восстания 1863 — 1864 гг. Массовая высылка в Нарымский край началась после революции 1905 — 1907 гг. В Нарымском крае отбывали ссылку Куйбышев, Свердлов, Сталин и другие большевики.

После Февральской буржуазно-демократической революции Нарымская ссылка была **ликвидирована**» (выделено мной. — И. В.).

Вот впечатления о Нарымском крае известного русского писателя Глеба Успенского: «...Кругом вода. Бесконечный лес залит водой. На берегу почтовый ящик. Людей не видно — это Нарым».

Этот гиблый край гнетуще воздействовал на психику человека. Климат — разрушительный для здоровья. Бескрайняя тайга. Болота, сырость, комары, а лето — такое короткое!

Плюс к этому, добавлю я, страшные морозы зимой, доходившие до 50 градусов ниже нуля. Теперь легче представить себе, где мы, кавказцы, были обречены жить.

А распределили нас по местам спецпоселения следующим образом: большую часть ассирийцев из Азербайджана (поселки Гринфельд и Алексеевка, города Акстафа, Тауз, Евлах, Кировабад, Ханлар, Шамхор и др.) — в колхозы Бакчарского района; ассирийцев Северного Кавказа (Кубанская область, города Краснодар, Армавир) — в колхозы Верхнекетского района. Многие ассирийцы были отправлены в поселок под названием Красноармейск.

Здесь зимы были исключительно суровыми. К свирепым морозам невозможно привыкнуть, можно только как-то приспособливаться, беречься. В первую зиму люди сильно простуживались, часто болели воспалением легких. Если организм побеждал в этом противоборстве между жизнью и смертью (о медицинской помощи говорить не приходится — ее просто не было), считайте, повезло, но многие, как мои две сестры, умирали. Ко второй зиме в Сибири ассирийцы подготовились уже лучше: запаслись валенками и одеждой потеплей, но все равно мерзли, а на морозе у них деревенели щеки, особенно когда случалась метель с ветром. Глядя на ассирийцев, ежившихся от холода, старожилы этих краев с каким-то непонятым для нас удовольствием повторяли одну и ту же фразу: «Это вам не Кавказ. Здесь Нарым, Нарымский край, понятно?» Еще бы непонятно! Бывшие жители Кавказа уже хорошо это усвоили. Они, как и местные старожилы, произносили слово «Нарым» с какой-то особой интонацией, в которой бессилие и обреченность соединялись с изумлением и даже восхищением перед этим могучим краем с его первозданно дикой природой и беспощадным суровым климатом.

БЫТ ПО-СИБИРСКИ

Итак, первая же зима доказала нам, что с Сибирью надо ладить по-хорошему, приспособливаться к ней, приноравливаться. В конце концов, это был вопрос жизни и смерти для каждого новопоселенца. В жестоких природных условиях Нарыма важнейшим элементом человеческого существования было жилище. С его строительства и началась борьба ссыльных ассирийцев за выживание. Строительного материала было в избытке, ведь нас на сотни километров окружали леса — хоть город строй. Дом здесь сибиряки называли словом «изба», «хата», а чаще — «сруб». И говорили так: такой-то «срубил хату» или «надо срубить

новую избу», потому что основным и универсальным инструментом был топор, которым «рубил», отсюда и название деревянного дома — «сруб».

Лес или строительный материал нам давали не бесплатно. Его надо было выписать в правлении колхоза по определенной цене за один кубический метр древесины, и эти деньги потом удерживали из заработка ссыльного. В справке-разрешении указывалось, на какой делянке (т.е. участке) можно рубить лес для строительства. Люди с топором и пилами входили в тайгу, выбирали стройные лиственницы, высоченные, с гладкими стволами, валили их на землю с помощью пил и тут же обрабатывали: обрубали сучья и ветви и «шкурили» ствол, т.е. снимали кору. Готовые бревна с помощью лошадей волоком отвозили к месту строительства. Ассирийцы быстро переняли у местных жителей искусство возведения срубов. Если в семье было несколько взрослых мужчин, то дом строился быстро, вырастал на глазах. Заготовка строевого леса занимала иногда больше времени, чем само строительство. Да, все своими руками делали ассирийцы в этом крае лесов и болот.

Только вот знаменитую русскую печь — самую главную деталь любого северного дома, которая занимала почти треть площади общей комнаты, сами сложить не умели, для этого звали местных. Но и среди местных жителей найти настоящего печника, мастера своего дела, было не так-то просто. А без печки дом еще не дом. Человеческое жилище считалось устроенным, когда первые струйки дыма, пройдя через дымоход печи наружу, появлялись над крышей дома.

У нашей семьи на второй год ссылки тоже была своя «изба». Она была устроена, подобно большинству домов в этих краях, довольно примитивно: с улицы человек попадал сначала в маленькое темное помещение, сени, а оттуда дверь вела в большую общую комнату, где жили все члены семьи — вместе ели и спали. Вот и все.

В сенях без окошка, где летом было прохладно, а зимой морозно, стояли ведра с питьевой водой. Сибирская вода хороша на вкус, она хороша также для стирки, женщины говорили, что вода — «мягкая». Ее брали в глубоких колодцах. Зимой внутренние деревянные стенки этих колодцев обрастали ледяным панцирем, слой льда становился толще и толще, и когда четырехугольный огромный зев шахты превращался в узенькое горлышко, сквозь которое уже не могло проскочить и ведро, тогда люди вооружались длинными баграми и сбивали, скалывали лед, освобождая доступ к воде. Мы могли более или менее точно определить температуру воздуха на улице по тому, насколько замерзала вода в ведрах, которые стояли в сенях. Если сверху образовывалась только ледяная корка, которую нетрудно было сломать и пробить кружкой, значит, на дворе не больше 25 градусов мороза. Если вода в ведре сверху донизу становилась сплошной глыбой льда (которая нередко разрывала само металлическое ведро там, где проходил соединительный шов) — на улице 40 градусов, а может, и холоднее. При такой низкой температуре как бы ни торопился входящий человек захлопнуть за собой дверь, из сеней в жилую комнату все равно успевали ворваться клубы белого морозного пара — и тогда на короткое время комната погружалась в

белый дым. В эти моменты сибирская зима обдавала нас своим дыханием, мы зябли, поеживались от холода, кутались во все тряпки, какие находили.

Во время таких холодов из домашних животных, которые у нас уже были, только корова могла выжить и не сдохнуть в неутепленном сарае. Тому, кто не был сам в сибирской ссылке, трудно поверить или хотя бы представить себе то, что с нами в одной комнате переживали зиму вся наша домашняя птица и скотина. Семья состояла из одиннадцати человек: семеро детей, отец с матерью, бабушка и дочка моей старшей сестры, т.е. моя племянница. Мы все жили в одной комнате, спали на «лежанках» («лежанками» в Сибири называли деревянные, грубо сколоченные из досок тахты), а под этими «лежанками», огороженные, зимовали куры и два или три поросенка. А однажды, когда наша корова с ласковым именем Люба поздней ночью отелилась и ударили ранние крепкие морозы, ее новорожденного теленочка пришлось взять в жилую комнату и около месяца подержать в тепле, а потом, когда он окреп и уже мог выдержать холод сарая, его отпустили к матери. Конечно, от такого соседства со скотиной комната была полна вонью, но что было делать? Мы спасали животных, а они спасали нас от голода, давая нам яйца, молоко, мясо. Такое сосуществование скотины и человека под одной крышей зимой было одним из условий выживания в Сибири.

Весь первый год ссылки ассирийцы получали продукты питания в счет аванса, отпускаемого колхозом. Своего не имели ничего. К концу первого года ссылки и после тяжелого труда, когда колхоз произвел расчет и выдал за каждый заработанный «трудодень» (условная мера труда) по 1,5 килограмма пшеницы и 50 копеек, многие ассирийцы, особенно многодетные семьи с одним кормильцем, остались безнадежными должниками колхозу. Колхоз был очень бедным и мало давал за заработанный трудодень. Иногда получали также горох; его размалывали на мельнице и добавляли в муку, чтобы выходило больше хлеба. Хлеб пекли сами. Была в нашей деревне мельница, там все мололи пшеничное и гороховое зерно, рожь и овес. Хлебные булки выпекали в русской печи, от которой шел прекрасный запах хлеба. Для нас не было лучшего лакомства, чем горбушка свежеевыпеченного хлеба: мы ее натирали долькой чеснока и посыпали солью, а поджаренный капустный лист хрустел на зубах, и, честное слово, это было очень вкусно!

Но в первые годы ссылки хлеба не хватало. От голода нас спасала картошка. Ее было предостаточно. Уже на втором году ссылки каждая ассирийская семья сажала картофель на площади от 20 до 30 соток и даже больше, так что потом у нас было настоящее картофельное изобилие. Мы даже продавали картошку в последние годы ссылки водителям, шоферам грузовых автомобилей, которые проезжали мимо нашего села в сторону Томска. Картофель покупали ведрами, а не килограммами, и по удивительно дешевой цене. Сейчас на базаре 1 килограмм картошки стоит больше, чем 10 кг в Сибири в то время.

Нередко случалось так, что в доме у нас не оставалось ни крошки хлеба. Тогда отец, долго не решаясь, медля, откладывая, все же, понукаемый сердитыми выговорами мамы и видом голодных детей, брал наконец

мешок и в очередной раз, с тяжелым сердцем отправлялся в колхоз просить муку в долг (а расплачиваться — как? чем?). Иногда давали полмешка муки. Но однажды колхоз сам, как говорится, «сел на мель», т.е. никаких запасов не осталось. Колхозный бухгалтер, ссыльный еврей Иосиф Каплан, от которого зависела выдача муки в долг, был очень дружелюбно настроен к ассирийцам. И вот Каплан развел руками и сказал моему отцу: «Нет ни одного килограмма! Все съели. Помочь не могу». Отец молча повернулся, готовый уйти. «Постой, Лазарь! — крикнул ему вслед Каплан. — Если хочешь, бери веник и иди в амбары, если там из углов сможешь намести оставшуюся муку — бери себе, в бумаги записывать не буду. Иди, я разрешаю». И отец пошел «подметать» себе на хлеб. Ему повезло. Из щелей и углов амбаров он с помощью веника наскреб несколько килограммов муки. Возвращался он домой и ощущал приятную тяжесть мешка. Есть хлеб! Пришел и рассказал нам, довольный и улыбающийся, как замечательно повезло ему с мукой и какой хороший, добрый парень этот Иосиф Каплан.

Хотя старожилы и говорили, что мы приехали «на все готовенькое», «как на курорт», Сибирь и в наше время оставалась достаточно диким, неразвитым краем. От нас до ближайшей железной дороги было не меньше 500 километров. Асфальтированных дорог, конечно, не было и в помине. Деревянные тротуары на главной улице районного центра Бакчар воспринимались здесь как чудо цивилизации.

Когда нас привезли в сибирскую ссылку, никакого электрического света еще не было в этих краях. Мы три года жили при свете керосиновых ламп. На четвертом году ссылки на местной речке построили плотину и установили генератор, так что маленькая гидростанция стала снабжать электроэнергией нашу деревню. Эта электроэнергия ценилась как золото, ее строго экономили. Электрический свет давали в наши дома только с наступлением темноты, и лампочки горели до одиннадцати часов. За несколько минут до этого времени лампочки три раза мигали — это с электростанции дежурный монтер подавал сигнал, что сейчас выключат общий рубильник и подача электричества будет прекращена. После этого жизнь в деревне замирала до рассвета следующего дня.

Одновременно с электричеством в нашей деревне провели радиотрансляционную сеть. Помню, что однажды в нашей комнате повесили какую-то черную тарелку, из нее вдруг раздался треск, какие-то звуки, напоминающие кашель, и потом она заговорила человеческим голосом. Конечно, мы все были в неописуемом восторге. Так радио вошло в нашу жизнь.

Была в нашей деревне Поротниково и своя «культурная» жизнь. Примерно раз в месяц по селу мгновенно проносилась волнующая весть: кино привезли! После работы, отметившись в комендатуре, отмывшись от грязи и поев, народ шел в клуб, покупал билеты по 50 копеек штука (в переводе на «новые» деньги, после денежной реформы Хрущева, это 5 копеек, однако сейчас билет в кино стоит 50 и даже 70 рублей) и рассаживался на скамьях в ожидании чудесного зрелища. В ту пору, когда электричества еще не было, кино «крутили» с помощью компактного генератора электрического тока; его перевозили из колхоза в колхоз на один только вечер, и поэтому он назывался словом

«кинопередвижка». «Кинопередвижка» устанавливалась на улице у стены клуба, и во время работы мотор генератора грохотал, как дизельный трактор, однако это не мешало зрителям получать удовольствие от чуда, называемого «кино». Фильмы были все больше на военно-патриотическую тему или по пьесам русского писателя Островского. С той далекой поры помню названия фильмов «Два бойца», «Она защищает Родину», «На каждого мудреца довольно простоты». А фильм «Волки и овцы» по пьесе Островского запомнился благодаря недоразумению. По названию фильма ассирийцы подумали, что будут показывать зверей, охотников, животных — тема близкая и понятная бывшим горцам-скотоводам. Но ни волк, ни овца ни разу не показались на экране, весь фильм состоял из малопонятных для публики разговоров каких-то важных господ с бакенбардами с какими-то старомодно одетыми дамами. Все зрители были крайне разочарованы. Но однажды привезли фильм, который произвел на всех колоссальное, неизгладимое впечатление, — «Приключения Тарзана». Вот это был фильм! Все остальное, что мы видели раньше, померкло перед ним. Впоследствии реакция зрителей-ассирийцев была весьма своеобразной: под сильнейшим впечатлением от увиденного в этом фильме один ассириец назвал своего новорожденного сына Тарзаном, другой назвал свою только что родившуюся дочь Ритой (так в фильме звали возлюбленную Тарзана), а один даже умудрился назвать свою дочку Читой — по имени обаятельной шимпанзе, которая «играла» в знаменитом фильме. Сейчас эти дети, получившие свои странные имена благодаря кинострастям малограмотных родителей, выросли и стали умными образованными людьми и сами имеют детей.

Жизнь не может состоять из одного только уныния, горя и тоски, даже если она проходит в Нарыме — сердце сибирской ссылки. Вспоминая наши годы в Сибири, я хочу сказать, что, несмотря на все жестокости жизни, невзгоды, противоестественные ограничения, мои соплеменники оставались людьми, сохраняли благородство души, добросердечность. Мы были уже несколько лет в ссылке, безвинно осужденные, оклеветанные, подневольные, нас сгибали в «бараний рог» комендантский режим, сибирский климат и каторжный колхозный труд; казалось, всякие связи с прошлым разрушены, все надежды убиты, осталась лишь память, да и та все слабее и безразличнее... Но нет, люди жили и во что-то верили, несмотря ни на что, и даже были у нас свои маленькие радости. Когда, будучи уже взрослым человеком, я увидел картину русского художника Ярошенко «Всюду жизнь», я как замороженный смотрел на нее: меня поразило не содержание картины, но философский смысл ее названия. Если человек не страдал в жизни, то это название ему ничего не говорит. Во мне же эта картина Ярошенко мгновенно разбудила воспоминания о сибирской ссылке. Да, была там жизнь, была...

Ассирийцы не изменили своим национальным и религиозным традициям в годы ссылки. В этом смысле можно сказать, что Иисус Христос не оставил их и в Сибири. Каждое Рождество и каждая Пасха, Воскресение Христа, праздновались ассирийцами с большим воодушевлением. В день праздника Рождества, как это принято среди нашего народа, группа наиболее уважаемых людей во главе со стариками обходила ассирийские дома, не пропуская ни один. Входя, говорили хозяевам так:

«С праздником вас! С Рождеством Христовым!» После этих традиционных слов гости присаживались за празднично приготовленный стол, но лишь на несколько минут, чтобы, согласно обычаю, немного поесть, выпить и перейти к следующему дому. Потом, посетив таким образом все ассирийские дома (на это уходил весь день), собирались на праздничный ужин у кого-нибудь в наиболее просторной избе. Во время ужина наши родители пели псалмы, посвященные истории рождения Иисуса Христа. Псалмы начинались сценой явления архангела Гавриила Деве Марии и были очень длинными, но слушать их было приятно, как всякую интересную сказку.

В Сибири я знал одну молитву и твердил ее наизусть всякий раз на ночь перед тем, как уснуть. Меня научили этой молитве отец и мать. Я плохо понимал ее содержание, маленький был еще, но мне сказали, что она нужна обязательно, как защита от всего дурного, что может случиться в жизни, и я поверил в это.

Много лет спустя я учился в московском техникуме, потом служил в армии и с годами почти забыл слова этой молитвы. Я много ездил по нашей стране и однажды, приехав в отпуск к родителям в Грузию, спросил у своего отца, какой же именно молитве он меня научил в Сибири. Мне так хотелось вспомнить ее, снова услышать слова этой молитвы и понять смысл, в них содержащийся.

Мой отец раскрыл Евангелие от Матфея — а он никогда не расставался со Священным Писанием на ассирийском языке, и в главе 6 показал следующий текст: (...)

Я смотрел на эти древние буквы. К этому времени я уже научился самостоятельно читать и писать по-ассирийски. С первых слов я понял, что это не что иное, как известная молитва «Отче наш». Значит, в Сибири все годы я читал на ночь эту великую молитву, обращенную к Богу Отцу. Мои родители, малограмотные люди, не могли ни тогда, ни сейчас объяснить ее смысл. Но все равно я им благодарен, благодарен за то, что хотя бы таким образом они старались меня оберегать. Я не очень религиозный человек, но почему-то мне было приятно сознавать, что в те далекие годы, я, маленький мальчик, неизвестно за что сосланный в Сибирь, произносил каждый день эту молитву. Сейчас я видел в этом правоту известных евангельских слов: «Дух живет, где хочет».

Да, всюду жизнь с ее естественными проявлениями. В истории ассирийской ссылки есть даже яркая спортивная страница. Поселение ассирийцев в Нарымском крае положило начало развитию и быстрой популяризации футбола. Футбольные матчи были любимым спортивным зрелищем для сибиряков. Наша ассирийская молодежь составила свою футбольную команду, которая в скором времени стала самой сильной в районе. Смуглые ассирийские футболисты играли с невиданным в этих краях темпераментом, уже одна их внешность производила на болельщиков и зрителей сильное впечатление. В глазах сибиряков наши футболисты были такими же виртуозами кожаного мяча, какими сейчас являются бразильцы. Да взять хотя бы необычные для России имена ассирийских футболистов, как они звучали! — Азду, Бузо, Даниэл,

Гурген, Андрос, Матте и др. На очередной матч наших футболистов везли из режимного, с комендантским порядком колхоза в районный центр на телегах, а мы, босоногие болельщики, бежали следом за ними, поднимая клубы пыли на проселочной дороге. У меня сохранилась уникальная фотография — ассирийская футбольная команда в Сибири в ее полном составе. Снимок сделан в 1955 году, в тот день, когда наши национальные «звезды» выиграли со счетом 3:1 у сборной футбольной команды Бакчарского района. Это был настоящий триумф.

Уже на втором году нашей ссылки между нами и местным населением установились добрые отношения. Теперь никто из местных нас не опасался и не подозревал в плохом, и хотя нас по-прежнему считали «турками», но перестали обзывать «черномазыми». Совместная работа на полях и на колхозных фермах сблизила людей. Сибиряков удивлял и вместе с тем восхищал наш дружный, сплоченный народ. Они бывали у нас на свадьбах, на которых собиралось две сотни, а то и больше гостей, им нравилось, как все замолкали, когда поднимался старший, чтобы произнести тост. Им нравился порядок и взаимоуважение на свадьбах, нравилось и то, что, сколько бы гости ни пили, никогда не было ни пьяных, ни пьяных драк.

К тому же сибирякам явно импонировали жизнерадостность ассирийцев, их природная общительность, горячий темперамент и любовь к труду. Вскоре никакого искусственного разделения между людьми разных национальностей не осталось, все границы были уничтожены обоюдной симпатией. Сибирские девушки охотно дружили с нашими ассирийскими парнями. По воскресным вечерам молодежь собиралась в большом бревенчатом помещении, именуемом «клуб», там танцевали, пели песни и частушки под гармошку, знаменитую русскую гармонь.

В то время очень популярной была одна шуточная песенка, которую ассирийские остряки сочинили в ответ на бюрократию нашей администрации, всеильной в этих краях. Песенка эта, может быть, и не очень складная, ибо сочиняли ее «коллективно» и на русском языке, но все же идея выражена ясно, и есть в ней острота, «перчик». А главное, она отражает какую-то частицу нашей сибирской жизни, поэтому стоит привести здесь слова этой песенки.

КАК ЗА ДАНИЛУ Я ЗАМУЖ ВЫХОДИЛА

Мой Данила служил в одном тресте,

В сторожах — на ответственном месте!

Мы с Данилой друг друга любили,

О супружестве Бога молили.

Наконец Бог услышал моления, —

Мне Данила сделал предложение.

В загс пошла с женихом я под руку,

Повстречала нас там волокита:
«Если вправду хотите вы жениться.
Многих справок вам надо добиться:
Где жила, где была, где училась,
С какой целью на свет ты родилась?»
Но и этого было еще мало,
Мне сказали, чтоб я метрики достала.
Я быстро побежала к счетоводу,
А счетовод отсылает к деловоду.
У деловода был скверный характер:
Он кричит: «Пусть подпишет бухгалтер!»
А бухгалтером была баба злая.
Мне сказала: «Я сегодня — выходная!»
Аж мурашки побежали по телу,
Я срочно помчалась к управделу.
Он примял меня очень приятно.
Отослал к счетоводу обратно.
А пока счетовод канителил,
У Данилушки кудри поредели.
Наконец отыскали мой номер.
Но жених уж от старости... помер.

Надо сказать, что материал для подобных частушек давала сама жизнь. Данил — имя реального ссыльного ассирийца. В ссылке возникло несколько смешанных браков между ассирийцами и русскими. Однако женитьба в Нарымском крае с его комендантским режимом была делом далеко не простым. Очень сложно было зарегистрировать факт появления новой семьи.

А разве можно забыть те летние сибирские вечера, когда последние лучи солнца гасли на горизонте и ссыльные возвращались с полевых работ! Ехали на телегах, запряженных лошадьми, — целый караван гужевого транспорта; лежали или сидели на сене и, как обычно в полный голос, от души пели женщины: русские, казачки, ассирийки, все вместе — сибирячки поневоле. Удивительно, как только им хватало

энергии, желания, энтузиазма, чтобы после тяжелого рабочего дня еще и песни распевать всю дорогу. Наверное, душа этого хотела. Пели о ямщике, который замерзал в степи, о бродяге, который с сумой на плече брел и проклинал свою судьбу, о «золотых горах», которые обещал девушке коварный соблазнитель, о смерти невесты в самый день ее свадьбы, смерти, которую предсказала цыганка, и другие, за душу хватающие песни.

Русские и ассирийские голоса сливались в этих жалостливых песнях, таких задушевных, что у самих поющих женщин выступали порой слезы на глазах. Да, я помню это, мне было уже двенадцать лет, и меня мать и сестры брали с собой на полевые работы. Я помогал им собирать в копны скошенное и просохшее сено или раскладывать леи рядами для просушки под солнцем. Поздно вечером возвращались в деревню. Взрослые спешили сначала в комендатуру — отметить в списках, показать, что они здесь, никуда не убежали. Потом уже шли домой.

Наша одежда, так же как и пища, была такой, что проще некуда. Летом мы, дети, ходили босыми, нас называли «босоногой командой». Зимой все носили валенки. У некоторых моих сверстников и ассирийских мужчин старшего поколения была самодельная обувь из сыромятной кожи, которая на нашем языке называется «чарухи». Они по форме похожи на лыковые лапти русских, да это и есть лапти, по сути. Их удобно было носить в горах Турции. Туфли или ботинки фабричного изготовления у нас, конечно, отсутствовали. Это обстоятельство иногда доставляло нам, детям, немалые огорчения. Однажды, помню, старший брат пришел из школы со слезами и заявил родителям: «Не пойду я больше в этих лаптях в школу, там дети смеются надо мной, дразнят!» Отца эти слезы огорчили, он взял разрешение в комендатуре, поехал в районный центр Бакчар и там купил для нас настоящие ботинки, над которыми уже никто не мог посмеяться. Но некоторые ассирийцы даже в 1956 году все еще носили на ногах «чарухи».

Когда я вспоминаю, какой убогой, невзрачной была жизнь ассирийских детей, как, впрочем, жизнь всех детей вообще в условиях ссылки, беспредельная тоска овладевает мной, хотя прошло уже много лет с того злосчастного времени. Если полуобгорелая полусырая картофелинка, вынимаемая из печи, была для нас лакомством, а приезд грохочущей мотором «кинопередвижки» — праздником искусства, то можно ли представить себе более бедную, примитивную, безотрадную жизнь, чем наша в те годы?

ВСПОМИНАЕТ БОЛЬШЕВИК СМЕРНОВ

Все, как известно, познается в сравнении. Не только интересно, но и поучительно сравнить положение ссыльных в Сибири до 1917 года и потом.

Данные для сравнения имеются.

После 1917 года новая власть начала издавать так называемый «Историко-революционный вестник», т.е. журнал под названием «Каторга и ссылка». Выходил он один раз в месяц и просуществовал,

кажется, до начала Великой Отечественной войны. Это издание было печатным органом, трибуной тех большевиков, которым при царском режиме пришлось посидеть либо в тюрьме, либо в ссылке за свои действия, направленные на свержение государственного строя и захват власти. После 1917 года эти люди были на особом учете у государства: в порядке компенсации за перенесенные страдания им создали очень хорошие условия жизни, обеспечили квартирами и отличным питанием, к их услугам были лучшие санатории, были у них и всякие другие льготы. Однако выпуск специального журнала, предназначенного именно для воспоминаний бывших каторжников о перенесенных тяготах и невзгодах, говорит о том, что эти люди вовсе не собирались забывать о своих обидах и страданиях в прошлом. Напротив, они хранили в памяти даже самые незначительные мелочи, так что в иных мемуарах вполне серьезно перечислялось, например, сколько копеек недодал им пропойца-урядник из той суммы денег, которая причиталась им за непользование пайковым табаком (царская власть, оказывается, обязана была снабжать бесплатно своих ниспровергателей табаком, а некурящие господа получали имеет табака денежную компенсацию). При всем при этом ссыльным не вменялась обязанность трудиться.

Итак, один из таких большевиков, а именно Смирнов И.Н., до 1917 года отбывал ссылку в Сибири, причем именно в Нарымской области, как раз там, где спустя сорок лет оказались мы, ассирийцы. Воспоминания Смирнова под названием «Нарымская ссылка накануне революции» печатались в двух номерах журнала «Каторга и ссылка» — в № 34 и № 35 за 1927 год.

В начале воспоминаний Смирнов описывает этот край так: «...Угрюмая тайга кругом; низкое, серое, всегда облачное небо; болота, озера, реки... местность низменная и сырая».

Профессиональный революционер не скрывает, что его и других борцов за «народное счастье», сосланных в Западную Сибирь, ужасали суровейшие природные условия Нарыма. А ведь эти люди, казалось, были готовы к любым испытаниям. Однако действительность, с которой они столкнулись здесь, оказалась и для них физической и психической пыткой. Выдержать ее могли далеко не все.

Зато, пишет Смирнов, из Нарыма «было просто бежать»: летом — пароходом, зимой — на лошадях, «а то и пешком» — 400 верст до железной дороги. Побег предпринимались то и дело, и, как утверждает Смирнов, «в большинстве случаев они удавались». В самом деле, побег в те времена был, наверное, делом немудреным, учитывая то обстоятельство, что, по словам Смирнова, «один пристав и один исправник — вот и все начальство на весь Нарымский край».

Между соседними селениями было не меньше 30 — 40 верст. Обитало здесь в основном «старое туземное население» — остяки и самоеды.

Первая массовая ссылка в Нарымский край, пишет Смирнов, произошла в 1906 году, вторая ссылка — в 1912 году, третья и последняя — в 1915 году. О ссыльных автор мемуаров говорит таинственно и многозначительно: «...За многими из них числились большие дела,

угрожавшие каторгой и веревкой».

«У ссылки наилучшим образом была поставлена связь с внешним миром», — свидетельствует далее Смирнов. Ссылные жили настолько бесконтрольно, что могли разъезжать с докладами на политические темы всюду, где только они желали. Так, пишет мемуарист, один из них, некто Залетский, «объездил с этой целью весь край». Другой политический ссылный, по фамилии Розенберг, несколько раз приезжал в Нарым с докладами из села, где обязан был жить, с такой простотой, с такой легкостью, будто дело происходило в университетском городке, а не в сибирской ссылке.

Автор мемуаров отмечает, что в 1907 — 1910 годах, когда «массовая ссылка» достигла своего максимума, в Нарымском крае было не более 4 тысяч ссылных.

Поскольку сам автор — большевик, то прежде всего его интересуют именно политические. Их было 186 человек — за период с 1906 по 1916 год, указывает Смирнов. Из них 72% ссылных были холостяками — они были избавлены от самых тяжелых страданий — страданий при виде мучающихся вместе с ними детей и жен.

Все нижеследующее будет теперь относиться к 186 политическим ссылным. Автор мемуаров провел во время ссылки обширное анкетирование, в чем он, кстати сказать, также не встретил каких-либо помех внешнего, административного характера.

На вопрос анкеты Смирнова: «За что высланы?» — все без исключения указали:

а) принадлежность к подпольным антиправительственным организациям;

б) боевые действия против государственной власти;

в) нелегальные собрания, агитация, стачки. Большинство опрошенных были сосланы в Нарым на «средний», т.е. трехлетний, срок ссылки. Минимальный срок ссылки в эти края, сообщается в очерке, был один год, а максимальный срок ссылки — пять лет.

Смирнов скрупулезно подсчитывает, и у него на 186 разрушителей государственного строя в сумме получается: 220 лет ссылки, 199 лет тюрьмы и плюс 43 года перевозок по этапам. Итого, 462 года несвободы на 186 человек или в среднем по 2,5 года заключения на каждого — «лучшей поры нашей жизни, отнятой у нас существовавшим режимом», — подчеркивает старый большевик.

Автор воспоминаний рассказывает и о некоторых бытовых сторонах жизни ссылных. От них, например, не требовали трудиться. Дело это было сугубо личное, добровольное. Тем не менее, государство, против которого они боролись, обеспечивало их — я цитирую — «одежными и кормовыми пособиями».

Кормового пособия ссылные получали по 7 руб. 20 коп. в месяц. На

одежду каждому ссыльному государство выдавало персонально на руки 20 руб. в год.

Чтобы получить представление о том, много это или мало, достаточно или недостаточно для одного человека, давайте ознакомимся с тогдашними ценами на основные продукты питания в Нарымском крае, которые Смирнов приводит в своих воспоминаниях:

Хлеб (1 фунт) 5 коп.

Мясо (1 фунт) 7—8 коп.

Сахар (1 фунт) 20 коп.

Рис (1 фунт) 8 коп.

Соль (1 фунт) 2 коп.

Картофель (1 ведро) 10 коп.

Кроме этого у ссыльных, вспоминает Смирнов, всегда имелась возможность подработать. Этот вид дохода автор называет «случайным заработком». Он пишет: «Случайные заработки в ссылке в некоторых случаях были сравнительно высокими, что объясняется исключительно хорошим урожаем кедровых орешков, сбором которых занимались ссыльные». Некоторые ссыльные получали «со стороны», как выражается мемуарист, «крупные суммы денег». Другие — и таких было около 50% ссыльных — имели материальную помощь, «посылаемую родными и товарищами». В статье личных доходов, указываемых самими ссыльными, «совершенно не учтены, — пишет Смирнов, — посылки, каковые, несомненно, получались. В посылках присылали белье, одежду и даже обувь, а иногда и некоторые продукты питания».

Так называемый «случайный заработок», а также «помощь со стороны» администрацией не учитывались, все это беспрепятственно доходило до ссыльных и на размер государственного пособия никак не влияло.

Важно отметить, что, как пишет Смирнов, за все эти годы никто из противников существующего строя «не умер от голода и холода».

Более того, они активно занимались любимой политической деятельностью. Тому пример — майская демонстрация 1907 года в Нарыме, о которой рассказывает уже не Смирнов, а другой бывший ссыльный: «В час дня раздался залп из сорока охотничьих ружей и револьверов. Затем сто тридцать человек прошли по улицам поселка. Над колонной развевалось восемь красных флагов. Звучали революционные песни, пламенные речи о всемирном празднике рабочего труда. А вечером ссыльные поставили в общественной столовой спектакль, который посмотрели более двухсот человек. Сообщая своему начальству о демонстрации, полицейский унтер-офицер с тревогой писал, что речи слушали и местные жители».

Заканчивает сосланный в Нарым профессиональный большевик-

подпольщик Смирнов следующими словами:

«Тяжесть этой обстановки не могла не сказаться на внутренней жизни политических ссыльных: большинство их составляли люди с расшатанными нервами (!!).

Ссылка — тяжелая школа, многие отсюда ушли разбитыми, остановившимися и мертвыми для общественного дела».

А теперь, читатель, сам делай вывод об условиях содержания ссыльных на сибирской каторге до 1917 года и в советское время.

ПРОЦЕСС «ПЕРЕВОСПИТАНИЯ»

Ну а мы, ассирийцы, совершенно безвинные, без суда и следствия сосланные в этот же знаменитый Нарым в сорок девятом году, должны были пройти здесь через тяжкий процесс «перевоспитания».

Важными элементами этого процесса были обязательный труд, налоги и даже... песня и плакат. Я постараюсь рассказать по порядку.

Труд

Я уже говорил выше, что трудом, обязательным и «очищающим», люди были заняты в зоне спецпоселения от зари до зари. Ассирийцы в Сибири не бунтовали. Они работали столько, сколько от них требовалось. Заработная плата в денежном выражении была мизерной. За выполняемые работы человеку начисляли так называемые «трудодни» (сокращение от «трудовой день»). А за эти «трудодни» можно было получить от колхоза продовольственные продукты. Наверное, не очень щедро отпускали этих продуктов за один «трудодень», потому что, сколько я помню, отец постоянно брал «аванс» у колхоза, т.е. в долг, а ведь работали и он, и мать, и взрослые сестры Мария и Аня. На иждивении были мы, еще школьники: сеетра Соня, брат Адам и я. Марта и Эльза умерли весной и летом 1950 года. Тем не менее, еды постоянно не хватало.

Да, ассирийцы были безропотными. Но жили здесь люди, удивительные люди, которых называли «кержаки», т.е. староверы. Они категорически отказывались работать на «безбожное», как они говорили, государство и проявляли при этом беспримерную стойкость. Их принудительно приводили на стройку, давали в руки конец бревна — они разводили руки, и бревно падало. Их наказывали, держали взаперти в специальном помещении (не уверен, правильно ли будет назвать его «карцером») при комендатуре по несколько недель, уменьшали паек питания — кержаки не смирялись. Они добывали хлеб свой насущный тоже трудом, но иначе: либо свободным промыслом (охота, ловля рыбы и заготовка всяких ягод, грибов), либо работой на отдельных людей, по договору — кому огород вскопают, кому строительный лес заготовят и т.д. Такой вид труда, согласно их принципам, был достоин уважения.

Когда ассирийцев доставили в Сибирь, там комбайнов еще и в помине не было, как, впрочем, и тракторов. Крестьянский труд здесь сохранял свои примитивные, можно сказать, первобытные формы. Землю вспахивали

ручными плугами, а тягловой силой служили быки и лошади. Первый комбайн в нашей зоне появился только через несколько лет нашего пребывания в ссылке, а до этого жатву, уборку зерновых делали серпами, пшеницу связывали в снопы, т.е. как это испокон веков делалось на Руси. Первый грузовой автомобиль, не то «ГАЗ-51», не то «ГАЗ-61», не помню точно, поступил в распоряжение колхоза в 1955 году, и это было великим событием для нашей деревни Поротниково.

Все работы в зоне спецпоселения были одинаково нелегкими, но самым тяжелым видом трудовой повинности была корчевка леса, отвоевывание у тайги дополнительных участков для посевов. Корчевка, естественно, вся производилась вручную. Сначала вырубали участок леса, расчищали его. Потом начинались тяжелые трудоемкие землеройные работы. Надо было подкапываться под толстые вековые корни срубленных деревьев-великанов, подрубать корни, затем веревками обвязывать громадные пни и, впрягаясь по пять и больше человек, выволакивать эти пни в сторону, раскалывать их и рубить на части, чтобы сжечь; а после всего — разровнять место выемки пня, которое представляло собою рваную, неправильной формы огромную воронку, подобную той, что остается от разрыва авиационной бомбы. Теперь очередной участок, отнятый у тайги, годился для посева. Таким образом, сегодня многие зерновые и картофельные поля Нарымской области Сибири — это своеобразные «памятники», созданные руками ссыльных ассирийцев...

О другом виде труда — лесозаготовках — надо сказать особо. Примерно в 150 — 200 км от районного центра Бакчар, у большой полноводной реки размещался леспромхоз, где велись все работы по заготовке древесины. Работы эти были не только тяжелыми, но и опасными для жизни и здоровья. Каждая ассирийская семья обязана была дать хотя бы одного работника на сезон работ в леспромхозе. А лесозаготовки, или, как это здесь называлось, «валка леса», начинались зимой, когда по скованной морозом земле можно было передвигаться (летом она превращалась в сплошные болота), и тогда лес везли к берегам замерзших рек и укладывали там в штабеля. Летом, когда реки становились судоходными, бревна сплавляли по воде.

Лесозаготовщики, как мужчины, так и женщины, собирались на валку леса, как на фронт. Они уходили на всю зиму. Накануне отправки устраивали проводы или «вечеринку» — так это здесь называлось. Пили, пели, шутили и смеялись... а утром провожали, погрузив, утирая слезы. Вальщики леса брали с собой провизию, чтобы хватило на первый месяц, а потом по санному пути к ним регулярно возили продукты от родственников. Одного мешка молока достаточно было человеку на две недели. Я не оговорился, сказав «мешок молока», но это нуждается в пояснении. Да, в Сибири молоко отправляли в мешках. Делалось это так: молоко сначала кипятили, потом разливали по алюминиевым мискам емкостью в 1 литр каждая, миски выставляли в сени на мороз. Когда молоко превращалось в лед, миски вносились обратно в жилую комнату, их днища чуть-чуть прогревали над печкой, и тогда сформованное молоко легко выскользывало из посуды. В таком сформованном виде молоко клали в обыкновенные мешки и опять выставляли на мороз — теперь его можно было транспортировать и хранить хоть всю зиму. А вальщик леса (так называли лесоруба) варил

картошку, размораживал порцию молока, добавлял его в картофельное пюре — получалась «толченка», наиболее часто употребляемая пища в Сибири.

В то время на лесозаготовках, или, как говорили, на «лесоповале», не было еще механических пил или другой техники, а работали топорами и обыкновенными двуручными пилами. Дневная рабочая норма на одного человека была шесть кубометров чистой древесины. При этом надо было успеть собрать и сжечь все ветви и прочие отходы, иначе норма не засчитывалась. С большим напряжением сил норму можно было выполнить, если попадалась хорошая делянка. Хорошая делянка — та, где деревья-великаны, далеко отстоящие друг от друга, и мало «мелкача» — небольших деревцев и кустарников, мешающих быстрой обработке древесины. Если же попадалась плохая делянка, то норма оставалась невыполненной. А что грозило за невыполнение нормы? Резкое снижение заработка. «Больше проел, чем заработал...» — говорил обычно вальщик леса. И еще, конечно, окрики надзирателей, недовольство начальников, которые здесь отнюдь не дремали.

Вальщики обычно работали, разбившись на пары. Они валили пихту, кедр (кедр), лиственницу, сосну, реже — березу. Работали с риском для жизни. В сибирской тайге снег — по пояс. Людям противостояли вековые деревья высотой до сорока метров и больше, и с каждым из них предстояла отдельная схватка. Сначала подходили к дереву, внимательно его изучали, как коварного врага. Это дерево прямое, стрелой уходит в небо; с ним все ясно — как его подрубить, пилить, в какую сторону валить. А вот другое дерево (и таких было большинство) — непонятно, как оно себя «поведет»: «хлыст» (нижняя часть ствола) наклонен в одну сторону, а средняя часть и вершина — в другую. Как предугадать траекторию его падения?

Как это требовалось по технике безопасности, один вальщик протапывал в снегу от ствола в свою сторону тропинку примерно десятиметровой длины, и напарник его делает то же самое на своей стороне — это для отступления и маневра в момент падения дерева. Вот сделан подруб топором на стволе дерева, вот пила вгрызается в его тело. Долго, с перекурами, пилят двое вальщиков туловище сибирского великана в два, а то и три обхвата толщиной. В образовавшуюся прорезь вбиты клинья, чтобы дать пиле свободный ход. Вот уже дерево начинает мелко-мелко подрагивать... Пилу вытаскивают. Вальщики длинными баграми упираются в ствол гиганта и начинают толкать. Нервы напряжены. Страшновато, когда гигантское дерево начинало крениться, а затем, сокрушая по пути другие молодые деревца, стремительно несло вниз, и его падение сопровождалось ужасным, все заглушающим треском. Падающее дерево — как смертоносный снаряд, причем никогда точно не известно, куда он упадет. А когда, не дай Бог, комель (конец ствола) начинал вертеться, тут уж вальщику приходилось лавировать быстрее, чем тореадору — перед разъяренным быком. Нередко бывало так, что упавшее дерево пружинило от его же собственных могучих ветвей, и ствол неожиданно и со страшной быстротой бросало в сторону — горе тогда зазевавшемуся вальщику: его могло пропороть сучьями, крепкими и острыми, как штыком. Именно так погиб один из наших родственников, Паттэ Багатов, сын Маругела, —

ему разорвало живот здоровенным суком. И другие опасности подстерегали людей в Сибири. Так, мой двоюродный брат Гена Евнанов утонул па лесосплаве, когда пытался багром расцепить образовавшийся затор в бревнах. Гена оступился, упал, оказался под штабелем бревен, не смог выбраться из воды. Ему было всего семнадцать лет!

Бывало, валили лес при сорока градусах мороза, а то и больше. Это со стороны начальства было нарушением техники безопасности, формально рубка леса запрещалась при температуре ниже тридцати градусов. Но план-то выполнять надо, поэтому погоду игнорировали. Морозный воздух обжигал при вдохе гортань, попадал в легкие распарившимся от работы людям, получить воспаление легких в таких условиях — проще простого. Лечить же было некому, нечем, негде, да и — в конце концов — незачем. Ответственность за жизнь и смерть «спецпоселенца», т.е. ссыльного, была невелика и сводилась к тому, чтобы «правильно» оформить в соответствующем отчете или акте происшедший случай. Только и всего. Из-за чего умерли, например, мои сестры Марта и Эльза: простуда, которая свела их в могилу, в наше время и при своевременной медицинской помощи считается просто пустяком. Люди часто простуживаются, и в этом ничего страшного нет, мы спокойны, мы знаем — нас вылечат, иначе и быть не может. Но там — в Сибири, и в то время, в тех условиях простая простуда означала смерть... Кто нес ответственность за отсутствие своевременной медицинской помощи? Никто. Или возьмите Паттэ и Гену, погибшего и таком юном возрасте. Ну, несчастный случай, ну, не повезло парию, так это представлялось. Мы были в сибирской ссылке — это самое понятное объяснение всему тому, что случалось и могло случиться с нами.

Вечером на ватных от усталости ногах вальщики возвращались из тайги в барак. Кто из них был мужчиной, а кто женщиной — издали было различить, не взглядевшись в лица: ведь на всех были одинаковые телогрейки (ватники), шапки-ушанки, ватные брюки и валенки. Торопливо поев, валились, почти не раздеваясь, на нары в помещении, которое тонкой перегородкой разделялось на мужскую и женскую половины. Ранним утром все начиналось сначала, и так — день за днем, месяц за месяцем, год за годом...

Здесь, на лесозаготовках Нарымского края, требовавших напряжения всех физических сил, различия полов не делалось. Тут равенство женщин и мужчин достигло своего подлинного триумфа. Вот, я держу в руках документ тех времен, он возвращает мою память к тем печальным, незабываемым годам...

В этом форменном бланке глаголы «проходил», «допущен», как и слово «лесоруб», не случайно мужского рода, ибо, естественно, только мужчина мог заниматься этим делом. Канцелярские мудрецы, авторы бланков, не могли предусмотреть, что реальность внесет свою поправку в жизнь и уравнивает женщину с мужчиной. Бланки оставались прежними — «мужского рода», а заполнялись на женщин. И такие вот справки, самым серьезным образом удостоверяющие квалификацию женщины-«лесоруба» в сибирской тайге, выданы были нашим ассирийкам! Некоторые женщины-ассирийки до сих пор хранят эти «дипломы»

лесорубов...

Да, так было. С первой утренней зарей — в тайгу, опять в тайгу. Став на расстояние 50—60 метров друг от друга, как это требовалось по технике безопасности, каждая пара вальщиков-лесорубов начинала свою опасную «игру». По всей тайге гулкое эхо разносило тогда протяжный и тревожный призыв «Бо-о-й-ся!» — это было слово-пароль, этим окриком люди в момент падения дерева предупреждали друг друга об опасности, чтобы человек успел отбежать в сторону, на безопасное расстояние. И действительно, было чего бояться. И это «Бойся!», раздававшееся в таежной глухомани, в этом Богом забытом крае, было весьма символично.

Летом и мы, дети от десяти лет и старше, стараясь быть подспорьем для родителей, работали — например, раскладывали лен рядами для просушки под слабо греющим сибирским солнцем. Это получалось у нас так же сноровисто, как у работавших рядом женщин. Или, когда надо было свозить просушенные копны сена в одно место для скирдования, нас, мальчишек, сажали на крупы лошадей, давали в руки поводья, и мы управляли волокушами. Иначе кому-нибудь из взрослых пришлось бы вести лошадь под уздцы. Волокуша (от слов «волочить», «волоком») — это две длинные жердочки с поперечными перекладинами, вроде как летние сани, на которых можно перевозить сено. Мы трудились полный рабочий день, который длился не меньше 10 часов. Так и вижу высоченные скирды сена на лугах, память о них не стерлась.

В лесу вместе со взрослыми мы заготавливали березовые веники. Это делалось тогда, когда листья были еще молодыми, нежными, а ветки — упругими. Десятки повозок, груженных до самого верха березовыми вениками, отправлялись из леса. Куда — никто толком не знал. Но теперь я понимаю, что руками ссыльных, взрослых рабов и их детей, делалось то, без чего немыслима парилка в русской бане. А венички наши увозились далеко, наверное, в города, где разные начальники, распарившись, хлестали ими себя по ягодицам и бокам, кряхтя от удовольствия. Нас же в лесу атаковали полчища злющих комаров, особенно лютовала мошкара. Если хотелось пить, то в любом месте довольно было просто разгрести руками мох, и в образовавшейся лунке немедленно проступала вода, пахнувшая прелью. Ведь вся Сибирь — на болотах. Но пить можно было, только если кто-то в это время яростно махал тем же веником, отгоняя тучи комарья и мошкеры. Так что кому парилка, а кому — «комарилка».

Налоги

Я уже говорил, какими трудными и голодными были для ассирийцев первые годы ссылки. Трудно себе представить более бедную жизнь, чем наша в то время. При этом тяжелый труд в колхозе и на лесозаготовках в исключительно суровых климатических условиях. Казалось бы, что еще требовать от этих людей, без всякой вины отбывающих здесь наказание? Увы! Существовала еще обширная система налогов, которые ссыльные обязаны были платить. Налоги требовалось отдавать государству в двух видах: натуральными продуктами и деньгами.

Я был в то время школьником и, конечно, не мог запомнить конкретные размеры налогов и все их разновидности. Но мой отец, чьей памяти я безусловно доверяю, все хорошо помнит.

Подходный налог взимался с каждого работающего в размере один рубль с небольшим с каждых десяти заработанных, т.е. получается примерно 13%. Колхоз выдавал лишь малую часть заработка деньгами, но большую часть — продовольственными продуктами.

Молодые люди, достигшие совершеннолетнего возраста, но не имевшие детей, платили особый налог, он так и назывался — «за бездетность». С мужчины этот налог взимался, как только ему исполнялось 18 лет, причем независимо от того, женат он был или нет; может, поэтому в народе этот налог называли «холостяцким» или «налог с холостяков». Молодая женщина начинала платить его, выйдя замуж. Супружеская пара иногда не могла иметь детей по физиологическим или по каким-то еще естественным причинам (такие семьи среди ссыльных ассирийцев были), но раз детей нет — плати налог. Наверное, этим людям следовало бы пройти медицинское обследование, принести соответствующее заключение медиков в бухгалтерию, и тогда бы налог перестали вычитать из зарплаты ввиду уважительной причины бездетности. Но кто знает, что такое деревня, тому нетрудно понять, почему никто не обращался к врачам и не приносил справки в бухгалтерию — кому охота, чтобы все вокруг знали о том, что ты или твоя жена не способны иметь ребенка? Ведь в деревне ни одна вещь не может остаться в тайне, там все про всё знают и друг другу пересказывают. Конечно, человек предпочитал платить этот налог, лишь бы только уберечь свою личную жизнь от нездорового любопытства посторонних. Если же у супругов рождался ребенок, то налог «за бездетность» не отменялся полностью, а лишь уменьшался в размере: если в семье был только один ребенок, из зарплаты тоже вычитали налог, только теперь он имел другое название, кажется, «налог за малосемейность» (так в народе его называли), т.е. за то, что мало детей в семье. С появлением второго ребенка этот налог переставал существовать для супружеской четы.

Тот, кто имел в своем хозяйстве корову, был обязан платить 300 рублей в год. За что? Отец говорит, что эту сумму с нас брали в качестве «страхования» или под видом «страховых». «Зачем же вы, чудаки, живя впроголодь, к тому же «страховали» свою буренку на целых 300 рублей, ведь для нас это большие деньги были?!» — спросил я. Мой отец только улыбнулся и покачал головой: «Попробовал бы ты не «застраховать»... в тех условиях... Это надо было делать обязательно и каждый год». Таким же образом за каждую свинью, если она была в личном хозяйстве, надо было платить 120 рублей в год. И еще такую деталь хранит память: если кто-то резал свою корову, бычка или свинью — шкуру надо было обязательно сдавать государству, за невыполнение этого положения налагался денежный штраф. Тот, кто держал в хозяйстве корову, должен был сдавать налог натурой — от 500 и больше литров молока в год, количество это колебалось в зависимости от жирности молока. Чем жирнее было молоко, тем меньше литров требовалось сдать. А поскольку колхозному начальству надо было любой ценой выполнить план заготовок по молоку, то оно всячески намеренно занижало процент жирности молока, так чтобы хозяину коровы пришлось сдавать максимум

требуемого.

Вспоминается еще, что с каждого двора или, чтобы яснее выразиться, с каждой семьи ссыльных требовалось сдать в течение года: 16 килограммов сливочного масла, 100 яиц, 3 килограмма шерсти, и все это независимо от того, имела семья домашний скот и домашнюю птицу или нет. А если не было ни коровы, ни куриц в хозяйстве? В таком случае покупали продукты на стороне, где угодно, и сдавали на заготовительный пункт, который сокращенно именовался «заготпункт». Среди налогов, которые взимались «натурой», была еще сдача определенного количества мяса на заготпункт, но сколько точно требовалось мяса — отец уже не помнит. Зато я хорошо помню, что нам, детям, приходилось буквально слюнки глотать, когда яйца, сливочное масло и другие продукты проносили мимо наших ртов и сдавали на заготпункт. Бутерброд со сливочным маслом! Мы не могли себе позволить этого. Может быть, по праздникам нам его и давали, но, честно признаюсь, я лично никак не могу припомнить, чтобы в те сибирские годы сливочное масло было на моем куске хлеба.

Самый удивительный способ вытряхивать деньги из карманов ссыльных был связан с так называемым «государственным займом». Он усиленно пропагандировался в те годы, но среди ссыльных ассирийцев успеха или популярности не имел. Конечно, приобретение облигаций государственного займа, иначе говоря, предоставление государству как бы в кредит какой-то суммы денег со стороны гражданина — официально было делом добровольным, патриотическим. Но наша сибирская практика была совсем иной! Каждую семью обязали приобрести облигации государственного займа примерно на сумму, равную 10% дохода, причем не один раз, а ежегодно. Получалось так, что человек выплачивал второй «подходный» налог (тоже равнявшийся 13% от заработка). Ассирийцы подчинились и этому требованию и покупали ненужные им облигации, когда имелись деньги. Но зачастую дело обстояло так, что ссыльный сам обращался в правление колхоза с просьбой дать ему в долг, в счет аванса пшеницу или муку, чтобы хотя бы хлеб был в доме. В каждой семье — куча детей, а продуктов, выдаваемых колхозом за «трудодни», никак не хватало на каждый день жизни. И до облигаций ли было бедным ассирийцам, когда в уме одна лишь забота — как бы самим прокормиться!

Но ответственные за распространение облигаций госзайма думали иначе. Они вызывали «несознательных» граждан, т.е. не купивших облигации, в сельсовет на «проработку», для проведения с ними «воспитательной» беседы. Мой отец с грустным юмором вспоминает, как однажды его «прорабатывали» за отказ от приобретения облигаций госзайма. Он считался одним из самых злостных «должников» по этой части.

Итак, в один прекрасный день моего отца прямо с работы отозвали в правление колхоза. Ему сказали так:

— Вартанов, бросай к черту работу, давай иди прямо в правление, там тебя ждут...

Отец приехал в правление с колхозной фермы на санях; он был в каком-то зипуне или армяке, обвязанном, конечно, веревкой, обледеневшем на морозе, насквозь пропитанном тяжелым неприятным запахом прелого силоса — корма, который он возил в тот день на ферму для коров, на бровях и ресницах — стаивающий снег, на усах — сосульки льда. Вот в таком виде и предстал он перед начальством.

Шуваев, председатель сельсовета, грозно взглянул на него:

— Ну что, Лазарь, деньги принес?

Отец:

— Деньги... нету. Один санки силос — привезу тебе, если хочешь...

(Мой отец по-русски плохо говорил, я воспроизвожу его речь без изменений.)

Некоторые из присутствующих хохотнули, услышав такое обещание ссыльного главе местной власти. А Шуваев был мужик холеный. Несуразный и нелепый вид Лазаря, его неожиданное предложение «барину», каким выглядел Шуваев, вызвали веселое оживление среди явно скучавших людей.

А спектакль шел дальше. Шуваев разозлился:

— Я тебя про деньги спрашиваю, принесешь или нет?!

Отец отвечал, наклонив голову в направлении Шуваева:

— Хочешь — на, бери мой голова. Больше у меня ничего нет.

— Ну, погоди, я тебе сейчас покажу! — сказал рассвирепевший председатель сельсовета. — Шевцов! Иди-ка сюда!

Вошел надзиратель Шевцов, пистолет в кобуре, болтается на боку.

Шуваев снова обратился к «государственному должнику»:

— Я тебя в последний раз спрашиваю, ты купишь облигации или как?

Отец:

— Сколько надо?

Шуваев:

— Тысячу двести рублей.

— А двенадцать мильон не хочешь?

Шуваев:

— Ах ты, американский прохвост!

Отец, выйдя из себя:

— Ты... сам американский... хвост! Я рабочий человек, каждый ден силос на санка везу, сорок градус мороз, а ты на мотоцикл туда-сюда катаешься!..

Шуваев:

— Я тебя заставлю платить!

Отец, равнодушно:

Давай, бери все, чего у меня есть...

Шуваев повернулся к Мартемьянову, председателю колхоза:

— Что там на его счету?

Мартемьянов:

— На его счету... ноль рублей ноль копеек и пятеро детей. Он уже пять месяцев как на колхозном авансе живет, в долг берет.

Шуваев:

— Мне нет дела до этого! Шевцов, поговори ты с этим...

И Шуваев махнул рукой в сторону отца.

Шевцов хоть и надзиратель, а человек был добродушный, во всяком случае, не злой.

Он подсел к моему отцу, обнял его за плечи:

— Лазарь, ты пойми, надо помогать государству, все должны помогать. На эти деньги будут строить школы, больницы, детские садики, опять же на оборону страны, понимаешь? Ну хорошо, сейчас нет денег, но через месяц колхоз будет расчет делать, ты получишь деньги, возьмешь тогда облигации?

Отец:

— Все равно не могу. А дети мои ты будешь кормит?

Шевцов отсел от моего отца, развел руками:

— Ничего не могу с ним поделаться. Несознательный человек.

Вконец разозленный Шунаев взял моего отца за шиворот и выпихнул его за дверь, со словами:

— Пошел отсюда! Я тебе еще покажу, подожди!

Однако угрозу свою Шунаев привести в исполнение не смог. Через год прекратилась практика насильственной покупки облигаций, и ссыльным

стало чуть-чуть полегче.

Песня и плакат

Администрация режимных спецпоселений по-своему заботилась о нашем политическом «перевоспитании» и возвращении нас на «путь истинный». Радиотарелки в наших прокопченных избах обязательно включались оператором, если Москва транслировала речи партийных и государственных деятелей, а в этих речах недостатка не было.

Целям нашего гражданского воспитания служили не только радиопередачи, но и наглядная агитация, т.е. всевозможные плакаты на политические темы. Их нам раздавали бесплатно, а мы и рады были, с удовольствием обвешивали ими наши мрачные стены. Они нам заменяли живопись, все-таки это были картинки. А сюжеты были самые разнообразные. Над местом, где я спал, висел, например, плакат, который изображал мужчину с перекошенным от гнева (наверное, гражданского или классового) лицом, который к тому же указательным пальцем показывал прямо на меня и грозно предупреждал: «Болтун — находка для шпиона!» Тогда в стране царила шпиономания, «агенты империалистической разведки» мерещились властям под каждой кроватью. Под этим антишпионским лозунгом в буквальном смысле слова прошло все мое сибирское детство.

Одной из наиболее удивительных форм перевоспитания «врагов народа», то есть нас, был так называемый Праздник песни. Вот это действительно было хорошо. В одно из последних воскресений лета, обычно после завершения уборочной, нас, ассирийцев, везли за 30 километров от нашего села в районный центр Бакчар. Ехали мы туда на телегах с лошадьми и, чтобы утром оказаться в месте сбора, выезжали с первыми петухами, на заре. Вереница медленно двигающихся телег, переполненных людьми, напоминала передвижение цыганского табора, тем более что ехали смуглые люди — ассирийцы. Ехали всем семьей, брали и нас, детей, потому что Праздник песни, проходивший лишь раз в году, давал шанс всем желающим посмотреть «город» (хотя Бакчар вряд ли был настоящим городом), походить по его удивительным деревянным тротуарам, зайти в магазины и купить необходимые вещи, попить в киосках ярко-красный «морс» (так называлась газированная вода с клюквенным сиропом), одним словом, погулять, развлечься, как говорится, людей посмотреть и себя показать. Никто, конечно, не хотел упустить такую редкую возможность. И ехали все.

В последние два года ссылки людей в район возили уже не на телегах, а на грузовиках — колхоз приобрел несколько машин. В кузове такого чуда прогресса размещались десятки человек. На разбитых и разухабистых проселочных дорогах при скорости движения в 30 — 40 километров в час людей крепко встряхивало. «Ой, аж кишки отбило», — слышался чей-нибудь возглас; на крутых поворотах всю людскую массу кренило в одну сторону, и тогда раздавались восторженные крики мальчишек, визг женщин, чьи-то вопли ужаса или шуточные возгласы. Но все ехали с каким-то радостным настроением. Что правда, то правда.

В Бакчаре участников художественной самодеятельности ждала открытая сцена, площадка для выступлений. Над этой сценой было написано «Агитпункт», висели разные лозунги, они к чему-то призывали советских людей. Хор певцов выстраивался на сцене, играл баянист или гармонист, и при стечении великого множества ссыльного народа (у нас в стране очень любят бесплатные зрелища, а уровень их мало кого беспокоит) люди пели. Может быть, не очень стройно и совсем непрофессионально, но громко пели, старались на совесть. Многие песни были восторженно-патриотические по содержанию, поверхностные, глупые, но люди пели их искренно. Что я хочу сказать? То, что сибирская ссылка, как это ни парадоксально, или это кажется мне сейчас, несколько не поубавила патриотизма в этих людях. Они пели не по принуждению, а потому, что им хотелось петь. Некоторые песни только условно можно было назвать песнями, скорее это были политические директивы партии, переложенные на столь же условную музыку. Слова из одной такой политической песни, которую наиболее часто исполняли, я помню до сих пор:

Москва — Пекин!

Москва — Пекин!

Идут, идут вперед народы —

За светлый мир,

За прочный мир.

Под знаменем свободы!

Знамя, конечно, было наше и еще китайское, а в общем это было какое-то замечательное советско-китайское знамя, огромное, как небо, над всей землей, и всем народам было очень хорошо под этим знаменем. Так это воспринималось в сознании двенадцатилетнего подростка, каким я тогда был. Но я не закончил слова из упомянутой песни. А затем следовал припев, когда ссыльные особенно форсировали, усиливали голос и как-то очень настойчиво повторяли:

Сталин и Мао

Слушают нас!

Слушают нас!

Слушают нас!

Эти слова пелись так решительно и громко, что у людей, наверное, не оставалось сомнений: любимые вожди слушают и слышат все. Публика глазела на сцену, смотрела все подряд с одинаковым интересом, энергично лузгала семечки. На почетных местах сидели районные руководители разного калибра. Они, как и остальные зрители, слушали и смотрели. Им, наверное, нравился многоголосый хор трудящихся «спецпереселенцев», может быть, они даже поздравляли себя в душе с тем, что руководимый ими ссыльный сибирский народ проявляет

сознательность, активно участвует в этом мероприятии. Каждый был по-своему счастлив на этом «празднике песни».

Школьное образование тоже играло свою роль в процессе «перевоспитания». Для детей «спецпереселенцев» в деревне Поротниково, где мы жили, была школа-семилетка. Такие же школы были и в других деревнях. Все дети учились до седьмого класса беспрепятственно. Но школа-десятилетка была только в районном центре Бакчар. Туда на продолжение учебы мог пустить, а мог и не пустить, по своему усмотрению, комендант зоны. Он был хозяин. Например, мою сестру Марту, очень способную ученицу, он не пустил в Бакчар. Но если бы комендант и разрешил учебу, разве мог бы подросток, мальчик или девочка, в отрыве от семьи, в одиночку, жить и учиться? Так или иначе, в ссылке образование ограничивалось семью классами. А если кто-нибудь из ссыльных уже имел 10 классов школы и хотел учиться дальше в институте? Это уже определенно не разрешалось, и было исключено по той простой причине, что дети «спецпереселенцев» по достижении шестнадцатилетнего возраста обязаны были, как и их родители, регулярно являться в комендатуру и отмечаться в списках. Мы жили под надзором комендатуры, а поднадзорный человек не мог поехать в Томск и учиться в институте.

Однако вот что интересно. Когда государство само стало испытывать нужду в специалистах (механиках, шоферах, трактористах, слесарях, комбайнерах и т.д.), так как все больше техники и машин прибывало в эти края, тогда оно не только разрешило детям получить техническое образование, но и само направляло молодых людей в областной город Колпашево на учебу. Там им давали общежитие и даже стипендией обеспечивали, лишь бы только они овладели специальностями, в которых очень нуждалось сельское хозяйство.

Конечно, на это можно смотреть по-разному: можно расценивать это как чистое благо, гуманизм со стороны государства, а можно понимать и как голый практицизм, расчет, и более ничего. Вообще непонятна мораль, которой руководствовались власти в отношении осужденных на «бессрочную ссылку». Вот, например, ассирийских парней, когда они достигали девятнадцатилетнего возраста, согласно закону страны призывали на службу в Советскую Армию. То обстоятельство, что они и их семьи были сосланы сюда, в Сибирь, как «враги народа», «агенты империалистической разведки», «турецкие шпионы» и т.д. и т.п., в этом случае никакой помехой не являлось. Почему? Как можно было призывать и ряды сланной Советской Армии тех, кого отправили в сибирскую ссылку, наложив на них такое позорное клеймо? Может быть, так надо было для «перевоспитания». Нет, все же во всем этом есть какой-то голый цинизм...

А теперь возьмите азиатскую страну Турцию. Да, султанский режим был немилосердным к нашему народу, который там жил веками. Да, в этой мусульманской стране ассирийцев-христиан считали «гяурами», иначе говоря, «неверными». Но зато и не брали на службу в султанскую армию, и это понятно: мусульманское духовенство считало невозможным, чтобы «правоверные» жили в одном помещении, в одной казарме с «гяурами», с «нечистыми». В такой политике виден

определенный моральный принцип, есть хоть какая-то последовательность...

Так же трудно понять, из каких соображений исходили наши власти, когда обязывали ссыльных («врагов народа»!) идти в дни выборов к избирательным урнам и отдавать свои голоса за депутатов всех рангов: от сельских и районных Советов до Верховного Совета СССР. Да, ссыльные послушно шли, бросали в урну бумажку с фамилиями депутатов, вовсе и не заглядывая в эту бумажку, а потом торопились в открытый здесь же праздничный буфет, который был поважнее всего остального. Честно говоря, если бы я в ту пору был взрослый, я ни за что не голосовал бы за депутатов Верховного Совета, потому что все они прямо или косвенно были причастны к вопиющему беззаконию и произволу в отношении ассирийского народа, без всякой вины сосланного в Сибирь. Но это сейчас говорят во мне мои эмоции, а что касается ссыльных, то они были абсолютно равнодушны или вовсе не понимали значения того, что делали... Может быть, даже и хорошо, что они, не заглядывая в бюллетени со списками депутатов, просто бросали их в урны — ведь это была пустая формальность. Зато такое «участие» ссыльных в выборах удовлетворяло тех, кто осуществлял над нами надзор и «перевоспитание». Вот это тоже странное и малопонятное противоречие: с одной стороны, мы «враги», «агенты», «шпионы», за что и отправили нас в Сибирь на «спецпоселение», а с другой стороны — пожалуйста, идите, голосуйте за Советскую власть... Может ли кто-нибудь понятным образом объяснить эту двойственность?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОВЕРШЕНО - ЗАБУДЬТЕ...

Шел седьмой год ссылки. Все эти годы каждый вечер единственной темой разговоров и бесконечных воспоминаний был Кавказ, его солнце, его тепло, его фрукты, виноград, его щедрая земля. Долгим зимним вечером люди теснились поближе к печке, разговаривали о жизни, вспоминали любимый Кавказ, вздыхали, тоскуя по этому потерянному раю. Я в то время столько слышал из разговоров взрослых о прекрасном и чудесном Кавказе, что мало-помалу перестал воспринимать его как конкретную местность на территории нашей страны; «Кавказ» стал для моего детского сознания таким же отдаленным как, например, сказочная страна Эльдорадо, которая существует в мечтах, но не в действительности. Порой я даже не мог поверить, что мы в самом деле жили на этом самом Кавказе, где летом 30—35 и даже 40 градусов жары, где целые «горы» яблок, персиков, груш, арбузов и всяких других вкуснейших фруктов... Попробуйте представить себе это, когда за окном вашей избы воет метель, вьюга, наметающая снежные сугробы чуть ли не до крыши дома, когда на улице сорокаградусные морозы, когда знаете, что кругом на сотни и сотни километров Сибирь и больше ничего, и если за все прошедшие годы ни разу не держал в руке яблоко или любой другой фрукт, просто ни разу не видел их в глаза. И еще: ведь меня увезли в ссылку, когда мне было неполных пять лет, так что за годы жизни в Сибири я забыл все, что было в прошлом. Поэтому, естественно, разговоры взрослых о Кавказе я воспринимал как нечто из области сказок.

Много лет спустя я читал всякую историческую литературу о нашем

народе, узнал, что в разные времена жестокая судьба уводила ассирийцев в разные края: в горы Турции, в Персию, на Кипр и т.д. Но все эти места находились не очень далеко от родины ассирийцев — Месопотамии, и к тому же с точки зрения климата или окружающей природной среды резкого контраста не было. Но Сибирь, Томск, Нарымский край... Никогда еще в истории ассирийцев не было такого полного и катастрофического разрыва между их биологической, психической сутью и окружающей средой. Этот разрыв находил свое отражение даже в такой мелкой, на первый взгляд незначительной детали, о которой я сейчас расскажу. Прошли уже годы после возвращения из ссылки, но ассирийские старики, вспоминая жизнь в Сибири, с неиссякаемым изумлением говорили: «За все годы жизни там, в Сибири, ни одного камешка не видели! Идешь иногда по деревенской или полевой дороге и думаешь: ну хоть бы один камешек на пути попался, до чего же я соскучился по обыкновенному камню-камешку, которых на Кавказе миллионы лежало кругом и которые мы ногами отшвыривали с дороги. Если бы хоть однажды на глаза попался б камень — как бы я обрадовался! Как привету с родины. Но нет, ни разу ни одного камешка мы так и не увидели в Сибири!..» Так рассуждали люди, которые раньше жили в горах, а после бегства из Турции — на Кавказе, среди привычной для них природы.

Годы ссылки проходили один за другим. Ассирийцы, получившие уже письменный отказ на свои просьбы о помиловании, не надеялись больше на какие-либо перемены в своей судьбе. Ссылка была, как им сказали в самом начале, бессрочной, т.е. навсегда. Каждый следующий год наступал и проходил, не принося ничего нового. Но это было обманчивое ощущение. Безостановочно работающее время готовило большие перемены. Приближался час исполнения Высшей воли, которой подчиняется все сущее в мире, которой должен был подчиниться даже такой великий вождь, как товарищ Сталин.

А было это так. В один из мартовских дней 1953 года мы пришли утром в школу как обычно, но звонка на урок все не было и не было. Вместо звонка нам вдруг дали команду построиться на линейку в большом школьном коридоре. Опять долгая заминка, мы стоим, ждем, наконец, выходит к нам директор школы по фамилии Полуэктов (тоже сосланный в эти края, коммунист) и встает лицом к нашему строю. Это был громадный ростом, очень сильный мужчина. «Дети, — едва выговорил он странно дрожащим, ослабевшим голосом. — дети, случилось самое большое и непоправимое... несчастье. Умер... Умер...» Он не договорил до конца, поднес к глазам платочек, его подбородок вдруг мелко-мелко задрожал, крупное волевое лицо как-то жалко сморщилось, он отвернулся от строя учеников и, весь ссутулившись, вышел из коридора прочь. Перепуганные и пораженные его видом и поведением, мы стояли, ничего не понимая. За директора досказала заведующая учебной частью Анастасия Ивановна. Она сказала: «Дети, умер наш любимый вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин. Расходитесь по домам, сегодня занятий не будет».

За неделю до смерти Сталина произошел один удивительный случай, который мой отец помнит до мельчайших деталей. Он был вызван в правление колхоза к председателю Мартемьянову. Руководитель колхоза

жестоко разругал отца, кажется, за невыполнение каких-то работ или по той причине, что отец никак не мог выплатить долги колхозу. Сцена такая: Мартемьянов сидит за своим столом и сердито выговаривает отцу; отец стоит, прислонившись к косяку двери, молча выслушивает председателя. И вдруг в этот момент портрет Сталина в тяжелой застекленной раме, висевший за спиной председателя, сам по себе, без всяких видимых причин, срывается со стены на пол, едва не покалечив председателя, и с грохотом разбивается на мелкие куски. Перепуганный председатель махнул на отца рукой: «Все, иди отсюда!» Отец вышел на улицу, размышляя, что, наверное, неспроста Сталин упал со стены, это какой-то знак...

И действительно, через неделю грозный правитель, полупарализованный, с распухшим и неподвижным языком, скончался. Мой отец узнал об этом одним из первых в районе. В морозный день он возил, как всегда, корм для скотины на колхозную ферму. По дороге его окликнул Шобо Данилов, молодой мужчина, наш родственник. Он крикнул:

— Дядя Лазарь, попридержи лошадей!

Сани замедлили свой ход, а Шобо плюхнулся на солому рядом с отцом:

— У меня есть для тебя «шихда» (по-ассирийски «шихда» — хорошая, радостная весть), так что с тебя причитается...

— Только ты меня, дядя Лазарь не выдавай, об этом еще нельзя говорить...

— Ну, что такое произошло, выкладывай, — сказал отец.

— А то произошло, — здесь Шобо стал говорить почти шепотом, — что моя жена Дуся, ты знаешь, она телефонистка, сегодняшней ночью дежурила на станции и приняла шифрованную телеграмму — Сталин умер!!!

В это трудно было поверить — Сталин, казалось, был бессмертным. Но когда уже все газеты Советского Союза, включая и бакчарскую районную газету, вышли с портретом Сталина в черной траурной рамке, все остальное население Сибири стало перед совершившимся фактом: Сталин умер. Отец говорит, что все ассирийцы втайне радовались. Они, бывшие горцы, беженцы из Турции и Ирана, при всем своем невежестве и неграмотности все же крестьянским умом понимали, что их ссылка в Сибирь каким-то образом связана с правлением этого беспощадного деспота и тирана. Вот уж они-то нисколько не были огорчены смертью этого страшного человека. Скорее наоборот: теперь у них возникли какие-то пока еще смутные, неясные надежды на перемены в их судьбе.

В самом деле, ассирийцы воспряли духом, снова стали писать в Москву заявления о пересмотре их дела и помиловании. Но прошло еще долгих-долгих три с половиной года, прежде чем пришло к ним долгожданное освобождение. Произошло это следующим образом. Весной 1956 года несколько ассирийцев неожиданно были вызваны в Бакчар, и там, в район-ном управлении внутренних дел им объявили: «Москва приняла

решение о вашем освобождении. Вы снимаетесь с режима спецпоселения, можете возвращаться на Кавказ, на родину. Но вы можете остаться и здесь, все-таки уже освоились с этими местами, и хозяйство свое есть, а как колхозники вы показали себя с самой лучшей стороны. Так что подумайте...»

Остаться здесь! Да чего там думать, если все эти годы ассирийцы днями и ночами грезили о своем Кавказе! Ехать, немедленно ехать домой, на Кавказ!

В нашей деревне Поротниково все были в чрезвычайном волнении, когда из района вернулись первые ассирийцы со справками об освобождении на руках. Никто не мог оставаться спокойным. Первые освобожденные семьи стали с лихорадочной быстротой собираться в дальнюю дорогу. Почему такая спешка, ведь их никто не торопил? Это так, но они, ошалевшие от радости, в то же время были охвачены наивным страхом: вдруг все это опять переменится, вдруг придет новый приказ, и их заставят остаться здесь... Так не лучше ли скорей уехать отсюда, пока Бог миловал? Это, конечно, был наивный страх, но ассирийцы так долго ждали часа своего освобождения, что понять их можно.

С замирающими сердцами все население нашей деревни провожало первые пять освобожденных семей. Уезжавшие счастливчики подбадривали тех, кто оставался: «Ничего-ничего, завтра-послезавтра ваша очередь наступит, и скоро, Бог даст, все опять будем вместе на Кавказе». И вот уже они пожимают руки сотням людей на прощанье, вот они со своими вещами в кузовах грузовиков, вот машины тронулись в путь — в сторону Томска, а там — железная дорога до самого Кавказа.

Грустно было оставшимся. Наступит ли их черед, придет ли тот день, когда и они, вот так, отправятся радостно в путь, на родину?

А ход событий был действительно необратимым. Каждую неделю новую группу ассирийцев вызывали в район, а оттуда они возвращались, как на крыльях, — свободны! И начиналась радостная суета сборов. Ни одного лишнего дня не хотели ассирийцы оставаться в Сибири.

Бывшие ссыльные возвращались к своим очагам, имея на руках оправдательный документ, справку с печатями. По предъявлении этого документа они могли получить прописку, паспорт, работу. Каждый совершеннолетний ссыльный получал такую справку лично в руки от начальника районного управления внутренних дел и расписывался за его получение. Многие ассирийцы до сих пор бережно хранят эти справки. Они и сами не могут объяснить: зачем хранят эти никому теперь не нужные бумажки? Некоторые говорят: для памяти, ведь сколько настрадались мы там, не дай Бог другим этого! Я снял копию с такого по-своему интересного, можно сказать, уникального, документа. Вот она — точная копия той справки, которая выдавалась на руки при освобождении:

копия

Верховный Суд

Союза Советских Социалистических

Республик

17 сентября 1956 г.

№ 02-8785-С-54

СПРАВКА

Дана Вартанову Лазарю, 1895 г. рождения, в том, что Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 апреля 1955 г. Постановление Особого совещания при министре Государственной Безопасности СССР от 12 ноября 1949 года в отношении его отменено и дело производством прекращено с освобождением его от спецпоселения.

Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР:

(Морозов) подпись

Печать: ...

Все так просто, обыденно. Было, значит, такое постановление о вас, а теперь оно отменено. Можете ехать обратно, домой. Читая этот документ, я задумался над датой «12 ноября 1949 г.» — в этот день, согласно справке, Особое совещание приняло постановление о нашей ссылке. Получалось так, что нас увезли в ссылку не летом 49-го, а в ноябре или декабре. Как же так, ведь нас везли в Сибирь именно летом! Да, я был маленьким и, конечно, могу ошибиться с этой датой. А что скажут другие? Я спросил многих старых ассирийцев, и все они подтвердили, что дело происходило летом. Это раз. К тому же есть моя собственная память: я хорошо помню зеленый берег Оби, на который нас высадили с баржи для короткого отдыха. Потом мы плыли по реке Чая, а ведь такие маленькие речки, как Чая, зимой, скованные льдом, не судоходны. Наконец, имеется еще одно важное свидетельство — маленькая поэма «История ссылки ассирийцев», сложенная самим народом. Ведь ее вторая строфа начинается с прямого указания на дату ссылки «Тринадцатого июня это началось...» — говорится в ней. Сомнений у меня больше не оставалось: нас везли в Сибирь летом. А как же тогда быть с Постановлением от 12 ноября 49-го? Противоречие это объясняется просто.

В жизни часто бывает так, что какой-нибудь жулик-завскладом или вор в должности директора магазина пустит «налево» какой-либо товар, а потом находит лазейки и оформляет эту сделку справкой, чтобы в бумагах все было «как положено». В нашем случае власти Азербайджана и Грузии поступили точно так же. Сначала нас, ассирийцев, окольными железными дорогами, далеко от центра, провезли, как контрабанду, в Сибирь. Вполне возможно, что санкции Москвы на эту операцию еще не было: потом «оформим» — решили организаторы ссылки. Но чтобы

решиться на это, чтобы отправить целый народ в Сибирь, с расчетом «оформить» потом эту акцию в столице — для этого надо быть совершенно уверенным, что там найдутся друзья-единомышленники. Да, так оно и было. Те, кто отправили нас в ссылку — Багиров, первый секретарь Азербайджанской компартии и его коллеги из Грузии, — эти негодяи имели в столице могущественного друга и покровителя, Берию, и имя его не требует комментариев. Итак, когда ассирийцы коченели от холода, страдали от сибирской вьюги и метелей, когда они уже насмерть простуживали легкие, там, в Москве, министр государственной безопасности, 12 ноября, где-то между завтраком и обедом, устроил в роскошном кабинете это самое Особое совещание (все «свои ребята», с подарками, с приветами приехали, недоразумений быть не может) и охотно поддержал предложение «товарищей из республики» выселить оттуда всех «врагов народа», «агентов империализма», «турецких шпионов», выдающих себя за... ассирийцев. Решено и подписано! Участники совещания, наверное, даже гордились собой: как смело и решительно они обезвредили «врагов». Дикому произволу был придан вид законности, санкция на ссылку была оформлена. Так против нашего народа было совершено уголовное преступление, и совершили его те, кто именовались членами Особого совещания при министре государственной безопасности.

На такие размышления навели содержание вышеприведенного документа и странная дата, которая в нем проставлена.

Мы стремились домой, в родной край, которым был для нас Кавказ. Легко сказать — обратно домой. Везли-то нас сюда, на край света, за казенный счет, а как возвращаться — самим надо голову ломать, это же не шутка, почти десять тысяч километров пути. Деньги-то какие нужны на такую дорогу, представляете? И как ни рвалось от нетерпения сердце из груди, скорее, скорее на Кавказ! — но пришлось месяца три готовиться. Все до ниточки распродали, свой сруб, скудное имущество, корову Любу отвели на бакчарский базар, денег на билеты едва набрали, и одних сухарей — два огромных чемодана насушили. Как мы добирались до своего Эльдорадо, то есть до Кавказа, это целая эпопея. В общем, добрались-таки до станции Акстафа, где нас более семи лет назад погружали в товарные вагоны для отправки в Сибирь. А от этой станции до родного села Гринфельд — всего несколько километров. И вот — вернулись... А на родине нас не ждали. Дома ассирийцев давно уже были заняты чужими людьми, по преимуществу азербайджанцами. Наш дом, например, просторный, из красного кирпича, облюбовал себе партийный работник Рашид Алиев. И вышло так, что ассирийцы, вернувшись из ссылки к порогу родного дома, не могли в него войти. Они оказались в положении бездомных пришельцев. Некоторых из жалости приютили у себя на время старые знакомые. Немцев в селе не было, все они находились еще в ссылке, в Казахстане. Население состояло в основном из азербайджанцев и армян. Ассирийцам предложили работу в колхозе, с этим проблем не было. Но жить-то было негде. Из этого положения выходили как могли. Нашей семье и другой многодетной семье колхоз предоставил для жительства сарай, в котором раньше сушили изюм, а теперь он пустовал. Мы перегородили сарай на две равные части, вставили стекла в крохотные окошечки,

отремонтировали проломанную во многих местах крышу и стали жить.

Семью Даниловых поселили в помещении колхозной бани, которая давно не использовалась. Там было еще хуже: пол цементный и зимой очень холодный, а с труб, которые проходили вдоль стен и под потолком, постоянно капала вода. Не более комфортабельно были устроены и другие ассирийские семьи.

Ассирийцы, идя на колхозные поля, проходили мимо своих домов, каждый кирпич и каждая трещинка которых были им знакомы до мелочей. Они могли подойти вплотную к стене родного дома и ощупать его руками, но, увы! — этот дом у них отобрали, и теперь в нем — чужие люди. Глубину их страданий может понять только тот, кто своими руками строил себе дом. Тяжело вздыхая, ассирийцы шли прочь, на колхозные работы.

Их ограбили, но конкретного преступника не было. Все же ассирийцы попытались отыскать справедливость. Они выбрали из своей среды трех наиболее грамотных и активных людей, собрали все вместе деньги им на дорогу и отправили эту маленькую делегацию в Москву — хлопотать о возвращении им их домов. Ассирийские делегаты около двух месяцев обивали пороги различных учреждений, хлопотали, но безрезультатно. Их нигде толком даже не выслушали, и вообще опытные бюрократы никакого желания не имели вмешиваться в такое запутанное дело. Так что из Москвы наши посланцы вернулись с пустыми руками.

Ассирийцев освободили от ссылки. Но это не тот случай, когда можно сказать: справедливость восторжествовала. Их как бы великодушно простили, но и только. Им дали возможность работать, но этим правом пользуется всякий уголовник, когда он возвращается из мест заключения. После семи лет страданий в Сибири, болезней, смертей, потери близких ассирийцы не получили ни материальной, ни моральной компенсации. В совершенном против ассирийцев преступлении власть так и не призналась. Только в справке, которую выдавали каждому освобожденному ссыльному, косвенно, намеком («постановление отменено», «дело производством прекращено»...) признается, что была допущена ошибка. Да, ошибка, только и всего.

Каково же было ассирийцам жить в сараях рядом с прекрасными домами и садами, которые когда-то были их собственностью! Простые азербайджанцы, давние жители села, хорошо знавшие нас, при встрече не скрывали своих эмоций, цокали языками, удивляясь превратности судьбы, и соболезнующе приговаривали: «Бедный Лазарь! (это о моем отце). Какой он имел дом — и в каком сарае он живет теперь...» То, что говорили о моем отце, в равной мере относилось ко всем другим ассирийцам. Нам морально было очень тяжело. Наверное, это была главная причина того, что наша община племени ботанае приняла решение куда-нибудь уехать из родного села.

Новое место было найдено в соседней Грузии. Примерно в тридцати километрах к югу от Тбилиси есть небольшой городок Гардабани, с ним почти сливаются несколько деревень. Здесь и решили жить ассирийцы.

Именно в это время, когда искали в Грузии подходящее место для переселения, и состоялась удивительная встреча ассирийцев с теми немцами, которые когда-то были крупными хозяевами в селе Гринфельд, а потом их выслали в Казахстан. Рядом с городом Гардабани наши люди обнаружили поселок городского типа, очень аккуратный, с прямыми улицами, асфальтированными дорогами и, что очень редко можно встретить в этих краях, — с уличными фонарями. Всем своим видом этот поселок резко контрастировал с соседними деревнями со смешанным грузинско-азербайджанским населением. Стали расспрашивать, что и как. Оказалось, что поселок этот называется «Ботаника», а построен он недавно немцами, которые вернулись из ссылки. Приехав, они не захотели оставаться в Гринфельде, где их дома тоже были заняты другими людьми. С разрешения грузинских властей они и основали этот поселок. У них был свой сельский совет, без разрешения которого никто не имел права селиться здесь, так что население состояло из одних немцев, это и было гарантией порядка. Встреча бывших батраков и бывших хозяев была очень сердечной, ассирийцев пригласили жить в этом поселке. Некоторые семьи, в их числе и наша, приняли приглашение и никогда потом об этом не жалели. Нам выделили земельные участки, строительный материал для постройки домов. Начиналась новая жизнь...

Раны, как известно, заживают, хотя шрамы от них остаются навсегда. Мы построили себе новые дома, через несколько лет все ассирийские семьи более или менее благоустроились. Мне казалось, что теперь все хорошо, жизнь вошла в нормальную колею. Но один случай снова пробудил память о печальном прошлом, о нашей драме.

В Тбилиси я случайно познакомился с двумя ассирийскими стариками, одного звали Бабаджан, и ему было 69 лет, а другого — Дарявуша, и ему исполнилось 74 года. И были они родными братьями. Оба седовласы, головы белы, как снег. Они приехали из столицы Казахстана Алма-Аты, чтобы здесь в очередной раз попытаться через суд решить один жизненно важный для них вопрос. Об этом вопросе чуть попозже. Я был удивлен: как и почему они оказались в далеком Казахстане, где ассирийцы, со времени их массового бегства из Турции и Ирана, кажется, никогда не поселялись?

Тогда братья рассказали, что примерно через год после массовой высылки ассирийцев из Азербайджана в Сибирь, в 1950 году, настал черед ассирийцев Грузии и Северного Кавказа. Повторилась точь-в-точь та же история, как с нами; почерк был один и тот же. Ночью неожиданно огромное количество ассирийских семей было «взято в плен» (выражение младшего брата — Бабаджана) армейскими подразделениями, которыми руководили офицеры НКВД, и в товарных вагонах отправлено в ссылку в необжитые степи Казахстана, где были исключительно суровые природные условия. Так же как и нас, их объявили «врагами народа». Так же как и мы, в невыносимых условиях они перенесли жестокие страдания и мучения, потеряли много человеческих жизней. Так что если у нас была Сибириада, то у них была своя, казахстанская эпопея, такая же трагическая, как наша. Но я об этом писать не хочу, потому что не имею морального права: такие вещи надо знать лично и записывать только правду, только факты, а иначе

получится вымысел.

То, что я пишу здесь, касается только этих двух стариков, двух братьев по имени Бабаджан и Дарявуша, но в их горестной судьбе отражается судьба многих других ассирийцев, высланных в Казахстан. Их имена пока неизвестны, но когда-нибудь и среди них найдется человек, который все документально запишет — то, что помнит сам, и то, что хранит память других людей. И тогда мы узнаем подробности. А может быть, эти воспоминания уже и написаны, но пока мы о них не знаем.

Итак, Бабаджан и Дарявуша находились в Тбилиси, чтобы хлопотать о своем деле через суд. Дело это никак не приближалось к справедливому решению, хотя старики уже несколько лет ходили по различным учреждениям со своим ходатайством. Я их встретил, когда они были в состоянии полного отчаяния и безнадежности, потому что после их пятилетних хлопот, теперь, вот сейчас, Верховный суд Грузии — последняя и высшая инстанция — отказал в удовлетворении их иска. Я ознакомился с бумагами, документами и всяческими справками этих стариков, а этих бумаг накопилось уже несколько папок за последние годы. Вот в чем состояло дело Бабаджана и Дарявуша, в том виде, как они сами излагали письменно эту историю.

«УМОЛЯЕМ ВЕРХОВНЫЙ СУД...»

Братья Бабаджан и Дарявуша написали заявление в Верховный суд Грузинской ССР. Это была их последняя надежда.

Заявление начинается словами «Умоляем Вас разобраться в нашем деле и помочь нам».

А дальше вот что говорится в их заявлении:

«С 1914 года вся наша семья, состоящая из одиннадцати человек, проживала в Тифлисе (Тбилиси). Наш отец вместе с нами — четыре сына и три дочери — строил для нашей семьи дом по улице Самурзанской, №14, и в 1939 году наш дом был построен. Каждый кирпичик этого дома положен нашими руками. Как муравьи трудились все члены нашей семьи, чтобы иметь свой очаг. В своем собственном доме мы спокойно проживали и трудились добросовестно на заводах имени Калинина и имени 26 Бакинских Комиссаров до 1950 года».

Здесь я прерываю заявление, чтобы подтвердить, что слова о добросовестном труде на промышленных предприятиях сказаны вовсе не для «красоты слога». Бабаджан и Дарявуша показали мне целую коллекцию медалей и почетных грамот, которыми они сами и члены их большой семьи были награждены на указанных предприятиях за постоянное перевыполнение производственных планов на 180—200% и за высокое качество их работы.

А теперь я продолжаю изложение текста заявления. В замечательно простых и кратких выражениях братья излагают трагедию, которую пришлось им пережить:

«14 февраля 1950 года в 2 часа ночи всю нашу семью посадили в кузов

грузовой автомашины, довели до железнодорожного вокзала, пересадили в товарный эшелон и под конвоем отправили в степи Казахстана. Там мы схоронили мать, отца, брата, сестру и невестку. В 1974 году, собравшись материально и морально, мы приехали в Тбилиси хлопотать о возвращении нам нашего родного очага, нашего дома. Так, умирая, завещал нам отец».

В этом месте меня оторвал от чтения заявления старший из братьев — Дарявуша.

— Ты слушай меня, — сказал он, — бумага не может рассказать все, что было. Какие мы ужасы пережили — нет таких слов, чтобы выразить! Нас на место ссылки везли, как возят скот. Когда в нашем вагоне умер ассириец по имени Арам Юнанов, его просто выгрузили на насыпь и оставили там. В нашем вагоне рожала Майрам — жена нашего младшего брата Давида. Родился мальчик, ему дали имя Полус; сейчас это взрослый человек, он работает водителем автобуса в Алма-Ате. Мы не знаем, что у него написано в паспорте в графе «место рождения», но если бы написали чистую правду, то месторождения нашего племянника надо указать так: вагон товарного поезда по дороге в ссылку.

— А всего, — продолжал свой рассказ Дарявуша, — нас везли по железным дорогам около двадцати дней. Мы не можем вспомнить название ни одной станции на нашем пути, потому что двери наших вагонов были постоянно заперты, а через крохотное окошко ничего не разглядеть. Но названия пунктов на месте ссылки, куда поселили ассирийцев, я помню: это Чи-лик, Каратрок, Дорт-Джум, Тескенсу, Табак-совхоз, Овцесовхоз и другие. Эти населенные пункты состояли из нескольких казахских юрт, и кругом — открытые всем ветрам дикие степи. Здесь зимой бывало до сорока градусов мороза. Вот где мы должны были жить и работать после нашей солнечной Грузии!

В этот момент рассказа другой, младший, брат, Бабаджан, сокрушенно покачивает головой и горестным-горестным тоном говорит как бы самому себе:

— Пропали сурае (т.е. ассирийцы. — И.В.), совсем пропали...

Но наступил тот долгожданный день — после семи лет тяжелой, мучительной ссылки, — когда им объявили о снятии с них «наказания». Им выдали на руки справки, подобные тем, что получили и мы в Сибири. Но в их справках дата заседания Судебной коллегии Верховного суда СССР и принятия решения о сосланных в Казахстан ассирийцах такая — 22 сентября 1956 г., т.е. позже, чем у нас, на пять месяцев. И так же их справки заканчивались словами: «...дело производством прекращено с освобождением от спецпоселения». Дело, которого в действительности никогда и не было. И вся трагедия людей, их страдания, болезни, смерти, искалеченные судьбы вместились в одно канцелярское слово: «спецпоселение».

После освобождения семья Бабаджана и Дарявуша не могла сразу вернуться на родные места: пережитые потрясения (смерть пяти членов семьи) и материальные трудности помешали им. Но во все годы ссылки и

потом, в последующий период, они аккуратно платили государству налог за свой дом в Тбилиси. Только в 1963 году престарелые братья, уже вышедшие на пенсию, приехали в Тбилиси, чтобы хлопотать о возвращении им родного дома. Юридически они оставались его хозяевами, все документы у них были в порядке, но на практике их дело превратилось в бесконечное и безрезультатное хождение по бюрократическим учреждениям.

За последние несколько лет была целая серия судебных разбирательств по иску двух братьев, но дело так и не сдвинулось с места. И вот недавно состоялось еще одно заседание Тбилисского городского суда. Адвокат (между прочим, грузин), который очень добросовестно защищал интересы братьев, закончил свою речь довольно необычно. Раскрыв сборники законов на соответствующих данному делу статьях и показывая их председателю суда и народным заседателям, он сказал: «Ну как еще мне с вами говорить? Вот — законы. Они целиком и полностью на стороне этих двух стариков. Вы согласны, вы говорите «да». И в то же время вы говорите «нет», дом не может быть возвращен им. Как это понимать? Вот мацони — оно белое, так? А вы смотрите на него и говорите: оно черное. Мне больше не о чем говорить с вами, раз законы уже не действуют!..» Братья, понуро опустив головы, слушали споры адвоката с судьями. А теперь они сидели передо мной, и старший брат, Дарявуша, с обидой в голосе и с потрясающей наивной верой в то, что абсолютная справедливость все же существует, снова и снова повторяет:

— Но ведь это наш дом, и все это знают. Это наш родной дом! Вот наши документы на этот дом, смотрите — целая куча. Вот наша Конституция — она говорит, что личная собственность гражданина неприкосновенна (при этом старик показывает замусоленную от долгого таскания с собой брошюру с текстом Конституции). А нам наш дом не возвращают! Где теперь найти правду? Я прожил на свете семьдесят четыре года и ни разу привода в милицию не имел, только медали и грамоты за отличный труд получал. Так же мой брат Бабаджан. А теперь уже пять лет мы ничем другим не занимаемся, только обиваем пороги кабинетов юристов, адвокатов, прокуроров. Потом возвращаемся на несколько месяцев в Алма-Ату, собираем со всех родственников деньги на дорожные и судебные расходы; мы же не миллионеры, живем на пенсию, и опять возвращаемся в Тбилиси, ночуем по чужим квартирам, и все начинается сначала... Мы старики, мы очень устали, когда все это кончится?

Что я могу им ответить? Я молчу. А Бабаджан в который уж раз повторяет свое:

— Пропали сурае, совсем пропали...

Я смотрю на старика, мне очень жаль его. Что меня поражает — так это детски наивное выражение недоумения на старческом лице, глаза, в которых беспомощность и обида взывают и спрашивают людей: где же справедливость?

В заявлении на имя Генерального прокурора СССР братья Бабаджан и Дарявуша так и спрашивают (цитирую их подлинные слова): «...Где же

справедливость: нас, рабочих, честных тружеников, наказали незаслуженно, несправедливо, отняли родной дом, нанесли невозполнимые потери, от которых теперь страдает каждый из оставшихся в живых член семьи, и никто не хочет исправить ошибку?»

Примерно через год после встречи с этими стариками я усудал, что младший брат, Бабаджан, где-то по дороге из Алма-Аты в Тбилиси сильно простудился, заболел и умер. Очень жаль его.

ПРОШЛОЕ НЕ ПРЕДАЕТСЯ ЗАБВЕНИЮ

Мое повествование подходит к концу. Замечательные слова произнес мой отец: «Если мы не будем помнить и уважать свое прошлое, каким бы оно ни было, то и другие нас не будут уважать». А уважать — значит хранить в памяти и передавать другим.

Майор КГБ Тигран М., о неожиданной встрече с которым в Каире я рассказал в начале книги, как-то спросил меня:

— Что вы испытывали после сибирской ссылки? Ведь такое никогда не забывается, правда?

Его, опытного работника органов госбезопасности, как любого другого нормального человека, поражал абсолютный произвол того, что было сделано с нами той июньской ночью 1949-го. Я ответил ему так:

— Конечно, но с другой стороны, нет смысла без конца беречь душу воспоминаниями о пережитом. Наши старики не любят разговаривать на эту тему. Я одно точно знаю: после сибирской каторги никакого чувства ненависти не поселилось в наших сердцах. Как можно ненавидеть, например, град, который нежданно-негаданно обрушился и побил весь подрастающий урожай? Таким же стихийным бедствием воспринималось в крестьянском сознании наших стариков то зло, которое выпало на нашу долю. Ведь у него, у этого зла, не было ни конкретного лица, ни конкретного адреса.

Понимаешь, когда-то мы жили в горах Турции. Там одно право действовало — право более сильного. Время от времени какой-нибудь бек или ага, соседний или дальний, налетал со своими людьми, угонял скот, похищал красивую девушку, но к подобным напастям люди были готовы, укрывались, отбивались, защищались, как могли. Здесь же, в родной Советской стране, какое-то таинственное, непредставимое, недоступное сознанию Особое совещание при министре государственной безопасности СССР в далекой Москве решило судьбу ассирийцев. Значит, когда в кавказском селе Гринфельд ассирийские крестьяне: мой отец Лазарь, Савва, Йосип, Беньямин, Ишо, Саргис, Гиваргис, Шамун, Израэл, Даниэл и другие, а также их жены — с граблями, серпами, тямками, лопатами, вилами отправлялись ни свет ни заря на колхозные поля и трудились до седьмого пота, неведомое им Особое совещание постановило, что они — враги народа, обрекая этих людей на сибирскую каторгу...

Вот это страшно осознавать. И чем больше лет проходит, тем ужаснее

думать о том, что тогда с нами сделали...

— Ну ладно. Надо все-таки забыть. Жизнь у всех наладилась... все в прошлом ведь.

— И да и нет. Для моей мамы это в настоящем. В нашем сельском доме на стене висят рядышком в рамках две увеличенные фотографии, на них две красивые девушки. Одной шестнадцать, другой неполных восемнадцать лет. Это сестры мои — Эльза и Марта. Покоятся их тела в мерзлом сибирском грунте, может, и могильных холмиков теперь уже не осталось... а души этих чистых, невинных созданий, надеюсь, пребывают там, где нет ни смерти, ни Сибири. Мама моя как взглянет на фотографии, так начинает причитать и обливается слезами. Для нее это никогда не станет прошлым.

Мне пишут жертвы репрессий

В 1990 году из ставшего для меня далеким города Тбилиси пришло письмо. Точнее, оно было переадресовано мне, тогда жителю Чикаго, редакцией журнала «Ниневия». Этот журнал, издающийся в Сан-Франциско, в течение двух лет из номера в номер печатал на английском языке главы из моей документальной повести о сибирской ссылке ассирийцев. Очевидно, некоторые номера чудом дошли до Тбилиси и были прочитаны. Человек, написавший письмо, в очень трогательной форме сообщал, что это трагедия его семьи описана мною в главе «Очевидцы свидетельствуют». Когда я работал над книгой, я, конечно, не предполагал, что когда-нибудь жертвы организованного государственного преступления, невинные ассирийцы, заговорят сами. Но это произошло, и я был счастлив узнать, что эти люди живы, растят своих детей и хранят память о прошлом. Письмо в моем переводе на английский было опубликовано в журнале «Ниневия». Оно как бы говорило: вот история, которая не сочинена, но возникла из самой нашей жизни, нашей судьбы. И я думаю, что лучше всего, если книгу завершат слова тех самых реальных людей, о которых она написана. Итак, мой рассказ подошел к концу. Теперь пусть говорит читатель.

Уважаемый Илья!

Совершенно случайно, от друзей, мы получили и прочитали первые главы Вашей книги об ассирийцах. К упомянутым Вами обстоятельствам моя семья имела прямое отношение.

Вы очень точно передали все волнения и тяжелые переживания многих наших самых близких родных, которые прочно засели в нашей памяти.

Моя мать — Назра Бид-Джаму — жива и нередко рассказывает об историях, случившихся с ней в молодости. Отец — Михаил Бид-Буну умер в 1988 г. В 1983 г. умер брат Теймур.

Я имею четверых детей:

Марика — 9 лет

Сима — 7 лет

Назра — 5 лет

Георгий — 2 года

Зовут меня Николай, жена Мзия Биткаш.

Давид Сафаров гостил у нас прошлым летом, в настоящее время живет в Москве. При встрече было много грустных, веселых воспоминаний. Но никто из нас не мог ожидать, что что-то, случившееся с родителями, может так сблизить нас.

Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность лично Вам, уважаемый Илья. Спасибо всей редакции журнала «Ниневия» от меня лично и от имени всех наших друзей.

Какими бы ни были границы государств между нами, наша взаимная любовь, любовь ассирийца к ассирийцу не имеет границ.

Большое Вам спасибо, уважаемый Илья, за Ваш труд, за Вашу память, за преданность истории нации, времени. Не имеет значения, кто ботанае, джилвае, тхумнае, тйарае и т.д., равное, что есть сурае.

Мы желаем лично Вам дальнейших творческих успехов. Благодарим за Ваш усердный труд. Желаем счастья Вашим друзьям, ассирийцам, знакомство и встреча с которыми были бы счастьем.

Вечная память тем сурае, которые сочли бы за счастье читать Ваши труды, но не дожили.

Успехов Вам. Удачи.

От Николая Бидбунова Мзии Биткаш Назры Бид-Джаму

31 октября 1990 г. Тбилиси